

Анатолий Можаровский

Последний вагон

Київ
2013

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5
М75

Можаровский А.И.

М75 Последний вагон. *Поэзии.* — К.: ВПЦ «Київський університет», 2013. — 416 с.

ISBN

В новой книге А.Можаровский искренне, откровенно, с глубокой болью, сочувствием и пониманием пишет о нравственной трагедии современного человека, который ощущает мир как хаос.

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5

Ответственный редактор
Михайло МАЛЮК

В оформлении книги использованы фотоработы
Михайла МАЛЮКА

ISBN

© Можаровский А.И., 2013.
© Малюк М.М. предисловие, 2013.
© Урбанская С.Г., художественное оформление, 2013.

СОЗИДАЯ КРУПИЦАМИ СИЛУ

Читая Анатолия Можаровского, нет-нет да и вспомнишь события вот уж тридцатилетней давности: топорливо, один за другим, ушли в мир иной старые, да и годами дряхлые, партийные и государственные (как было принято говорить тогда) деятели; Советский Союз возглавил новый, непривычно бойкий и говорливый лидер, который не прятался за крепостными стенами Кремля, а неутомимо мотался по стране, выступал перед огромными аудиториями без бумажки, (что было в диковинку!), охотно встрявал в дискуссии, азартно спорил. В обиход вошли свежие политические термины: “перестройка”, “гласность”, “новое мышление”, “социализм с человеческим лицом”. Немного пошатнула всеобщее обожание антиалкогольная кампания, которую по привычке проводили с неистовым рвением и перегибами. Приоткрылись спецфраны архивов, началась массовая реабилитация вчерашних “врагов народа” — литераторов, ученых, общественных и государственных деятелей. Был легально издан “Архипелаг ГУЛАГ” А.Солженицына, другие его произведения. Неимоверно возросли тиражи литературных журналов, которые наперегонки публиковали запрещенных ранее писателей, осмелели и современные публицисты — острые, полемические статьи появлялись в каждой газете. Наконец-то открыто заговорили о массовых репрессиях и голодоморе. Первые глотки свободы пьянили, кружили голову надеждами на свободу ещё более полную — уже и в сфере экономики. Слыханное ли дело! — сам генсек рьяно критикует плановую экономику, говорит о самостоятельности предприятий. Появились первые производственные кооперативы и малые предприятия, народ бросился “челночить” — тащил на рынки Польши вод-

ку, утюги и другие мелочи и любовно грел в руках вождельные доллары...

А тем временем как бы ниоткуда появились и полезли наверх нахалы, выбивая себе языком и нахрапистостью депутатские мандаты и должности. Они так много и упоённо говорили о свободе, реформах и своей любви к ним, что их речи напоминали сладкие речи купцов, желающих продать залежалый товар возможно выгоднее. Страна потонула в разговорах о реформах и в мелком политиканстве. Прилавки магазинов пустели, заводы останавливались, зарплата задерживалась. Всё шло к развалу и краху...

Запад ликовал, видя как шатается и рушится бесславно главный идеологический и экономический соперник, заставлявший его своими непредсказуемыми действиями, а иногда и прямой агрессией, содрогаться от ужаса и лихорадочно работать мозгами, постоянно усовершенствуя производство, развивая науку и новейшие технологии, чтобы не оказаться слабее. Хочешь не хочешь, но само существование СССР было необходимо для западного мира как постоянный раздражитель и стимул к усовершенствованию.

Но вот Советский Союз пал. Осталось постсоветское пространство. Здесь, и на территориях его сфер влияния в Восточной Европе, появились десятки новых независимых стран со своими амбициями и давними обидами. То тут то там вспыхивали межнациональные и религиозные конфликты и войны, в языке политиков и простых людей стало привычным понятие "горячая точка". В бессмысленной боёне гибли десятки тысяч людей, рушились города, сжигались деревни, жертвами терактов становились невинные люди и за тысячи километров от очагов конфликтов... Об этом, видимом всему миру кошмаре, много говорили и писали, снимали документальные и художественные фильмы, но самый страшный кошмар остался вне кадра — ад тонущей в грехах и соблазнах души человеческой, всеобщее озверение, неверие в добро, уныние, тоска, безразличие к ближ-

нему и собственной судьбе... Именно это, по-видимому, и имел в виду Адам Михник, сказавший когда-то: “Страшен не коммунизм, а то, что придёт после”.

Об этом “после” и человеку в нём и пишет постоянно Анатолий Можаровский. Пишет искренне, откровенно, с глубокой болью, сочувствием и пониманием. Эпический размах его таланта, истовое творческое напряжение помогают создавать не просто поэзии, но метатекст идентичный самой целокупной реальности. Ему удалось добраться до глубин изображаемого бытия, обнаружить праначало, лежащее в основе чувственной, интеллектуальной, нравственной трагедии современного человека, который ощущает мир как хаос. Он ищет путь к его спасению, понимая это как главную, высшую, задачу литературы. Он ищет знания, а не объяснений, знания, которое он мог бы использовать для изучения нашего изменчивого мира, особенно изменчивого общества, политических перемен и ихних причудливых исторических законов. Он ищет общественные механизмы, которые могут остановить разрушительные общественные перемены и создать некую идеальную модель государства, которое будет неспособно к деградации и разрушению. По теории “форм” или “идей” Платона каждая обычная или деградирующая вещь имеет совершенного двойника, который не деградирует и не разрушается. Таковым совершенным и неизменным соответствием всем законам Анатолий Можаровский видит Божьи Заповеди.

Общая традиция христианства сформировала Европу в её нынешнем виде: культура каждой страны неповторима, и, в то же время, различные культуры взаимосвязаны теми общими элементами культуры, которые принесло с собой христианство. Мы можем придерживаться различных политических взглядов, но наша взаимная обязанность — сохранить нашу общую культуру неиспорченной политическими влияниями. В мире, обезумевшем от жажды накопительства и греховных наслаждений, мы должны

спасти то общее духовное достояние, хранителями которого являемся.

Анатолий Можаровский первым увидел и назвал зло, которое уже уничтожило культуру на постсоветском пространстве и пустило метастазы в культуру европейскую: всеобщее одичание и варваризация населения, которое, получив политическую свободу, поняло её как анархию и безнаказанность, моментально потеряв все моральные ориентиры жадно бросилось в объятия золотого тельца, безоглядно ворую, обманывая, не останавливаясь перед прямым разбоем и убийством.

Под обнадёживающие речи о демократии власть захватила олигархия, которая цинично и открыто начала грабить страну и народ: ловко приватизировались мощнейшие заводы и фабрики и тут же объявлялись банкротами, рабочих выгоняли на улицы, а современное, дорогостоящее оборудование сдавалось в металлолом, с не меньшим рвением разоряли колхозы и совхозы — их просто смели с лица земли... Даже оккупанты не вытворяют такого на завоеванной вражеской территории.

А что же народ? Видя отравляющие душу безобразия, видя как безграничны пределы власти авантюристов, которые правят им, поругивая заглазно вождей, естественно и неизбежно он и сам заразился всеми пагубными свойствами, навыками и приёмами, да и себе поворовывает потихоньку. Идеалом и целью жизни стали деньги — много денег, и, желательно, не в гривнах, а в долларах и евро — сулящие все мыслимые и немыслимые наслаждения: изысканные кушанья, роскошные квартиры, дома и дачи, дорогие автомобили — у нас даже дворник мечтает о “майбахе”!

Но: “Я с истинным страхом смотрел всегда на всякое благополучие, приобретение которого и обладание которым поглощало человека, а излишества и обычная низость этого благополучия вызывали во мне ненависть”. Иван Бунин.

И: “Главное заблуждение жизни людей то, что каждому

отдельно кажется, что руководитель его жизни есть стремление к наслаждениям и отвращение от страданий. И человек один, без руководства, отдается этому руководителю, — он ищет наслаждений и избегает страданий и в этом полагает цель и смысл жизни. Но человек никогда не может жить наслаждаясь, и не может избежать страданий. Стало быть, не в этом цель жизни. А если бы была, то что за нелепость: цель — наслаждения, и их нет и не может быть. А если они и были, — конец жизни, смерть, всегда сопряженная с страданием. Если бы моряк решил, что цель его — миновать подъямы волн, — куды бы он заехал? Цель жизни вне наслаждений и страданий. Она достигается, проходя через них.” Лев Толстой.

Прав Джеймс Джойс: “История повторяется, меняются только имена”.

А что сегодняшняя Украина? Страна, отличающаяся тем, где ничего не производится, но ежегодно появляются десятки миллионеров, и где любое, самое благородное начинание необъяснимо превращается во зло и несчастье, (конечно, кто ничего не делает — не ошибается, но у нас, что ни сделают — ошибаются). Страна, где бандиты возглавляют партийные списки и депутатствуют в парламенте, вершат правосудие, улыбаются с экранов телевизоров, обложек глянцевого журналов и билбордов на каждой улице: они присосались с цепкостью медицинских банок везде, где можно урвать хотя бы малую толику денег. Все наши политики за все прошедшие годы независимости являют собою печальное, часто трагикомическое зрелище существ, пришедших в люди, как бы нарочно для того, чтобы исказить, опорочить, низвести до смешного, пошлого и нелепого самые чистые, самые сокровенные чаяния народа, осмеять, спародировать и убить его веру, похоронить надежду, изнасиловать любовь. Сказать, что у нас не было выбора? Да нет. Выбор был. Но мы почему-то всегда выбирали худшего из худших, не замечая и не слыша людей умных и достой-

ных. Ну, разве не о нас: "...горе народу, не доверившемуся в трудный час людям честным, благородным и мудрым, ибо не будет успеха там, где недостойные ловко направляют события, от коих зависит процветание общества. Большая часть несчастий, обессиливших и погубивших некогда процветавшие государства, произошла от пренебрежения к великим умам, порожденным великими событиями."

Это Фенимор Купер.

Девятнадцатый век...

...Когда-то Ленин, подутративший ныне авторитет и актуальность, назвал Льва Толстого "зеркалом русской революции". (Да простят мне вольность почитатели вождя мирового пролетариата!) — воспользуюсь его формулой: творчество Анатолия Мажаровского — зеркало украинской независимости. В самом деле: книги Анатолия Мажаровского дают воистину толстовскую по размаху и всеохватности картину жизни современной Украины. Внимательный глаз художника замечает мельчайшие детали бытия, трагедии и комедии ежедневной жизни, тончайшие нюансы душевных переживаний; поражает его способность добраться до глубин изображаемого бытия, умение передать момент слияния эмоции и стоящей за ней реальности. Имея аналитический склад ума, он обладает и тонким чувством юмора: чего стоят шуточные мини-поэмы, в которых мировые, и поменьше, президенты и премьеры: Обама, Берлускони, Путин, Назарбаев, Лукашенко, да и наш гарант, надоедают лирическому герою просьбами о помощи и требуют советов для решения мелких семейных неурядиц и глобальных проблем мировой политики. Все шутки Анатолия Мажаровского шуткосерьёзны, как говорил в таких случаях Джойс, они всегда со смыслом, и порой немалым. В некоторых поэзиях он мастерски использует комическое смешение языков — русского и украинского, заставляя по-новому взглянуть на проблему "второго государственного" — разобщение народов, их упадок и смешение

языков уподоблены, поставлены в связь еще библейской мифологемой Вавилонской башни. В поэзии Анатолия Можайковского много Библейский аллюзий, образов, прямых и не-прямых цитат. Использование христианской символики, проведение постоянной параллели между современностью и событиями Библейской истории помогает поэту понять то громадное зрелище тщеты и разброда, которое представляет собой современная история. Среди океана страданий художник не теряет веру в благие начала, а по крупицам собирает духовную силу на борьбу с космической силой зла и хаоса.

Михайло МАЛЮК

***

Облака по небу синему
на восток.
В Россию.
И самолёт
в лучах серебряный
плывёт заведомо
в мой отчий край.
А там — леса, берёзы, —
мой белый рай.
Много лет его не видел я,
а он меня держал
в минуты трудные:
а с них — вся жизнь.
Над речкой почти безлюдные
дома стоят.
И мой пустой.
Ушли, оставив в берегах рай,
отец и мать.
А память детства
картинки вертит
могил, крестов.
Кладбища русские —
их как лесов.
Берёзы белые,
метели снежные
и детства дом.
Один лишь ждёт
меня здесь он.
Холодный и нетопленный...
Я жизнь начну сначала.
Россия-родина — причалом.
Россия — мать.
И нет другой.
В ней мне жить
в любви к такой несчастной,
но родной.

Березы белые...
Река во льду...
Холмы снежные...
К ним иду.
Щекой прижавшись
к кресту
стою...
— Родители,
уже я не спешу.
Я всё летел
так много лет,
а вы ушли...
Я был нигде.
А здесь мой дом
в раю березовом
под Рождество.
И печь натоплена,
дрова трещат,
и пламень яркий —
в него мой взгляд.
Вечер ранний,
в метели дом.
Берёзы белые
моей семьёй.

27.06.2013.

***

О Америко, Європо,
як же хитро
правите ви світом!
Велика сила ваша
і страшна:
Афганістан, Ірак,
і в Лівії
ракети та солдати
ваші,
і глум, і кров!
Так демократію
вживляєте у кров
країн “відсталих”.
А в нас бандити —
ви їх не бачите,
хоч і близько.
І тільки Фьолі і Квасневські:
— Лю-лю-лі, лю-лі-лі...
Туди-сюди їх літаки.
А Юлі — милички
й тюремне ліжко.
Народ мовчить,
немов води набравши в рот,
очима все на вас —
от-от указ прийде,
і опозиція піде
у владу,
як було не раз.
А ті, що правлять світом,
сіють правду через сито
і ним махають,
мов чорна-чорна віхола
летить брехня.
А правди ніде діти.
А правда вже зійшла зі світу
і відійшла
в далеку далечінь.

На троні лиш брехня —
сестра неправди,
як і та, яка
вже тут була.
У душі нам брехня
як куля, як війна.
Америка, Європа —
ви хитрі-хитрі
поки, поки...
А хитрість — це не мудрість.
Хитрість недолуга.
І прийде час
нових людей,
з мечем,
без милиць...

27.06.2013.

***

Політтехнологи, політглобологи,
політсуччоги, політбовтологи
Україну ділять по Дніпру.
Україну ділять — всьо путьом!
Граблі — вила.
Синьобілі — помаранчеві.
Чинганчгук та кардинал.
Середній вік та термінал,
де міністрик відмивав
свій черговий капітал.
Влада зверху.
Опозиція, що тля,
трохи листя їсть на владі,
бізнес — бруд —
все антихрист там трима.
Йому вірять,
його знак,
його постава,
і на нього вся надія.
Краще б не було надії,
не було б тої вершини,
а жили б в горизонталі...
Та вже пізно.
Тралі-валі —
все просюкали, проспали,
віддали свою державу
за копійки і неславу.
— Ніж точити пізно, тату.
Все тут продано,
і свахи
крутять, вертять
спідницями,
підставляючи “халяву”
тим, що зверху.

— А ти?
Де ти був,
коли плекали,
будували тут державу?
— Тут я був.
І бачив лихо,
лихосміх та цирк-корито.
Тут ніхто не будував,
тут ділили, хто що вкрав.
Тут раділи гаманцю.
Тут свистіли:
сю-сю-сю.
А лакеї вдягли шлеї
і те стерво потягли
на піраміду
в самий верх —
і вже антихрист на коні.
Із пап'є та гуми кінь,
трохи міді, трохи бронзи.
Стій!
І він стоїть.
Стояти буде, може, вік,
а, може, два,
поки знизу та людва
не пощезне,
і новії прийдуть люди,
об'єднавшись у народ.
Але хто народить їх?
Який батько, такий син.
Комуніст, чи з інших сил —
всі паплюжники Закону.
Де ж людей візьмуть колись?
Я не плачу, не стогну.
Я молюсь...

27.06.2013.

***

Пешком по России
я шел целый год.
Пешком по России
я шел без сапог.
У меня их украли
на районе Кремля,
и прыгать заставили
деньгами звеня.
Деньги отдал я
и керовгаз, который
вёз в музей,
где не раз
я бывал.
Третьяковка и зал,
на картине в стену
“Восхождение Иисуса Христа
к народу”.
Стою, оглушенный, уже
сорок лет.
Неужели запомнить
так трудно,
что ты человек?
Эх, российская вольница!
То купец-феодал,
то менеджер с гопником,
то ларёк и нахал
продает всё подделки:
от лекарств — до неё,
водки русской,
из спирта,
где с Китая сырьё.
Эх ты, русская вольница!
Кладбищ, кладбищ концы,
и аллеи бандитов
убитых.

Менты
лежат рядом рядами,
не от пуль бандюков,
а много так брали
мзды себе,
что и ствол
не стерпел
свой на пузе,
узрел час и бахнул его.
Эх ты, русская вольница!
И народ есть народ.
Но двести тысяч
уголовников —
тьху! —
чиновников,
укатили в Лондон.
И живут там со семьями.
Молодое бабье, старых тел
каруселище.
Да, деньги здесь — всё!
И за них та Рассея
падать начала вбок.
Её тянут налево,
а тянуть бы в восток,
там, где Азия крепко
поселилась в тайге,
до Урала их земли,
да китайцы везде.
Эх ты, русская вольница,
Третий Рим, говорят,
им кресты, и обновами
храмы горят,
а на деле, по Заповеди,
брат здесь брату не брат.

С синей лампой
на тачке
прёт эскорт
по шоссе,
и мигает мигалка
в дурака там в душе.
Ни ума, ни умишка
у него в голове,
а лишь толстый мешок —
в ад бы его нагишом!
А земли то убогой
не собрать, не свезти,
а им Крым дай
и вволю
имперскую прыть.
А кто править-то будет
имперским орлом?
Может, эмиграция с Лондона?
Да. Всё протухло
и сгнило
в борьбе за золото.
Эх, российская вольница,
где начало конца?
Катит тачку
от дворника
кутюрье пиджачка,
и попса на экране —
генитальный облом.
Основные программы —
кто кому и по чем.
Эх позора, позора
за сто лет не собрать,
а мы мечемся хором,
где Рассеи постать,
где подняться чуть вгору,

обойти и догнать
по каким-то особым
рейтингам в масть.
И мне стыдно, стыдобно
как в публичном доме.
Родина Пушкина...
Воскрес бы,
и слова
Русь услышала б первые:
— Я сейчас снова умру!

27.06.2013.

***

По постсоветскому пространству
я на спутнике летал.

На постсоветском пространстве
я многое видал,
и устал.

Баи, беи, феодалы.
Азия стоит упрямо
в веке среднем за года
как скатились все туда.

Баи, беи, феодалы
во дворцах,
и “хюндаях”,
а людцы на ишаках,
все в халатах,
галошиках и так.

Раз лепёшка,
два лепёшка,
фруктов чуть,
чай немножко,
и работы чуть-чуть-чуть.

По дороге бродит гусь,
он усталый и голодный.

Завтра цирк,
и нет уборной.

Цирк приехал частным
делом,
а зверей пустили смело
по долине в Фергане
кушать, спать,
и выступление ожидать.

А оно не началось —
звери стырены.

Авось
не прошёл азийским местом —
здесь давно
как ту невесту
стырят, спрячут
и съедят.
— Что, либеральный капитализм
тоже?
Гад!
— Да нет. Здесь феодалят.
Делят деньги и егорят,
жить хотят по-европейски,
красят волосы,
и девки —
высший класс! — по Астане.
— В поисках любви?
— Да нет.
Что любовь,
коль деньги есть?
...Спутник сбили
над Афганом,
то ли США, то ль талибаны.
Я слетел с горы удачно.
Цел остался,
как был и раньше.
Снова спонсора ищу,
куплю спутник и взлечу.

27.06.2013.

***

Режим построил новую систему
в России —
контролируемую олигархию.
Папа-олигарх покупает
дочери подарок,
квартиру на Манхеттене,
почти что даром —
за девяносто миллионов
их долларов.
(Вначале бумажки дали,
потом забрали).
Другой — футбольный клуб
британский,
третий в Ницце в ванной
обливается шампанским,
но все перед властью
во фронт стоят
с поклоном головы.
Изгой все остальные
в своей стране.
В больнице нет лекарств.
За всё платить
нужно втройне.
И хорошо, если глубоко
не лечат,
есть шанс живым вернуться.
Вещи,
любые вещи здесь капитал.
За ними и молодой,
и с Кавказа аксакал.
А по Амуру с Китая переходы —
в тайгу уходят люди,
и не возвращаются обратно.

Пароходы пустые
унывно завывают,
убыточный у них бизнес —
в один конец билет.
Но время, и рак свиснет,
и по Урал — писец.
Объявят автономсоюз
Китая,
подрежут всю Сибирь
до края,
и ляпнет БАМ,
и те Курилы,
о которых много с
пеной говорили.
А как же там “воры в законе”?
Под китайцев с группировками.
Надолго.
Их вышлют в Грузию,
как слали с Украины.
Грузия сынов своих
обратно примет,
а пока долбают золото
и моют,
лес режут за бумагу,
все ту же, зелёную.
Рыбу, крабы —
мимо,
мимо Родины любви.
Ты, Россия, посмотри:
сто лет кряду
тебя рвут
эксперименты.
Всё оттуда, где и деньги.

А тебе, родной,
в виде премий
за хорошую работу
новая система от режима
благородно разрешила
шансоном быть
и феней ботать.

28.06.2013.

***

Нема вже в Україні
сучих синів,
про яких писав колись
академік наш один.
Побили, потруїли всіх собак,
окрім тих, що водять
на повідках,
в машинах возять —
то як люди
нової ери.
Дорогі вони, холери.
Цуценятко коштує
як три галери
з музею козаків.
Цих псів
багато розвелось,
але від них
нема сучих синів,
а нові люди
на повен зріст.
Вони ввійшли в
цивілізацію
надійно.
В них зуби — сталь,
а м'язи, шкіра, шерсть —
ціла індустрія
на них працює
вже тепер:
косметика та їжа,
одяг та все інше.
І їх життя —
не наше.
Біля палаців ліниво
наче холуючать,
але холої їхні —
колишні люди,
правда, з грішми.

Скажіть-но, Петре Кондитерський,
та інші
про євробуди, дивани шкіряні
та килими.
Ну що тут скажеш...
А сучий син учора
приходив під ворота.
Він їсти просить,
в очах сум.
Він сам-один,
як і колись...

28.06.2013.

***

Прийшла на землю
нашу воля,
її нам небо скинуло
і доля.
Та разом з нею і сестра —
недоля.
Вже б краще десь
поділась воля —
така жорстока
в нас сваволя.
Але ми всі живемо
непогано,
ми вдячні новим панам
і владам,
які пройшли
землею мов торнадо.
Але живемо ми,
і славим волю.
Та де та воля!
Одна сваволя...
Не стерпіти
сваволі волі,
а жити хочеться.
І ми віддалися долі,
а доля віддалась
сваволі,
і все заплутано
в країні,
де воля, доля та сваволя,
де прапор,
влада
та надія гола-гола.

28.06.2013.

***

Там за синим углом
новый угол нам строят,
и туда мы пойдём,
как когда-то, строим.
Угол из сверхкирпича
заливают бетоном,
сверху сетка висит,
а пол серого камня,
а на стенах цветных
пишут вновь наше знамя —
Конституцию.

Всем.

С новой белой бумаги.
Воды стало в Днепре
по колени, где меньше —
из России поток
повернули на Обь весь.
Где-то люди живут
на холмах посползавших,
а город стал почти
пуст
без людей посъезжавших.

А в углу синем те,
кто любил его ложно
и, поверив в успех,
продержался так долго.
В нем остались и те,
кто с иконой-картинкой
славил силу вождя
и шел гиблой тропинкой.
Не боролся никто,
как всегда в нашем мире,
просто угол упал,
сгнил как алчность
кумиров.

Вместе с нею легли
и вожди синекрасны,
а меж ними
столы,
где сидели вприсядку.
Угол новый — не наш.
Его строят в подарок
тем, кто жив
здесь,
сейчас, —
для размножения
рабства.

29.06.2013.

***

Русские в Лондон
едут и едут.
Квартиры, дома скупают
в надежде
пожить как буржуи,
рантье на диванах
жизни роскошной
без российских “тюльпанов”,
где часто бушуют
конфликты и встряски,
потом “грузом двести”
везут как в коляске
на родину тело.
Буржую с России
это не пригляделось,
он ищет покой
и сохранность ворья,
грабленных денег,
имущества.
Зря их не любят.
Скажи мне, Лужков,
ты же хотел бы
в Москве пирожков,
баранок и девок
румяных?
А что тот Лондон?
Там прятаться срамно
пред русским народом,
но ты пуганулся
ответа
и клоном
ушел с миллиардами,
как и другие,
с душевным надломом.

Бедные русские
в туманах
и днях часто грустных,
дождливотоскливых.
Жрёт ностальгия...
А, может, когда-то
кто-то там замуж
или женится
в королевский замок,
годы пройдут, пролетят,
растворятся,
и вдруг — король!
Русский!
О, братцы!
Гульнем по Британии,
вспомним
русские шалости!
И, вёдрами, водка!
Русские привыкли удивлять мир всегда.
А что британцы?
Им лишь капитал шел бы сюда.
Хорошо, если король будет
с ФСБешников,
а не с бандитов
с дороги.
Но кто вспомнит,
тому прочь башка!
Русские в Лондоне
гуляют, спиваются
и ностальгируют
временами
пока...

30.06.2013.

***

Здесь продаются туры
в глубокие дали,
где вечная осень,
дождь, влага и хмуро,
и дальше лишь
октября начало
в тепле куч преющих листьев,
и запах
смешивается с запахами моря.
Купите тур!
Вы готовы
ощутить блаженство
вечного рая,
из-за которого
жизнь цветет
не умирая?
И лишь те, чья очередь
близко
превращаются
в кучи опавших листьев.
Ты, любовь моя,
далекая и близкая,
и тёплый дождь
от тебя на меня росой.
Я живу часто
лишь в тебе
и тобою.
Границу мира иного
видно,
я не боюсь её,
но спешу
в тебя,
в твою осень
ветров свежих
с морским бризом...

Влажный берег
с травой сухой,
колючей, но нежной,
с тонким запахом
тебя, вечно прежней...
И я падаю лицом
в осень,
в кучу листьев,
запах далеко меня уносит
назад, в мечты...
Всё ближе даль,
где всегда ты...

30.06.2013.

***

Девочка Мария
собирает камешки на берегу реки,
бросает их в набегающую волну.
Хлопок —
и быстро исчезающие круги.
Ребёнок рад, смеётся и смотрит вдаль.
— А что там, за морем? —
спрашивает меня.
А там — печаль...
Там рос Христос.
И жил потом, учил.
И камни все хотели бросить
в женщину за её грехи,
но Он разрешил бросать
лишь тем,
кто чист сам
как этот день,
как это небо,
как дети.
И не нашлось таких.
Я тоже не бросаю камни,
даже ради смеха,
ни в речку,
ни в деревья.
Я чувствую свой грех,
один, большой,
из разных всех
как камни,
и большие,
и не очень,
но все сплелись
и давят очень
на душу, сердце,
и дней печальных — больше...

А время отбивает
шаг
вперёд,
а я пытаюсь всё назад —
там была молодость,
и грех только начинал возрастать.
Легко и просто
было сбросить его в реку...
Но это — миг.
А искупление на бегу
среди таких как я?
Всё вроде ясно
в Слове от Творца.
А жить по Слову?..
И я виню и власть,
систему и страну,
где стал почти изгоем.
Но всё — не в них.
Их — это их.
А мне — свои.
Утраченные годы, дни.
И смех Марии,
болью,
со середины
моей груди.
Мы виноваты все,
во всём,
за то, что сотворили
себе кумира.
У каждого он свой.
И общий есть,
как говорят “крутой” —
это богатство.
И жизнь стала
о нём мечтой.

Это враги внутри души —
мои, твои.
А мы бросаем камни
дружно на кого-то,
потом на что-то,
потом на друга,
и так проходят дни, минуты...
Летают камни
в воздухе повсюду...

30.06.2013.

***

Звонит звонок по воскресеньям
как привиденье,
потому что нет звонка
в натуре,
но трель его серпом по шкуре,
и целый день,
до дна
мозгов
звонит, звонит.
Но я молчу.
Я не готов.
Хоть знаю кто.
Это Россия с глубины
других миров,
куда ушли, уплыли
россияне с частью земли
своей.
И знамя: в тех — красное,
в тех — триколор,
а кто под черным —
анархист.
И нет там мира
в тех мирах,
там продолжают выяснять
кто прав,
кто виноват,
и что им делать там
и здесь,
где крабы тихоокеанские
только в Японии и есть,
а здесь —
не для всех, не всем.

Скажи-ка, Путин,
ведь недаром
Ельцин в тебя попал
тем шаром,
в котором ключ от матушки-Руси?
Недаром, Вова.
(Не проси ты вычеркнуть
эту строку).
Недаром, Вова.
Я тоже тебя люблю.
Как вся Россия.
Но когда-то
и ты ответишь мне
за ту систему,
за время смятое, утраченное,
как те хризантемы,
что снег накрыл
зимой зашедшей.
Ты, Вова, умный,
даже сумасшедший,
в хорошем плане,
но страна!
Падения её
такая глубина...
И столько лет у трона
лишь возня,
и спертое дыханье
копошащихся.
Чума
обошла вас стороной,
но дух чумы вошел
и стал тут свой.
А ты согласишься с чурками
по кругу,
 согласишься с бандюганами,

и крутишь
все тот же диск заезженный
баблом.
А сила где твоя?
И на фиг трон,
если ты только держишь
то наследие,
что всем оставил он —
Совдепревком?!
Союзревком!
Бандитревком!
Убийцревком!
Совком!
Облом!
И суперграбежом!
Гори огнём тот трон!
Послушайся меня,
не будь ментом.
Открой ты душу
на ветрах простору,
поплачь под белую берёзой,
как плачу я
о русской, белой,
с Волги,
о русской, белой,
с Подмосковья.
Володя ты, Володя...
Как мальчик
возле трона,
где меч тяжёлым
оказался для руки,
где засосали байстрюки
с заморских сказочных
миров
и тех, далёких,
что звонят мне вновь.

А Кремль стоит
великий и бессильный.
Народ почти лежит
великий и терпеливый.
А на балах танцуют
парами во фраках
скотоподобные
в богатстве,
в алчности
и святотатстве
отцы сегодняшней
российской, как хризантемы
под снегом,
опавшей нации.

30.06.2013.

***

У нас беда большая —
Берлускони восемь
лет тюрьмы
впаяли
за то, что занимался
сексом с несовершеннолетней танцовщицей,
когда она была
ещё школьницей-девицей.
Да тихо, вы!
Тихо.
(Это я журналистам).
Берлускони апелляцию подал,
и танцовщица отрицает
факт их связи.
Карнавал у меня дома.
Берлускони возит
девок своих снова —
боится у себя
на родине.
Не может.
А здесь?
Если узнает Енокович,
что будет мне?
А девки, девки!
День Конституции гуляли
мы все вместе.
Юля выступила
и не признала
её действие,
(а где была пять лет назад,
что допустила ротозейство
и к власти допустила хряков?),
и улица пыталась
представить праздник
как продажность.

А президент сказал,
что нужен новый праздник:
назрел час новую писать
“в законе”.
А Берлускони голым
перед телевизором
долдонит
и пьёт коньяк
с Парижа —
нам всё везут
оттуда,
даже воду.
Я уже устал
от этих девок —
красавицы, кровь с молоком, —
но телек
меня пугает
Конституцией три дня.
Я праздную его
не так как вся страна,
и если схватят
на горячем...
Тут Берлускони музыку
включил и скачет,
танцует,
занимаясь вновь
любовью.
Я уже от страха
угорел.
И больно,
трудно
жить в стране, где
нет свободы,
и Берлускони жаль, —
хороший друг...

Но слышен шум
из преисподней —
не доведут нас до добра
эти гулянки,
уж лучше по-нашему,
где только пьянки —
за них никто
не спросит.
И я вливаю вновь
в себя коньяк с Парижа,
и вижу как
моих подружек рыжих
куда-то ветер сносит...
Бал осенних листьев...

30.06.2013.

***

Первый день июля
зашёл незаметно, тихо, в полночь.
Тяжело вздохнув,
прилёг уставший.
Я не спал.
Целый год он добирался
сквозь неведомые
нам пути Вселенной.
Целый год в пути,
когда остался в году
прошлом за орбитой снова.
А утром, бодрый,
вывел солнце на рассвет,
лучи горячие его
зажёг,
и свет, и свет!
Горячий, хоть и первый, день в трудах.
Греть будет лето
своей силой.
И в грозах, и в дождях —
ему везде будет работа.
Он главный целый месяц на Земле:
от полюсов
и до экватора — забота.
Жаркий месяц лета.
Как по мне,
вроде ничего не изменилось
за ночь.
После июня, оторвавшегося
в пламень
горячих дней,
и, вроде, потерявшись
на целый год
в путях вселенских.
И не страшно.

Такая их судьба,
как и нас, идущих:
приходит первый день,
потом последний.
Случай?
Да нет, не случай,
а всё расписано
законами движений.
А июль греет, греет
воздух, землю,
и легкий ветер
в листьях на деревьях,
и капельки росы
на травах.
Верность и вера
проходящих дней и лет —
короткой земной жизни
вроде-бы уже и нет,
хоть только вчера вышел
я, как и июль, тихий,
единственное отличие:
я — с криком.
И все продолжится и будут
гнать столетия как секунды,
а время пролетит,
и мир очнется
от приближения главного
в День Судный.

01.07.2013.

***

Стоит старый седой солдат.
Карабин с блестящим штыком
в руках.
На штык входящие накалывают
пропуск-мандат
и заходят в помещение,
где только правду говорят.
За столом секретариат,
перед ними “элитняк”:
олигархат, депутатский штат,
президентский каганат.
И говорят.
И только правду.
Впервые за десятилетия.
Шакалы
падали бы от зверства,
которое здесь слышно
с пастей министерских,
от бизнесворотил,
кто люд продуктами
и медикаментами травил.
И говорят здесь
только правду.
Её записывают
на бумагу,
а дальше — подпись,
и уходит в дверь
другую,
где грузят его
за жизнь лихую
в фуру-скотовоз.
Их отъезжает
несколько за год,
а остальные ждут
у входа.

Годами ждут,
несмотря на дождь,
или морозы.
Питание им выдает
сам Чертовецкий,
мэр Киева,
специалист кормить бомжей
продуктами, где одни “ешки”.
А в стране пустыня
тишины.
Населения осталось
мало.
Все ушли.
И прежде времени ушли
от жизни, пищи и воды.
Ушли в дешевые гробы.
А “элитняк” жил долго
и сердито.
Но появились воины
открыто,
как с неба снизошли
в страну,
и вот теперь — ответ,
и правду говорить
ему, подонку, подлецу.
А дальше — скотовоз,
и в путь.
Куда везут?
Не знает здесь никто.
Даже водители, охрана.
Им то что?
Дали приказ.
А дальше — тайна много лет
назад.
Никто ещё оттуда не пришёл.

Старый солдат стоит
с карабином и штыком,
и губы шепчут
тихие слова
молитвы за страну,
которая так тихо, быстро
отошла
от оккупации
своих же, выросших
в стране,
но “элитняком”,
в отличие от людей,
которые им были лишь никто...

01.07.2013.

***

Лестницы в камне цветном,
нарядном,
залиты кровью, слезами.
Мрамор.
Гранит.
И малахит.
И все другие.
И всё сияет, и всё горит.
Всё дышит пламенем.
По ним народ бежит.
То вверх,
то вниз,
то чуть левее.
— Посторонись! — кричит
как громом
какой-то ухарь.
И люди жмутся
к перилам.
Ужас исходит мерзкий,
но я держусь.
А пламень хлещет,
но не орут
те, кто идут.
Куда идут?
Зачем идут?
Но их ведут.
И время жестко бьют часы.
— Марш! Бегом! Потом идти! —
а тут — удар! — и все налево.
А камни скользкие
от тысяч тел,
что днём и ночью
в движеньи.
Молиться можно в пути.

Но смысл
молитвы той,
которую съедает здесь огонь?
Одно лишь слово — и пламя
вверх,
и дым, и горечь
от безысходности.
Но нет потери
на лицах наших.
Времени мало
мыслить иначе —
только путь
по камням ярким,
и отдохнуть
выводят часто
на площадь мира,
что Пикадилли,
или Стрит восемь и девять,
а, может
быть, другая важность,
перед которой
мир вздыхал,
и ручки, ручки
у груди сжимал.
А площадь в танцах
и музыкантах —
играют вальсы,
играют танго,
играют быстро
попсу прыгучек.
Здесь оркестров
как лягушек
в болоте каждом.
И всё так важно,
и всё так быстро,
и все спешат,

потому что миг
часы пробили —
и все назад.
Опять по маршам
ступенек стёртых
горящих пламенем
огней несносных.
И все идут, сжимая
зубы —
здесь не пьют,
и есть не будут.
Здесь нет ни славы,
ничего.
Богатство, должность
ушли как капля
слезы в огонь —
лишь легкий треск и пара чуток.
Здесь все равны,
и все знакомы,
ведь тыщи лет
ступени — домом
одним на всех.
И только площадь —
великий праздник.
Но танцы быстро
уйдут с концами,
как все дела, что
злыми были.
Их конец так быстр,
и неважно —
Пикадилли, восьмая Стрит,
или ещё
малоизвестны
той стране
наши майданы,
и их армады.

Лишь только танцы
одна отрада,
но в них зла не так и мало,
было бы меньше и дел злодейства,
а так конец их быстр.
Смех какой-то сбоку,
гортанный, громкий,
но оркестры бегут
все вместе, всем скопом
и одним домом
на бесконечность
таких любимых
в жизни прошлой
шикарных лестниц.

03.07.2013.

***

Как бы подняться,
взлететь над серостью,
серостью мыслей,
желаний и деятельности.
Серость нам солнце
закрыла в дни летние.
Что сотворит она в зимние
и так безутешные,
когда день весь в тумане
и мрачности,
и только снег идущий
радостью нам,
и только иней укрывший
деревья,
и только лед в искрах
летающих саней,
и метель, и метель
с воем и хрипотцой,
как голос пропитый
музыканта,
но скрипка его
рвёт наши души
такие толстые,
как чугуны.
Серость...
А цвет-то прекрасный.
Серый мундир,
костюм
и плащ весь в заплатах,
но так любимый
в прогулках
сереющей осени
дней с первым морозом
и инеем проседи,
травы желто чернеющей
горечи.

И сердце стучит громко,
и просит ещё, ещё осени...
Но то серость другая.
То цвет от Творца.
А серость мирская —
не цвет крыла
птицы взлетевшей
из-под ног,
не дажемышь
в поле.
Не тот цвет
мирской.
Ему краску б сменить,
поэтому грустно душе
смотреть
и серить
себе часто
без необходимости,
когда радости в ней
через верх беспричинности.
Как без причины?
А так вот, как есть.
Душа эта чистая,
как тот белый снег,
а мир и витрины
красит, и улицы,
красит дома,
и одежду у спутницы
яркую.
Но серость здесь — цвет,
застилающий
их мирской глаз.
От неё улетать,
убегать
и ползти,
с ней воевать!
О Ты, Боже, прости...

Не победить
этот цвет миродумия!
Он весь искусственный
от слабоумия,
от нежелания,
от безразличия,
от нелюбви.
Попробуй тут,
поборись,
хотя бы ради приличия!
Ведь те приличия
только в лицо,
а отвернулся —
плевки на пальто.
А если смелый,
и не спиной —
плюнут в лицо.
И не раз.
С головой, скажут, неважно.
Но не у мира,
а у того, кого
смелость взрастила.
Но убегать
стыдно,
неприлично,
преступно
и некрасиво.
Я понимаю смысл этих слов:
они красивые,
но с серых умов,
с серым оттенком,
и с серым упрёком.
А что, всем
стать серыми?
Это красиво?
Не очень.

Но отойти от неё
необходимо.
Оставить подлую, хищную
гнилость,
и пусть мир серым
взглядом уставшим
ищет вдали
яркие краски
тех, настоящих,
и думает, думает,
не сатаня.
И кто-то оставит
серость злодея,
и отойдёт
в сторону света,
и станет меньше
мир серости
хоть на одного человека...

03.07.2013.

***

Если бы этого не было
в моей жизни,
его нужно было бы
придумать
и загнать в память
одним ударом
как в воду булыжник.
Верба опускает растущие
ветви всё ниже к траве
в надежде
погладить её при
нежном дыхании ветра,
когда ветви будут
раскачиваться
и концами стелиться по земле
как прежде.
О, ветви!
Вы так игривы,
вы так сильны
своей жаждой к жизни.
Вы сила деревьев
и их одно целое,
без вас ствол и корень
лишь символ,
хоть и стоек.
А вы то нежны,
то перекручено жесткие,
то ровные,
то искорёжены в воздухе,
но вы — крона,
и вы живы
как всё во Вселенной.
Простая ветка,
а какая загадка для человека!

Человек и дерево.
Или: деревянный человек.
Плохой эпитет.
Плохо придумано.
Причём здесь
ветвь,
дерево,
лес?
Причём святой
и ямы на дороге?
Причём застой,
после него
звери двуногие?
И я убегая в мир
прошлого
и настоящего, но хорошего.
Будущее мы куём сегодня:
кто в борделе,
кто в гастрономе.
Но много тех,
кто оставил волю,
волю-смерть
умирать без слова —
те куют орудия
для пробития стен облудия
и сношения всех заборов,
чтобы в будущее
не только хором,
который собран
Бог знает где,
и пристроен к счастью
везде.
Как быть беде?
Её же оставить нужно
з разумом,

иначе вывернется
и выползет заново,
и вонзит клыки
миллионные
в землю, воду, деревья
и дом твой...
Дождь ушёл туманной
облачностью
и застыл
в памяти молодостью.
Как начиналось всё красиво,
и как мы шли
с ним,
как любили!
Он — меня.
Я — его.
И её.
А она — меня.
Дождь лета того
в памяти моей навсегда...
Нам с нею так мало
лет и так мало всего, что
наполняло глаза.
Сегодня солнце пробивает
окна,
ложится светом горячим,
и сложно
мне определить
и выбрать правильность...
Но я жил,
не взирая на жадность,
жадность к жизни
и любви в безумии.
Мир грёз я вгоняю
в мозг.
Навсегда.

Пусть будет беда,
но с нею справлюсь.
Сожгу и память
той точки или отрезка,
где беда
и я с нею вместе.
Были случаи, когда
привыкал и любил,
но то обман
вражьих сил.
То моя хитрость
наивного малого.
С кем хитрить?
Да и хитрить —
не слава,
не разум,
не мудрость...
А память вертит
и бросает ужас
тот, что был
и скопился в тонны.
О, мой Бог!
Я так виновен.
Но ветви деревьев и трава
играются,
как в любви
люди ласкаются,
и я оглушенный
жаром жизни
бросаю в воду
ветки сухие,
а вдруг прорастут
и выживут...

04.06.2013.

***

Через стих проходит полосой
только лишь миг
отданный росой,
отданный дождём и снегом,
отданный молнией и громом,
отданный небом, морем,
только миг любви.

И очень скоро
написаны будут стихи,
где миг
опишет
мир
и даль вселенной,
самого Бога
в величии своем,
и нежность ливневых потоков
с небес,
как благодать на землю,
без ураганов, штормов
и всеильных ветров
ломающих деревья
от молодых и старше
всех веков.

Лишь только миг.
Сегодня он властитель
и владетель
всего, чем дышит мир
и миг вселенной,
который видит человек
за жизнь свою.
Но новый стих
будет не жизнь как миг,
не полоса,
а вечность
и роса,
и дождь со снегом,

и молния, и гром,
и эхом звучать будут слова
вечных стихов,
где слава Богу,
а не лидеру земному,
не партбилету,
бумажке с его портретом,
не трону, должности,
не дому большому
в роскоши,
который вдруг стряхнет
с себя всю роскошь
и станет рухлядью,
или тюрьмой
на годы, годы.
Сегодня стих,
где полосой
лишь миг,
а завтра
стих, где вечность
и Слова Святые,
на которых
стоит вся жизнь.

04.07.2013.

***

В бесцветном пространстве
безликие лица
и в масках.
Их лица навсегда
закрыты.
И кто там, под маской?
Истеблишмент,
президент в трусах,
и ковры стелет мент,
который выплёвывает их
из рта,
и все
становятся частью и
целым ковра.
И желание их — закрыть
такими коврами страну;
в этих коврах
она была бы краше.
Но не дают.
Кто-то подглядывает
из-за угла,
кто-то подсматривает
как у президента дела.
А маски, как мотыльки,
двигутся,
радуются.
Но штыки
держат здесь, рядом,
не дают погулять
массе народной —
их держат в штыки
и на штыках.

А сами в свободе
пространства
без цвета,
безликом,
и без интереса.
Обычных движений
тела и тел
им хватает.
Истеблишмент!
Их охраняет
народный наш мент.
А пространство
в движении и сожалении.
Так мало времени, средств
и пространства их мнения.
Оно уже всё ими занято.
А новых плодящихся
и подрастающих,
в масках с утробы
с трудом вылезающих
от лишнего веса и
одежды с желаньями.
С того света
в этот врываются
уже оголтелыми
и жутко прохвостными,
и обзываются, и обижаются.
Они поджигают,
бесцветные
временем,
они поджигают
вещами и действием
на собирание масок и мест.

И движутся здесь все,
но в один лишь момент
могут начать
войну на смерть.
Выживет мало.
И маски их крест,
и маски им крест.
И кто и когда увидит
лицо?
Невозможно это никак.
Скорее всего,
оно давно уже под маской
стерлось, осыпалось
и отошло...

05.07.2013.

***

За четверть века
в забалаганенной стране,
(а балаганы сейчас везде
как рестораны и шопы),
балаганы всё, на что ни посмотри.
Вылазит в телевизоре мара,
чмо и шмара,
примадонна и звезда,
вылазит с рейтингом
в один процент
и учит жить весь мир.
Акцент
всегда здесь на себя.
Тот — кум президента,
та — кума.
А тело кто-то использовал
себе для страсти,
и, открыто занимаясь сладострастьем,
поднял уже не тело,
а проформу, профуру,
умнеложца
шкуру
на самый верх.
Еще и денег оторвали
от страны для себя
на жизней сто, а, может,
нет,
может, на девяносто три.
Ты не шути.
Пиши.
Пусть знают свое место
там, в сарае,
не лезут в люди,
ведь сразу видно — чмо!

Но чавкает оно жуя,
и ложку держит цепко, бля,
и всё слюной
по микрофону,
всё учит жить
униженных, обворованных
и оскорблённых.
Какая прыть и хамство!
Вчера министр и депутат,
потом слетел к чертям,
и в зоосад,
потом подняли,
и он теперь во в новой власти,
которая новая лишь
антуражно.
И аксессуарно.
И галантерейно.
И рейтингово паралельно.
А так — все у того котла,
где их готовили
сжечь территорию дотла.
Сумели!
Выполнили план.
Сегодня кто-то не удел,
но при деньгах,
а кто при делах и при деньгах.
Но очень похоронно так
его лицо.
Иль рожа?
Все равно!
А шашель жрет
гробы богатые
на складе,
их подлакируют,
а может эпатажно
авангардно разрисуют.

...Показывает кум
дворец у моря.
Помнишь, Путин Вова?
Здесь картина Пикаси,
здесь фарфорфигура “Атсоси”,
здесь бронза в золоте —
камин,
здесь унитаз из золота...
И клин
не вбило это в
Вову и дружка.
Какая гадость
в телевизоре прошла!
Уже не балаган,
уже и не диван
“с тремя бабами один пацан”,
уже не порнография попсы.
Уже сам черт!
А ты, Вова, спроси,
и он признается от страха.
Тебя ж боятся,
ты православный.
Ты царь, а тут такой
абзац в прямом показе
через стекло!
Спешат, спешат,
но не успеют.
Я спину мою тете Жене,
я спину мыл вчера Наташке,
а завтра буду жить
с этого,
(загашник потянул у них,
пьяневших).
А ты думал , что я
сдуревший.

Да я живу за счет
этих делов,
и рейтинг мой
упругий и большой —
я же ещё здоровый, молодой.
А балаган соединился
с балаганом,
на балаган легли
и накрылись балаганом,
и сбоку балаган, и дальше.
Но нравится ведь многим.
Прикалываясь, алчете, —
вам это по душе:
деньга, деньга с деньгой
ко злему сердцу
и умирающей душе.

05.07.2013.

***

— Двадцять років
я купую, продаю,
зцього якось і живу.
Хоч і бідна, але хай...
— *Ах ты ж сука!*
Двадцать лет торговли —
это ж бабок сколько!
А меня везде поносишь,
мол, на севере сестра
вся в алмазах, соболях,
ноги в нефти парит сука,
а мне помочь?!
Так Вова Путин
не дает.
Он мой муж,
и всё гребёт под себя,
под рать свою.
а сестра, как кость, ему...
— Та ревнує, певно,
дуже.
В мене ж тіло —
дупа, груди.
Все розкохане в хлібах,
на молоці
та на м'ясах.
А він хоче, хоче,
рветься,
пнеться, та не в моїм
він, сестро, серці.
мені треба лісоруб,
з Волині,
мов той дуб.
— *Так же был-то, твой Кравчук.*
Он же слаб-то мужичок:
внешность есть,
а по силам: так, слабак.

Кучма— старый.
Не рыбак.
Что он мог кроме понтов?
Деньги кланчить у рабов
и феодалов.
Слабый был мужик,
недаром
помазанцем накормили.
А потом тот хрен
сумской:
рожа, вроде, есть
и не тупой.
А мужик?
Нет!
Не Рязань,
не Владимир —
просто хлам.
Что он мог, как только вякать?
Грудь твоя ему лишь мякоть
фреша утром ото сна.
Он баран от барана,
свинопас и драмкружок.
Он хохол.
И чем помочь
я могла тебе, сестра?
Я старалась, но прошла
время остановки в дури,
и тебя схватил в натуре
крокодил и бегемот,
Айболит и пароход,
пальма, шины и друшлаг,
кони, овцы и бардак.
По разбитому стеклу
кровь стекает,
на полу
корчится, рожая, дама,

*а он бахает с нагана
по соловьям, бля, и синицам.*

Он охотник.

И не спится мне теперь.

Я виновна.

*Но ты верь,
что ворвется к тебе в дом
настоящий бурелом,
офицер и воин сразу,
и не вор,
и не “колядник”,
не попрошайка,
а мужик —*

твое тело и твой шик.

— Так, сестро, я все почувала.

*Твоя правда,
хоч минула та година
не моя.*

*В мене вкрадена сім'я.
Діти п'ють, гуляють, б'ються.*

*чоловіки революцій
все чекають та бояться,
і народ почав скрадаться
хто куди і як попало.*

*А я гарна тілом дама,
та нещастя, біди, горе —
скільки сорому та болю.*

*А сім'я як показилась,
подуріла, розлетілась,
нікому й до столу сісти:
той п'яний, той весь
в артистах,
та остання на селі,
а та жде, щоб
кобелі привезли і відвезли.*

А я все чекаю долю,
і в калині, і на полі,
де ще жито залишилось,
та купаюсь гола тілом
чи в Дніпрі,
чи в морі синім,
а до мене всі і лізуть.
Але там нема любові —
то байстрюк якийсь ледь кволий,
то брехун і злодій синій,
то іще якийсь дурило...
— *Да, сестра!*
Мои дети тоже в блуду,
и я, хоть и с мужем,
но скрывала долго свою беду.
Тужим мы с тобою вместе.
Он мой муж,
но жить нам...
Притворяюсь я довольством,
в самом деле жду, надеюсь...
— Так, сестро...

05.07.2013.

***

Пол-лета отпето,
а в стране постсоветов
вирус бушует
и ложит людей
как Байконур ракеты не в цель.
Болеют дети и взрослые люди.
Вирус и вирусы бродят
повсюду
целыми бандами как
в девяностых,
и люди падают с температурой
и острой проблемой дыхания
летнего.

А по аптекам!
А по аптекам!
Выгребается всё на
огромные средства.
Министр здравобрыва
точит вновь зубы
и рада, и рад весь её штат —
такие прибыли летом бесы
сулят!

Когда отдых и дачи,
природа и свет,
а тут врач, аптекарь,
фармацевт —
и все по карманам,
счетам и запискам,
и все за лекарством
Минздрава когда-то.
Сегодня Минздравобрыв
клепает копейку
нелегким трудом
сбивая, как девку,

преграду к здоровью
постсовчеловека, полусовка,
но с денежкой.
— Это!
— Мне это!
— Купите и это, — говорит
аптекарь.
— А что это?
— А это препараты для улучшения
секса.
— Дура! У меня температура!
У жены бронхит.
У любовницы болит
горло красное и эта...
— Да, старик, а твоя то
песня спета,
так купи вот это.
— А что это?
— Это свечки для
ответа организма
перед этим...
Дура, дура фармацевт!
Но купил я всё.
Успел.
А вирус бродит, и трепещут
люди мокрые в горячке.
Как же лето?
Митинг. Демонстрация протеста.
Мэра выборы
и это...
Всё!
Пол-лета полпропето.
Скоро новый вирус
снова бросят где-то
по толпе,
по воде,
по спине,

а кому-то прямо в рот,
как конфетка.
Суперлот!
Наштампуют новых штаммов
и отпустят
по канавам,
по реке
и по траве.
— Здравствуй, вирус!
— А, ты здесь...
Брысь в аптеку
и в больничку!
Скоро снова будем вместе
мы лечиться.

05.07.2013.

***

Уже лет двадцать
проходят реформы медицины в Украине.
За это время мы её лишь
извращённо развратили.
Все, кто имеет деньги, власть
лечатся в своей больнице,
или, масть меняя для визы,
едут в Европу, США.
— А ты куда? —
меня за воротник берёт
граница.
— Я в Германию, лечиться...
Забрали деньги и отправили назад.
В Европе лечат только
наш террариум и тяжёлый зоосад.
А здесь берут сначала деньги,
потом советуют
придти к ним в понедельник,
можно и в пятницу,
если дотянешь.
Лекарства пишут на аптеки,
откуда им откаты.
Зачем вообще эта
святая клятва Гиппократата?
Пусть бизнес весь
тогда клянётся Гиппократом —
какая разница между доктором
и фабрикантом?
Скажи-ка, Петя, ты ведь
тоже травишь нас
своими сладостями под завязку?
Был Карл Маркс, они съедобны были,
а теперь натяжка:
условно несъедобные конфеты,
и вся кондитерская отрасль
лишь фрагменты.

Пусть поклянутся Гиппократом
перед народом
и сожрут конфет тех
хотя бы килограм за месяц,
а потом к коллеге-бизнесмену —
врачу и медсестре
с открытым зазывающе халатом.
— Здесь давно уже не лечат, —
правда, Рая?
Медицина заплесневела,
загнила
и прилегла,
и встать ей поможет лишь
Европа —
сменит докторов здесь неумёхов,
а наших отдадут
на биржу
фирмы открывать торговые.
Я вижу сквозь марево из смога —
есть шанс прыжку
для экономики убогой.
Еще б министра обороны
с Генеральным штабом
на биржу тоже,
торговать.
Знаний у них
и возможностей скрытовоенных,
секретных, прорывающих
мгновенно
любые грани бытия!
Войны ведут они,
но втихаря.
И для себя.
А министр-то обороны
не себя,
а Украины,
а офицеры, честь отдавшие
бabloэмиру,

или хану,
а может падишаху:
шестьдесят участков земли
в министра обороны, квартиры, дачи.
Оккупировали, завоевали,
потратив народные патроны.
И всё себе.
И для себя.
А родине раздетой и бездомной...
Мура
какая-то, а, может, быть бухой я?
Наверное, всё-таки не нужно министру
обороны таких богатств.
Но главком всем разрешил:
тяните, оккупируйте.
И шил
погоны министр,
наскоро,
генералиссимуса.
Балдела свора.
Но тёлка любимая
приклеила их, бля, себе,
и ходит перед ним голая,
и дрожит босса погонами,
а он в припадке расстроенности...
Эх, самурая,
самурая бы сюда!
Хоть одного:
обучить наш минобороны
харакири!
И пошло бы, пошло, пошло —
не нужны были бы политики-факиры.
Но эти меч не всадают
в свое пузо —
там рябчики, товарищи коммунисты,
те, что вы забрать хотели
по бумаге,

но получив откупные
сами такими стали.
Эх, самураи, самураи!
Где взять их в этом мареве
духовной смердоотравы?

07.07.2013.

***

Стогнала, вищала, вила
телевізійна Україна —
танці з зірками!
Усі жили оцим ганебним,
придуманим російським деблом
*безукоризненным, отменным,
прекрасным шоу.*
Ах, как танцуют “звёзды”!
Какой порыв на сцене!
Всюди про це говорять
і чекають нових танців,
як гектарів,
обіцяної всім колись землі.
*Они в телевизоре — встали и легли —
а мы им новые программы!*
Шоу Кисилендра и старика Сава,
потом подбросим экстрасенсов,
достанем Кашпера —
мгновенно изменится импульс
мозга.
Мозги станут телячьими,
и можно
с ними делать всё.
— Оно то так, шеф,
но никто из наших
не может пока стать
как хозяин.
Мы продуцируем продукт
стране,
вгоняем в дурь людской
быдлы.
— А толку мне?
— А вам не буде толку
вже ніяк,
тут наші олігархи
з ваших просторів.
Глядь!

Все не хохли, не наші,
якісь грузини, росіяни,
чубайси,
і ваші танці та всі шоу,
серіали
до місця одного!
Вже рано.
По-вашому вже пізно.
Тут люд спасався від
Вітчизни,
і загубився в межах світу.
— Да, в измерении другом
народ,
я вижу.
Они меж иксом и турой
с доминами,
(не путать домино с Доминиканами).
Зблуженный бѣг от родины
народ —
кто по Европам, Штатам,
кто на Восток.
А те, кто плого бѣг,
упал в другое измерение,
чуток подышит там,
кто-то помрѣт,
кто-то поймѣт,
а кто-то к нам войдѣт
и попадѣт пониже
всех быдлот.
— Здесь, шеф, у нас тоже
наоборот.
И так стоит форпост,
и гонит всем компост
специальных новых
психотроп.
Что русский, что прибалт —
тема одна:
язык российский
в гвалт!

*И национальный прапор,
и туфта
национальная из сундука:
убрать русский язык,
и заживёт страна!
Да, шеф!
Попали в точку.
Мы этого хотели,
и понемножку
вкачали с телевизора
примочку
о нашем языке.
И говорят они о нём,
а в сундуке
национальный лом,
которым они, обломаясь,
упадут
под ноги наши.
Ну а тут уже все в порядку:
країну тримаємо
ми як і споконвіку —
і ворог є,
і друг,
сьогодні там,
а завтра тут.
Отак всі їхні псі й ікси
працюють нам,
на нас.
— А ти, шеф, потрудись,
и поищи
ещё один,
какой-то новый
нервофарс.
— Ми їх як ту дівку,
а вони — нас,
знімаючи все те
на плівку
всяк час.*

— Да!
Через раз.
Мы вас,
вы нас.
Сильны в республиках вчерашних
и политика, и власть.
Атас!
Атас!
Співає попса
для президента вальс.
І в них,
і в нас.
Нараз.
Сейчас.

09.07.2013.

***

За наплывшими мыслями
вырастает стена,
и грусти бессмысленной,
до страха, волна,
и спадает ворвавшись,
обратно к себе.
И стена исчезает
как бы вовне,
и остаюсь я свободным
среди таких же, как я,
по миру разбросанных.
А может это волна
всё та же, чуть мрачная,
на миг на тебя
и людей близких
отвезла, отнесла.
Прикрываясь подарками
от судьбы и людей,
я стою как под аркою,
куда никто не придёт.
Может быть, лишь
когда-то, редко,
в дни суеты
пробежит лишь тень
знакомая чья-то,
а, может, вымыслов дни,
о которых не писано,
их нету нигде —
календарь перерыл весь —
пустота
как везде.
Только мысли заходят
как вода на прилив,
волнуют и спорят
кто из них прав,
кто везлив.

А потом на отливе,
уходя вновь в моря
как вода отливная,
оставляют меня.
И только на побережье
брёвна, веток куски...
Но это ещё
счастливое время —
обозреть всё и уйти.
Часто мусора горы
с кораблей,
городов
оставляет прилив мне
моих мыслей
в воде
бесконечных терзаний.
На что истрачена жизнь?
Там ведь столько
страданий,
столько горя...
Держись!
Говорю я негромко,
зажигая огонь.
Много было хорошего,
и оно всё с тобой.
Ты же встретил вновь Бога,
и уже не ушел
от Него по дороге
затаенной из снов,
и остался Он Богом
тебе навсегда,
а ты сын Его.
Помнишь это счастье тогда
от рождения дня
в грехах на отливах
среди мусора?
Дрянь.

А ведь мог быть счастливым...
Да ты счастлив и так!
Среди дней полноводных
ты жил,
а не так.
Так все люди свободны,
и несёт их сейчас
той волною внезапной —
кто-то быстро в кабак,
кто в любовь
как внезапно,
и как в первый всё раз
в счастье глыбами тины,
а потом вновь
глоток
мусорный,
грязнодавливый.
Все так идут,
и шаги их в отливе
возвращаются вдруг
на гребне прилива,
только ужас и страх
тёмным облаком спеси.
Жить — не жить так.
Не так.
Что ты выбрал?
То всё здесь лишь...

09.07.2013.

***

Киль соприкасается
с галькой, песком,
поднимая облако тины
вверх.
И всё быстрее, бегом,
заметались
в лодке
ещё мгновенье назад
спокойные
моряки.
И жилы вздутые на руках
обгоревших,
мышцы рвутся на части внутри.
Быстрее всё!
Веслами, веслами!
Но лодка уже с дном морским
как любовники.
Земля под водой
с лодкой невольники.
Надолго, наверное.
Мель!
Лодка застыла.
И крик охрипшего горла,
почти что шепот:
— Быстрее, быстрее!
Весла врезаются
в волну и
гонят воду вдоль по борту.
Но безуспешно.
Мель.
Сети полные рыбы,
и солнце встает
всё быстрее и быстрее.
Испепеляющие жаром
потоки
лучей перемешанных
с ветром.

И лодка, вроде качаясь,
над бесконечной волной.
А нам то осталось
лишь чуть-чуть домой,
и, как на зло,
богатый улов...
От усталости руки
сводит боль.
Глаза полны печали.
А как же домой?
А улов?
Рыбаки и пассажиры
с острова плыли
на рынок
торговый.
Полны корзины.
А небо в дымке
всё голубое,
редкое облачко над волною.
И жаркое солнце
сводит с ума.
— Пить! —
просит кто-то,
а ему вновь волна
солёная в сине-зеленой
красе.
Море и плен...
Да и рыба протухла уже...
Ближе к вечеру
стало прохладнее.
— Пить... Пить... Пить! —
шепчут иссохшие губы.
И неважно уже
богатство улова.
В прошлом день
базарного гомона.
В прошлом первые
касания дна.

В прошлом пришедшая
внезапно беда.
В прошлом семьи
любимые всеми.
В прошлом ссоры
и ненависть в доме.
В прошлом...
И шепот в лодке
отдельных, ещё не в прошлом, —
они просят Бога...
А волна вдоль бортов
уходит туда,
где их дом...

09.07.2013.

***

— Шеф!

Я с докладом по Украине.

ваш план единственный

работает,

его многие считают

красивым.

Ведь столько благ вокруг

по всем прилавкам:

новые модели одежды, обуви...

— Избавьте!

Рынок насыщен.

Я и сам это знаю.

Бывал, смотрел.

Много Китаю.

Но публика двадцать лет

уже хватает и хватает —

этим живёт.

Уже никто не помогает,

втянулись сами,

и избрали это главным.

А кто спустился ниже

по шкале,

как вы отметили цветом зелёным,

те сдвинулись,

и мне их жаль.

Для них автомобили —

гоняй и убивай.

Родители и дети

по дуге,

той же горячей,

очерченной вами

там, в шкалы трубе.

Уходит последняя их связь.

И только наследство

дай —

похоронить, забыть,

и всё спустить.

Отношения в семье
сменились
на указанную прыть:
кто проворнее, быстрее,
кто душу перегрел
от массовых затей,
тот и побеждает всех.
— Как волки?
— Нет, шеф!
Здесь покруче:
волки — котята
по сравнению с ними.
В Украине скотинизм,
как вы писали
в диссертации когда-то,
не веря в это,
что произойдёт всё
точь-в-точь
как на бумаге.
И власть на двадцать
с лишним лет нашлась,
и любят многие наших ребят.
Одни одних,
другие тех,
и так враждуют меж собой
за паритет.
Приоритет стал алкоголь и секс.
Менты насилуют
почти что всех,
им бабы мало кто дает,
а они прут
от жен как вездеход,
и рвут на части
гениталии.
— Вот обормот!
(Это я о сыне, который
подсказал мне
сделать ставку
на структуры силовые,

от них пустить
в страну распад.
И получилось!)

— Умный сын, шеф, у вас!
— Да ты глянь —
по графикам убийства
и оброк,
грабёж, грабёж и синий-синий
рот,
такой корявый, злой.
Они рванули выше
точки пика на шкале.
Порой срываються
по стенке задней,
и случаев таких изрядно,
считай, система.
А власть ворует
без конца.
Уже все чокнулись
от этого сплошного грабежа,
и тоже точку по шкале
закрыли,
замазали фломастером
и выше меткой заменили —
так им понравилось.
А кресло, кабинет
нужны только
как угол дома,
за которым разбойники
прячутся и ждут
жертвы...

Да... Облома за такой
короткий срок...

— В России, шеф, похлеще.
От них-то вообще упрёк,
мол, метки низкие шкалы,
и прут они, и их не удержать,

и смена им рождается
под масть,
а где и круче,
и наглей намного.
Народ распался быстро,
немного тех, что остались
в норме —
вымрут,
как листья осенью уйдут,
не выдержать им
этот кавардак —
сердце не камень...
— Да, земляк...
— Я что еще просил бы, шеф...
План перевыполнен уже,
и прёт потоком селевым
как с гор,
как удержать потом
такой простор,
когда они взорвутся
по страстям?
Многие наши будут им
дителям...
А, вдруг, потом займут
наши места?
А, вдруг, война?
Мы проиграем, шеф!
Там силы низкой
такой задел!
Там подлости
и лжи-брехиниady,
там кровь,
как талая вода,
стекает годы!
— Так что ты хочешь?
— Шеф, отпустите меня
в дальние миры,

куда-нибудь на Зет или Игрек,
там не так страшно.

А здесь я уже
и для нас будущего тихого
не вижу.

Да и возраст у меня
шесть тысяч лет...

— Нет!

Бороться, случай что,
будем мы вместе с ними!

А кто ведь, кроме нас,
сможет победить
этих сорвавшихся
с цепи
во зле такой
низковысокой силы?!

10.07.2013.

***

Я повторяюсь,
в жизнь вгрызаясь
как фрезой алмазной,
жалясь
от её крапив.
Летят осколки,
сталь летит
стружкой скрученной в спираль,
сверкая в даль.
И пробиваю я туннель —
чуть-чуть пространства —
вижу цель,
всех, кто рядом,
и пострадал —
моим зарядом
как снарядом
их разносило на части.
Слабо!
Ещё сильнее!
И я вгрызаюсь,
и зверею,
а жизнь задавлена
людьми.
Их стало много,
посмотри, —
сплошной толпой,
и дикий вой —
вокруг вгрызаются
со мной
множество таких,
и каждый хочет
в жизнь.

А жизнь стоит
сомкнув ряды,
сплавляясь в камень,
как гор гряда.
Очарованный и я,
увидев жизнь,
и навсегда горя желанием
урвать
кусок пространства.
Ети его мать!
Как всё непросто!
Изношен остов
моего тела.
Сколько летело
опилок, стружки,
отходов жизни,
как безделушки,
а по живому,
по людям,
идут такие же
как я,
и тут, и там.
И вой отрезанных,
живых,
порванных,
искалеченных
за жизнь,
и грохот проходящих
как снаряд,
и вой как минный
шквал.
Опять.
Опять.

Не виноват.
Я в жизнь врываюсь,
не понимая,
почему в ней
одни грызут её,
а другие
в ней толпой камней
стоят, качаясь и страдая.

10.07.2013.

***

Я встал бы на заре,
и босиком
ушел бы в дальний край
из своих снов,
где море набегаёт
на дикий пляж,
где только камни
на песке лежат.
Может быть я
встретил бы там свою любовь
как березу белую,
пьянея не в вине,
и имя ей придумал бы
во сне.
А край тот тихий
и простой:
в нём рыбаки живут,
и день за днём
уходят лодки
от берега за горизонт.
Их ждут любимые.
И я бы там так смог.
На лодке в море
с сетями
споря
и ветром
в спину,
с тобой, любимой,
мною выдуманной
вновь.
Так не бывает.
Но ты со снов.
а в снах нет
ограничений и границ.
В снах нет законов,
и мир в них спит.
А я пью сок берёзовый,
весенний как любовь.

Берёза белая
отдает мне свою кровь,
не требуя взамен
любви.
Берёза в тишине
весны
возле воды.
И сети в море побросав
наскоро,
я предаюсь мечтаниям
как ты сейчас уходишь
в луга за чистою росой
и цветами
для нас двоих.
Наша любовь
из мира снов,
где нет пороков,
предательств и оков,
где всё в ярчайших красках,
и любовь
горит как факел
бесконечности моих
таких живых
и цельных снов.

10.07.2013.

***

Что у вас за страсть —
к чужим заборам
мусор класть,
чтоб запах гнилостный,
по ветру, то к нелюбимому соседу,
то к вам.
Вас приучили за сотни лет,
что враг везде:
то москали, а то поляки,
то ханы крымские,
а то турецкие султаны.
Но вы же были впереди
планеты всей
по услужению соседям.
— Бей! Бей! —
кричал вам русский,
и вы лупили турка.
— Бей! Бей! —
кричал польский воевода,
и вы ламали
русскому подводу,
резали коня за счастье,
и били русских.
Потом помещиков сжигали,
коммунистами все стали,
и так служили Ленину,
что Божью веру
выбросили вон.
Потом, вдруг, Гитлер.
Многие сдались.
Своих гнобили —
О! То была жизнь.

А там опять советы,
опять холуйничали
и несли приветы
в структуры КГБ
на всё того же, кто был
рядом.
Да! Ненависть вошла
недаром
в ваши сознания надолго.
Тут — перестройка,
вновь поломка,
и так старались,
так калинились
и рябиновались
в рубашках вышитых
и шароварах
на рушниках слежалых.
Но всё потом ушло
всё в тот же мусор.
Там выброшено
много чучел,
а вы стали ещё подлее,
и виноваты все,
но только
вы — чисты.
И ветер веет, веет,
летит полова
по калинам,
летит полова по рябинам,
и по любистку, крапиве.
Рушник вышитый
бабушкой,
бузина —
поэты,
писатели про это.
А депутаты —

ваши отцы и дети —
позором по земле
пропетой
душевной болью
за столетья.
И водка льётся вместо соловья,
и лето в грязных озерах
и морях
местами —
всё остальное вы
бандюкам отдали.
А бедному соседу —
ненависти
по полкорзины
с мусором
под забор,
чтоб когда-то вновь
стали счастливы
вы и дети,
внуки и страна.
А где-то тихо говорят
о мове,
кто-то и рявкнет, но
на миг,
который как истома
разлилась и ушла.
А ненависть, злоба
полыхают
к слабому, доброму,
больному
вновь и вновь,
и подлости
тропа не зарастает.
И всё бегом, бегом, бегом...
А бандюки?

Там вы от страха
холуйничаете,
облизываете
местного князька
как когда-то
падишаха.

11.07.2013.

***

Петра и Павла.
Посреди лета.
Церковный звон,
и люди здесь все
во славу Бога,
Петра святого
и Павла тоже.
Так было там,
когда-то,
где дом мой детства
и панорама:
жнивье от золотых лучей
искрится спелым хлебом.
Все жнут и косят,
снопы и скирды
ставят, носят.
Стерня,
босые ноги...
О, радость хлеба!
И пахнет потом
отец соленым,
и мать с серпом, снопами...
Дома
того
давно не видел...
Хлеб — лишь в магазине,
где в булках белых
есть всё на свете,
кроме муки
пшеничной, белой.
И я как рядом
с отцовским домом,
где мои предки
спят спокойно
уж сотни лет
в хлебах горячих

посреди лета
с водой прозрачной,
с поклоном Богу,
Петру и Павлу.
А я остался...
Не надолго.
Знаю,
никогда
уже не видеть
жнивье полей
и хлеб тот дивный.
И звон церковный,
и праздник лета,
и дом тот старый
ещё увижу
со слезами горечи
непоправимой.
Петр и Павел —
святые мира,
и хлеб созревший,
и лета диво...

11.07.2013.

***

“Химический” Али
в Ираке
отравляющим газом
убивал восставших,
и знаменитым стал за это
на весь мир.
Вошли американские солдаты
как на парад.
Повесили Хусейна,
и многих с ним.
Кого-то застрелили.
И пошел
бензин,
мазут,
соляра
и нефть сырая.
А что у нас?
“Химический” Петро,
“химический” Болесник,
“химические” все,
кто держит бизнес
далеко не честный.
Еда от них
похлеще чем в
покойного Али.
Добавки, консерванты —
и гробы.
У них при каждом
мясокомбинате,
кондитерской фабрике
и дальше —
фирма ритуальная
должна быть,
чтобы бесплатно
хоронить
тех, кто потребляет.
А Петр собрался в мэры.

Благодетель,
член шести партий
и адмирал подводной лодки
единственной в стране,
охотник
управлять стадлюдом.
Бесстыдники “химические”
в рубашках вышиваных
из секты “антилюди”.
И не войдут
сюда солдаты
спасать от власти:
боятся отравиться,
а, может, нефти нет, —
так смысл сюда
тащиться?..

12.07.2013.

***

И вот она — та местность
страданий бесконечных,
горечи, депрессий.
Хоть пение природы,
солнца свет
и звёзды ночью тёплой
над головой
оркестром,
и в зелени деревьев, трав, цветов.
Но нервов
оборванных концы
свисают как шнуры,
и коротят, искрятся
как линии электропередачи.
Угрюмый вид людей,
снующих здесь как тень.
И страх один на всех.
В истории здесь смех.
О нем никто не знает,
лишь пишут и мечтают,
и в книгах старых-старых
о нём всё читают.
Книги на дорогах,
книги по траве,
книги на капотах
машин стоящих почти везде.
И старые заводы
с железной дисциплиной,
где дан приказ о плане
и всё стоит плотиной,
и бегают волною,
решая, быть не быть.
Но план стоит горою,
и за него и жизнь
отдать не жаль в работе,
и движется завод
памятью о прошлом,

а в будущем взорвёт
сознание уставших,
угрюмых лиц вины
скопившейся
на каждом
за пропастью страны.
А в обороте местности
строят и живут,
но там ещё грустнее,
и все бегут, бегут.
А солнце посильнее
сегодня чем вчера,
и жарче, и горячее,
но грусть всех так взяла.
И нет аптек, лекарств,
больниц и докторов.
Все мечутся в слезах
собранных грехов.
А, может, жизни шквал
гранитом на плечах?
Кто-то собирал
дней прожитых накал,
а кто-то отдавал
и память по спине,
слабым стал как дождь
прошедший лишь во сне
отдельными каплями
на сорище машин,
и освежил пожарища
горевших днем могил.
И черствость здесь хлебная
заполнила среду,
и злость такая злая,
что рвёт лишь на беду.

Не выскочить
из круга
местности как сна
памятью тяжёлой
срывающей до тла
остатки мыслей лёгких
взамен на тяжесть бурь,
взрывающих в осколки
сердца тех, кто уснул.
А сон, может, не сон.
может быть, жизни план таков,
где всё как на земле,
но чувства-то не те.
И грусть в рулонах ткани
колючей как в шипах
сжимает одеянием
последних здесь солдат,
которые сложили
оружие к ногам
своим, которым
трудно идти к таким врагам
неумолимо рвущим
всех, кто на пути.
А вырваться из гущи
машин,
чтобы уйти
и стать здесь незаметным
не суждено,
не быть.
А грусть срывает песню
последнюю, единственную,
как конченная жизнь...

13.07.2013.

***

Я приду победить
это пастбище мести.
Я приду, чтоб убить
все грехи человечества.
Я приду как всегда
среди ночи безлунной,
когда светит звезда
Полярная в путь мой.
Я застану врасплох
все пороки земные,
я взорву их
и в срок
мир получит урок
о запасах нечистых,
коих собрано много,
больше хлеба земного,
каждым в дни
свои терпкие
алчностью злою.
А туманы в глазах
красят красною кровью
путь, что умер сейчас
на потеху у дома.
И стоят вдоль дорог
руки спрятав за спины,
только лица в упрёк
за вмешательство в жизнь их,
что связала успех
с лёгкой медной монетой,
и забытый меч
столетьям как вежа,
но дорогой назад
он остался у края,
где уже не стоят,
не живут,
не страдают,

где лишь прах тех времён
по пути крестоносцев,
а нам памятью вновь
возвращается осень.
Под дождями и в грязь
ноги босые
в синей,
нет не ткани опять,
а кожи
застывшей.
Ожидание дней
тянет время в столетия,
чтобы видеть свой плен,
свою серость
как вечность,
что уже не уйдёт
с этой осени мокрой,
и косой лишь дождь
бесконечностью песен
по спине и спинам
от холода сжатых,
а по дорогам лежат
листья жёлтые, мяты
ступня за ступнёй,
идущих на юг всё
как птичий полёт,
но в мечтах,
а так — хлюпанье в лужах
ног босых
люда усталого...

13.07.2013.

***

Квадрат окна,
разделённый на четыре части.
Сквозь небольшие стёкла
свет падает
в летнюю ночь
как счастье.
В этом окне ты!
Женщина моей мечты!
Как мадонна с ребёнком
на кровати.
Ребёнок ползает, играет,
и не знаешь ты
о моей любви.
Я ловлю мгновенья
лета, осени, зимы.
Я ищу тебя везде,
где только можно.
Редкие встречи,
и ты так светла,
и я осторожен,
чтобы не напугать
птицу любви.
Я скромн, тих,
и вся жизнь ещё впереди.
Синей воды глаза
среди леса.
Горячий песок,
и я рядом с тобой,
но безмолвен
как ветер.
Я так люблю эту женщину
из своего детства!
Я ищу твой взгляд,
но ты пока не моя невеста.
Зима взорвала чувства
в танце снега,

и мы говорим о чём-то
тихо,
ещё не мечтая.
Лето ускоряет сближение наше,
но я снова бегу
от тебя.
Мне страшно.
И поздняя осень соединяет
перед разлукой.
Ты моя вся в эти тёмные
ночи с не моей скукой.
Горя, сгорая,
в тебе растворяюсь.
Первый снег, морозы,
и мы вновь повстречались.
Такой любви
на земле
очень мало бывает.
Горю, горю...
Скоро разлука
надолго.
Лишь письма, письма,
и тихая жалость.
А там все за
далёким миром
новых людей
и чувств новых
сорвались и заигрались.
Тучи чёрные
проходят мимо.
Дождь, снег,
но я уже другой
навсегда
с вечной памятью о тебе
не умершей,
а остановившейся на ходу
на полвека любовью.

До встречи в мире
новом с тобою,
изредка пробиваемой
сердце болью...
Ты простишь меня
бегущего краем
бушующего океана жизни
и захлёбывающегося в штормах его
волною.
Без тебя...
В тюрьме
мною выбранной боли...

13.07.2013.

***

То, что в жизни сзади —
глыбы камня,
мелкий щебень с пылью —
памятью
ворошит:
вышло?
Нет, не вышло.
Но так стыдно
нам признаться в этом.
Было, было...
И берём мы середину
золотую,
но наивно думать так.
Понимая это,
враз
хочется изменить так много.
Но всё было,
и бывшее
переделать можно лишь в мыслях.
Строить праздник жизни.
Вышло?
Нет, не вышло.
Сзади всё так сквернопышно,
и всем хочется опять
то менять.
А сейчас?
Начни сначала.
Всё получишь то же,
в самом распрекрасном сзади виде.
Но ведь жизнь была красива?
Да, красива.
Волнопады —
снизу вверх,
потом обратно.
Зубы сжав в борьбе.
Стыдно.

Часто та борьба
как у быдла —
за хлеб с маслом,
жемчуга.
И жена, жена, жена —
часто все же всё не та.
И менять её пытались
раз по пять.
Но получались
те же жуткие картины,
и ножи
всё чаще в спину.
Половина в половину.
Детство, юность,
и стосильный
труд за жизнь
и за звезду.
Тот попал,
а тот в аду
возит старую еду
и себе,
и тем, в блюду,
что запыхавшись
застряли
и остались
в гнусной яме
с черствым хлебом
на халяву.
А потом их подобрали,
разогнали и собрали
для всеобщего богатства
душ людских падшепопавших.
Конокрадство,
казнокрадство,
женокрадство,
странокрадство
одобряли и кричали,
чтоб распять Его сначала:

— В Нём вина
с Его судьбою!
А мы — дети нищеты духовной
словоблудием мучимы,
от страданий все спесивы,
гордостью неизлечимы.
Но сначала б
переделать.
Много сзади
нужно сделать.
А сейчас?
Уже попали.
То СЕЙЧАС у нас украли,
мы его пропив,
прослав,
проспали.
А сейчас?
Вот как секунда,
как мгновенье?
Нет!
Здесь трудно.
Вот и в прошлом
тесто месили,
прошлым жить
так интересно!
По гробам грязной ногою,
ворошить себя...
Изгой!
Себя мы сами
назад гоним,
назад гоним.
Мысли строим
непутёвые
в беспутстве,
в безобразии
бандкрутства,
лож и орденов желаний
взявших

всё сейчас
играя
с массой чёрной
мирогая.
А впереди огонь
огнём пылает...
Кто в него падёт?
Кто знает...

13.07.2013.

***

Как перегретый мотор
идёт вразнос,
так и страна,
где гнойный пирог
испечённый
за годы свободы в кавычках
и произвола властей,
ставших привычкой
и вошедших в раж
и аппетит.
Мало! Мало всего!
И дымит
шнур к заряду
из пирога
страшного, мерзкого.
А пока
искрами первыми —
штурм райотделов
ментовок,
где правда
в пироге беспредела,
крышевания банд
и бизнеса тоже.
Сегодня между ними
знак тождества.
Оно всё смешалось,
и в кухне,
где гадость
давно отстоялась.
И кажется просто их
разделить:
правду и ложь,
доброту и жестокость,
добродетель и злость.
Но делать это
нужно народу.

Больше никто
не хочет мараться.
А лень некоторых
дошла до того,
что им уже
не хочется
браться за воду.
А шнур трещит, искрит
и сгорает.
Он вроде бы длинный,
но время летит
и обгоняет
события мерзости
непоправимой.
Как стыдно жить
в тебе, Украина!
И только надежда
на мизер процента
тех человек,
которых ни центом,
ни долларом
не задушить.
А шнур трещит, искрит, горит...

16.07.2013.

***

Летом прошлым
нашим жарким
мы друг другу
повстречались,
и в объятия вмечтались
любовью грешною.
Расстались
с наступленьем холодов.
Лето и любовь.
Очень короткий промежуток,
рыжезолотой.
Ты друг мой
ныне
навсегда.
А сегодня я в океане
без конца в волнах ныряю,
и в камне
вижу очертанья
твои, рыжезолотая,
отошедшей вновь любви.
И только память...
Стены, стены,
и решетки.
Дверь железная,
окошко
камеры тюрьмы
надолго.
Пытки, пытки
и ничтожно
жизни мало —
то менты во френче рядом,
то в фуражке и в очках,
а то и просто так.
Не за так.

Избитый в кровь,
но “по умному” —
боров
лупит в тело
умно, сильно,
гематомы внутри видно,
сверху — чист,
как вновь рождённый.
Грязный китель,
мент прикольный,
жмёт и требует стихи:
о нём, видишь, напиши.
Как он в танке,
бэтээре,
в самолёте,
и всё в деле
по защите рубежей.
Ё-моё!
Ты френч зашей —
дырка в самом видном месте!
А он смеётся мне
и вертит
тело не своё
на ломе —
вертит мной
как вертелом,
и сигаретой жжёт
лоб мой.
А в океане шторм, день третий.
Гибнут рыбаки,
и сети
оторвались и ушли
с рыбой,
без.

— А ты молчи! —
мне советует скала
в рыжем золоте волос.
И вопрос, вопрос, вопрос:
— Как ты пишешь
так страдая?
Как ты пишешь
понимая,
что сорвутся крышки
“баков” президента, олигархов,
и менты своё возьмут?
Вновь удар.
Но я весь пуст.
Жизни миг остался.
Мало.
Что я видел?
Лишь страданья.
Жизней много
на одну.
Год за три.
Но я беру
тяжесть каждой
искрометной,
тяжесть всех их —
невозможно,
но терплю,
и всё сначала.
На тюрьме
года качало,
но мне мысли
тихой речкой.
Я молю Христа,
и печкой
небо согревает
тело битое.

Играет мной волна как щепкой.
Носит ветер.
Запах резкий
дна и йода пополам
я вдыхаю,
но ты там
в камне вечном
под волной
улыбаешься мне.
— Стой! —
я кричу, но шум прибоя
сносит слово
снова, снова.
Мент очки одел,
перчатки.
Пистолет достал,
насадки
для глушения стрельбы.
И патроны.
— На, возьми... — сказал я тихо,
улыбаясь.
Но всё мимо.
Пули отбивают час,
и свистят, свистят, свистят.
Гильзы падают под ноги.
Запах пороха.
Камера кружиться стала
от дыма едкого.
Достала жизнь
ретивая опять,
или даже жизни часть.
Отстрелявшись, мент
ушёл.

Я прилёг на пол цементный,
пыльный, грязный,
но так — крепкий.
И мысли снова речкой.
Я слова сложил бы в вечность
и построил там
дома
для таких как я.
И трудиться мне вновь
нужно.
Есть идея.
А те лужи и болота,
что в жизни тянутся
бок о бок...
И я ныряю под волну.
Лето красит миг.
Возьму я от жизни
всё, что данность,
и понесу с собой.
На крайность
Бога попрошу поднять
чуть лишь, чуть,
на плечи кладь
всех дней, прожитых
непросто,
где впустую,
а где сносно,
а где-то всё в работе тяжкой...
— Стой!
Стреляю!
Здесь опасно.
Сколько сгинувших
за слово.

Сколько сгинувших
лишь просто,
лишь за то, что власть и люд
руки чешут,
и рвут
всё для себя.
А кладбищам — тела...
Лето...

17.07.2013.

***

Вглубину и назад
резкий шаг.
Чеканит солдат
каблуком об асфальт.
Чеканит мент
крессовками венскими,
а, может, китайскими.
Чеканит юрист
в туфлях литых
из кожи тонкой
и водостойкой.
Чеканит чиновник
в ботинках, гномик
на подошве
из каучука.
И так один за одним.
Я смотрю.
Такая скука!
Что им нужно
там, в подземке гнусной,
бывшем убежище
времен ещё Берии?
Но идут, идут,
а вглубь только единицы
смелых или испитых.
— Тьфу, тьфу, тьфу! —
плюёт и крестится одновременно
старушка.
— Там же, — говорит, —
подземная избушка,
там нечистый,
там страх!

— А где чисто,
а, баб?
А где нет страха?
И нет того, на кого плюешь?
И, вдруг, ого!
Сам президент, переодетый,
как мент с группой захвата
ушли вниз.
Я долго ждал.
Хотел увидеть,
как выходят обратно...

17.07.2013.

***

Судьбоносная данность —
дорога по кругу
как рельсы и шпалы
под ноги мне кто-то вутюжил.
Остановиться можно,
но осторожно.
Ведь сзади летят
такие же тоже.
Спрыгнуть, сорваться
тоже возможно,
но под откос
как взорванный поезд.
И сзади меня остаётся
всё та же
высокая башня
из Вавилона.
Спереди тоже её я встречаю.
Она прёт скалой,
наезжает,
а я от неё прорываюсь
вперёд,
и рад, что оставил сзади.
Отход и отъезд
с минутой гордыни
за радость свою,
и прыть, и стосилу,
но скоро по кругу
кругов бесконечных
я через стрелку,
ведомую внешне
кем, я не знаю,
к башне вновь попадаю.
Судьба начертила
планы движений,
а может быть,
я привиденье?

И всё это выдуманно
смурной режиссурой
для кайфа смотрящих,
глаз свой прищулив.
Как боюсь я
этих рельсов и шпал,
столько лет жизни
уже не бывает.
Я счет потерял
столетьям
и дням,
мой календарь
отстал от меня.
Он рвал все листочки
и черкал деньки,
но руки устали,
и от тоски
он бросился прямо
в кювет под откос.
Взрыв динамита,
и синий огонь.
Там и остались
года от рожденья,
а я мечусь дальше
забыв понедельник
как день тяжелый
и числа тринадцать.
Всё это выброшено,
а я не стал счастлив
в кругах движений —
сзади народ
прёт как на танке,
и, срочно, вперёд.
А что то перёд?
Такой же как зад?

Это ж не женщина,
где смысл есть, опять
это движение в ступоре
смысла,
и смысл весь как будто бы
серая мыша
замуж за принца
в сказках народов.
Народы всю прыть
разобрали, уроды.
Оставили злость
и упрямость как выход —
или вперёд,
или кювет,
а там снова:
на выход.
И башня скалою страха
долбает,
утюжит, шатается
и не умолкает
множеством слов,
наречий и книг
на дисках написанных
для особо родных,
продвинутых временем
за полвека предел.
Всего лишь полвека,
а как он летел,
как он бабахал
в канонадном гуле
разрывов снарядов
на каждом углу,
а сколько могил, крови
и спирта!

Сколько любви
силой испито:
бабу одну
три мужика,
потом ещё бьют
и убивают.
Пока!
Умчалось полвека
курам на смех,
а человека не вернуть
вновь.
Успех
занял его сознание прочно.
В успехе задача
собрать как можно больше
и на эти, блин, рельсы
тащить всё вподряд.
А башня мигает.
Она уже стала
для нас как маяк.
Вавилон нам
каждому уже свой особняк...

17.07.2013.

***

Грёбанный винт,
вернее, гребной,
остановился перед волной
как зачарованный
величием величи.
Машины заглохли,
и винт замер в целости.
Сила стихии
приняла судно
на шесть палуб
игрушкой будто.
В каютах не знали
о свободном движении
без винта и рулей.
В смятении был только
старпом в облаках
низко плывущих
в любви к штормам
и мостик капитана
в стекле, металле,
облитый водой
от волны, что уже за кормой.
А в каютах —
кто спит,
кто страдает болезнью морской,
кто пьет коньяк,
а кто и в любовь...
Капитан
в кителе белом,
белой фуражке
на такой же постели,
с такой же усладой
красавицеликой,
ликующий сердцем,
ликующий видом.

Капитан сам
её выбрал.
Команда в трюмах
бьётся с металлом,
горячим, в мазуте,
что всё заливает.
А ниже уже полыхает
первый огонь.
И море бессильно
массой воды
справиться с пламенем,
а до беды
остались лишь крохи-шаги.
Судно ныряет и всплывает
наверх,
волны играют
как и человек.
И только старпом
из тысяч внутри
уже понимает:
кранты...
А белый китель
небрежно брошенный
на пол.
Фуражка белая
качается как и пароход.
А капитан
срывает музыку любви,
и гори ты пропадом
весь мир,
гори!
И женщина почти
оставив ум,
срывая голос
и теряясь в волнах рук,
срывает свой последний
шанс,

срывает жизнь
в любви
уж равной смерти
в стихии умирающего
корабля.
Звучит симфония
безумства без тормозов и без руля.
И жаль старпому,
но у него своя...

17.07.2013.

***

Содом и Гоморра.
У нас — мафия и комора.
Комора у каждой
группировки и клана своя.
Для собирания,
как говорят в Украине,
добра.
И бьются как одуревшие вмиг
после свободы в стране,
и лишь крик, крик
о помощи павших
и пострадавших.
Но мафия бьётся,
набивая коморы баблом,
вещами и прочим добром.
И нет там предела,
и нет там конца.
Босс ноги вытянул,
и новый восстал.
И тянут, и тянут,
смотришь — Клондайк!
Тогда уже можно гульнуть.
Ну, а как?
Пока бились в смерть
с народом своим,
пока брали хлеб у сирот
и калым
от каждой ушедшей
в бордель на ножах,
там были бабы и бани.
Здесь только баня, спиртное
и девка
ублажает ублюдка —
не торпеда и не канонерка,
не стингер,
не вилы дурацкие
и не топор.

Холуи стоят в ряд,
и перед ними — герой.
А вот и богатство пошло
через край.
Бабы замучили,
от баней устал,
вот тут и пошли
Содом и Гоморра!
В них столько кайфа
и прелести нового.
Многие, многие
через это прошли,
и нет снов кошмарных,
и нет провалов земли
под их ногами,
и столбов соляных.
Их охраняют.
И только крик
развращенного плотью.
Без сердца, любви
содомят, гоморят
бывшие сельские
и дворовые
когда-то обычные
мужики.

17.07.2013.

***

Всё уже так далеко,
всё уже так глубоко,
всё уже так тяжело,
хоть внешне,
вроде, красиво, легко...
Мы думаем о человеке, людях
часто так просто
и не хорошо.
Для нас стал человек
фигурой
на шахматной доске,
и мы его в своём уме утюжим —
то на передний край,
то в угол дальний,
он, считай,
для нас никто.
Но нам самим
потом так нелегко.
Стал ближний
лишь как вещь,
которая то нравится,
то нет.
Но счёт придёт,
платить его же нам...
Живёт и богатеет кто-то,
и возраст перешел рубеж,
где всё так просто
стало,
близко
и доступно.
И женятся
на молодых, красивых,
часто суках,

которые за деньги
и достаток
идут на старый,
латанный,
но сладкий
материальными посулами
мешок,
наполненный до края
золотом.
— О, чтоб быстрее он подох!
Такие мысли
у жены-ребёнка,
но уже клеймённого сучёнка.
А дядя детей рожает,
гуляет дальше,
и насыщает
то, что насытить невозможно,
но он спорит
с природой, Богом,
продлить хочет себя
в себе
и молодым быть всегда и везде.
Но вот в один прекрасный
вечер
он растлевает
дочь свою,
лет четырёх,
и в этом
никто свидетелем не был,
а он гульнул и подзабыл.
Бывает, вспомнит,
и опять
всё повторять...

А дочь смеётся:
— Пап, а пап...
Ребёнок...
А жена ведь — молодая девка,
ждёт его конца,
и мелко
зло своё рубает
на кусочки,
и в сердце
прячет узелочки,
сама страдая часто,
и не живя.
Вот так наша страна.
В ней тоже внешне
всё красиво,
бывает взрыв народа,
но то диво,
то редко.
А живут
картинкой не для
слабого ума.
— Дурак! —
я говорю себе.
— Что ты всё пишешь
о судьбах тяжких, о стране?
Ты напиши
о лирике интимной,
красивой попе,
женщине в прикиде,
который она
сбрасывает на пол
и бросается вся в секс,
и лапы
твои везде её ласкают,
ведь столько кайфа пропадает!

А ты всё о стране.
Она болит тебе?
Или характер въедливый?
Ведь людям нравится,
они живут
в этом закрытом, шикарно
упакованном дерьме.

19.07.2013.

***

Мне вчера священник,
приближённый к власти,
как обухом по голове,
или лезвием в запястье,
открыл новый
бином Ньютона:
что власть наша
живёт не по законам.
Народ считает быдлом,
а ведь стыдно:
живут за счёт народа,
сдирая остатки
шкур облезлых
и молью трахнутых
в неприглядных частях тел тех,
которые быдло...
— Так они же каются, —
я говорю.
Пошло, пошло...
Но это антураж.
И олигархи, и вся власть
себя подняли над народом.
Аж...
за самый
этот антураж.
А что писатели, интеллигенция?
Молчат...
Они же на прикорме
у корыта.
Аж...
Или ждут свою очередь.
Нараз.
Потом гурьбой,
гуськом, —
и хрясь и хрясь! —
и головой
друг друга отпихать.

А власть смеется,
блядь.
— Смотри,
они же интеллигенты,
а как скоты...
Как свиньи у корыта.
— А я не знал.
Я так наивен.
Я думал любят нас,
а тут меня сразили
наповал —
быдлом считают.
Я не знал
ещё начала
всего процесса:
тогда крали,
а тут, уже в процессе новом,
не крали,
а забрали скопом,
и, считай, с народом.
А кому нужны
заводы,
корабли,
если не будет народа?
...Открыл секрет
священник
мне вчера.
А каятьба в церквях?..

18.07.2013.

***

Бросают богачи
старых жен своих,
как китель старый и затёртый,
как автомобиль
из моды вышедший,
и ловко
уходят в молоды тела.
Житуха вырастила
поколение
продающее тела
до тла.
А женам брошенным,
немолодым,
в запрете брак.
Скажи-ка, бацька
Лукашенко,
скажи-ка наш
вальяжный и лихой,
скажи-ка Вова Путин —
вам можно?
А у женщин
ваших,
считай, простой.
По жизни холостой
жену я бацьки не хочу,
опасно,
убьют, я точно знаю,
они это делают прекрасно.
А Люду Путину
я бы взял.
Ушел бы с нею
и мечтал
о море, небе
и звёздах дальних.

Я жил бы с нею
из жалости,
я понимаю,
но сделал бы счастливой.
А Путин Вова?
С ним опасно тоже.
Они ведь русские,
чуть что не так —
за топор.
Я, думаю, сумел бы
с ним решить
этот вопрос,
договорился бы,
как делал это
я всегда.
Публично прошу руку
Людмилы Путиной
сегодня утром
ранним я...

19.07.2013.

***

Моя река и мой берег
остались далеко,
и я часто сам себе
не верю:
были ли они
на самом деле.
Штрихами в памяти...
Но могли же быть
мечты, фантазии...
По дугам скошенным
запахи трав увядающих,
кусты вербы,
и птицы, птицы летающие —
я тогда не знал Христа.
Слышал о Боге,
слова, не более,
так, между прочим,
или матерные,
их было больше,
и много охочих
унизить Бога,
как и сегодня.
Реки и берега
в моей жизни бродячей...
Я не успеваю сродниться
с ними,
и они тоже.
А как жить без реки и берега,
которые любовью стали,
частью души и тела?
Я — сирота,
без родины и родителей.
Я бегу в никуда,
как народные мстители.

Штрихами память
в архивах мозга,
там столько всего —
разобрать невозможно.
Но есть истина
посохом в руке,
с нею не расстаюсь
я здесь, вдалеке
от дома родного
и родины.
Руины родины,
как послевоенные.
Места брошенные
людьми и народами.
Все ушли,
          сорвались,
          бежали,
еще видно хвосты
эмигрантской волны.
Так много их
в поисках благ.
Мало ищут счастья у нас.
Бегут.
Отдав руины
крысам и зверью,
дома оставив
умершему соловью —
здесь птиц сегодня
мало, мало,
только вороны черные
пададь доедают.
...Он вошел в Иерусалим
в то воскресенье,
в следующее воскрес,
оставив надежду спасения.

А та неделя
в памяти тысячелетий:
не штрихами,
а всем небом.
Он не бежал
от родины и людей,
Он не бежал от себя,
а хотел
показать любовь
безграничным величием,
но Его били,
насмехались
так,
что до сих пор
эти голоса во Вселенной
слышно.
А мы закрываем уши
новейшей техникой —
музыка из наушников
и пение “брендиков”
о любви кривой,
кривой и конченной.
О ней с кривой
и без косы
с домиком
на какой-то реке
и берегу с мусором.
Мусор — мент,
и мусор ужасов.
Исход народа
из своей родины.
Это не Моисей,
и не те годы.

Это желание жить с шиком
в чужих странах
и на их излишках.
Руины...
Река без берега...
Я сирота...
Слова матерные...
Но я не такой
как прежде...

19.07.2013.

***

Ты любовью моею
огромной
во льдах заморожена.
Ты ждешь часа
того, когда
будешь мною у Бога
отпущена.
Через горы страданий,
очищенно юной,
Наталья,
ты придешь, позвонишь.
Голос твой
я помню и ждал всю свою жизнь,
и его я услышу
в расщелинах
гор высоких,
куда поднимусь
от суеты и маразмов
мирских
вечнозлобных.
Ты найдёшь меня,
ты найдёшься,
любовью
выходя
за края сердца
большую,
в нем не вмещаюсь.
Ты была такая как все,
но особенная искра осталась.
Тебя Бог
дал поэту для счастья
огромного,
и пройдёшь ты этот путь,
путь скорбный,
кровавый,
слезами омываясь,
мечтая увидеть меня.

Станешь особенною ты, Наталья,
обещаю я тебе,
обещаю.
Ведь любовь — это
не просто слова.
Любовь — это выше
и больше Вселенной.

19.07.2013.

***

Куда девается маржа?
Куда идёт сверхприбыль?
О как болит мне голова
от пива
и от жизни!
А бабы так легки на это,
сами как сдвинулись
планетой,
ушедшей с циклами моралью.
А, может, всё не так?
Я знаю.
И не знаю.
Но нас имеют и
вставляют
так как нигде
по земнорая.
А то, что в сказках
обещают,
то всё без смысла,
да и роли не играет.
Идёт ко мне художница
как ландыши весною,
а я пою о долге
квартирном
и о том, что высадил в рулетку,
надеясь вновь зажить
как жил когда-то в клетке,
а, может, и не жил...
Может, всё придумано
генетиками вновь,
и мы давно как умерли,
но дышим и даём
стране бабло,
себе фуфло,

а, может, то,
а, может, и не то,
может, всё фуфло
придуманное то.
Но сквозь шквал
этих мыслей безумных,
но облачных,
что-то врывается,
вроде, серьёзної.
У нас на стране,
да и на районе,
(простите за слог,
но это так принято,
и не сегодня),
цены на транспорт,
товары,
услуги,
землю, жильё
перешли мировую
черту по их уровню
в долларах, евро,
а зарплаты —
Африка чисто.
Куда же уходит маржа
и сверхприбыль?
Вы мне, президенты
бывшей Совдепии,
больше не “тыкайте” —
с вами свиней я не пас
на посёлке,
не пас на районе.
Я, больше, по тёлкам,
то есть по бабам,
но там сам я мастак,

без вас
и ваших “бригадов”,
куды вам, премьеры
великоразумные,
вместе с министрами.
Так где же маржа
и сверхприбыль?
О попе
не будем.
Я не из тех.
Я сам с бабой,
тихо,
вдвоём,
всё взвесим
и примем решение,
только нам подходящее.
А вы, бляди, как?
Переходящие
со знаменем страны
от группы и клана,
от партии чмов
к партии хлама?
Где же маржа,
ети её мать?!
И говорит мне подруга
перед тем как начать:
— Не там.
Не смотри, милый,
и не ласкай.
Не лезь в глубину,
не ищи там опять.
Там только я,
и там наш с тобой кайф.

Маржа за границей,
в банках лежит,
и ею живут
те, которым
вскоре не жить,
а вечность
за грехи платить и платить.

19.07.2013.

***

Когда-то, придя к власти,
президент ныне правящей
династии,
(вот и у нас как у людей:
у тех Романовы, там Габсбурги,
а нам — Енакии),
сказал слова такие:
— Команда у меня большая
сильно!
И прав был.
Весь юго-восток страны
соединился
с Донецким кланом
и регионом стал всеильным.
Населён густо,
промышленность,
власть и бандиты вместе,
купно,
и не разобрать:
где кто,
и кто где вновь опять?
А взявши власть,
пошли на хлебные места
должности и кресла занимать.
А их бандиты с нашими
язык нашли,
именно тот, что с “кичи”,
и понеслось...
Бизнес брали под себя,
мяли, терли всем бока,
а от страха страх развился
и на дурака.
Дурак со страху заблудился
в родных своих местах.

Старший лейтенант с Донбасса
становился, как Гайдар
в семнадцать лет на полк когда-то,
на райотдел милиции, смотрящим,
и звание подполковника
в придачу получал.
В администрациях
почти всё то же.
И вот команда стала больше,
в счёт прироста бандитов
и прочих ухарей.
Народ боялся всех,
кроме огня.
Огонь грел тело, дом,
готовил всем еду.
А власть, в местах как отдалённых
так и близких к центру,
работала себе в карман —
цистерну
легче наполнить
чем это горе.
Народ терпел,
а власть, особенно менты,
и их сатрапосотоварищи бандиты
творили зло,
и много зла,
и много люду бито было
и убито.
А оппозиция играла в центре
на поле “хап”
по Киеву.
“Эксцентрик”, “говорящий”
и “смешной” —
их много всяких
из прошлой власти
как метлой снесенных с мест насиженных
и тёплых.

Им верит люд
уже лет тридцать,
с Горбачева.
Они по независимости
когда-то имели слово,
а от кого? —
знают только они.
Но знаем мы:
страна попала
в рабство же своих —
жестоких и лихих.
И вот сгорел местами
шнур бикфордов,
рвануло пламенем
народной бомбы,
и в райотделы, где менты.
И страх пошёл на власть
обратно.
Ты!
Отдал назад свой страх?!
А ты?!
А ты, солдат?!
И пали некоторые в панику
во власти.
“Умные”, как Хорошковский,
убежали давно и без оглядки.
А эти-то решили до конца.
Надежда — армия бандитов и ментня.
А тут шнуры по неньке
тянет люд,
бикфордовые.
Сами вяжут, ткут.

И пахнет
порохом промокшим
в погребах,
где власть
его оставила
без надзора, просто так,
убежав хапать бабло.
И — бах и бах! —
может не получиться:
бандиты-то трусливые,
им выйти будет страшно
против бомб народных.
А райотделы, что подгорели,
пошли просить по миру
по копейке,
как делают в Украине
погорельцы...

19.07.2013.

***

Эта радость
в веках света.
Это радость человека
словом строить мир.
Поэты, эх поэты!
Мир, как видишь ты
рисую
словом *камень*,
словом *пуля*,
словом *печь с огнём и мать*,
словом *дом*,
и не понять
часто
слов заумных стяжек
ради квазиавангарда,
ради собственной
предславы.
А от славы и до славы
из врагов стоит застава,
и враги от всех союзов,
членов,
избранных от вузов,
как надежда для державы.
А они себя украли,
и осталась дырка
в месте,
в месте самом интересном,
что зовут державой.
Тесно многим на бумаге,
и они тогда играют
в игры взрослые.
Слово *пуля*,
слово *мина* и *граната*,
слово *пушка*,

а солдата позабыли все
поставить,
и ржавеют груды стали,
и латунь позеленела
на снарядах артобстрела.
Слово слямзили,
испили,
в пьяном виде враз простили
тех, кто выше
всей чертей:
— Ё-моё! — и он в артель!
Ну, а ты служи
той державе, что угнали
как машину для бандстаи
и продали за гроши.
А хозяин всех смешит —
утречком поехал “крышей”.
Тут врачи,
верней, врачиха —
димедролу с анальгином.
Ну, поспал часок детина.
Тачки нет,
и “крыши” тоже.
Так с державой нашей.
Скоро будут
только
врач
и аптекарь, не дурак
продать
димедрол и нозепам
и набить себе карман.
Ё-моё! А я как пень:
нету рта, ресниц с глазами,
нет ушей,
зато с корнями
на большую глубину,
но гнию, гнию, гнию.

А спасение — одно:
дым, огонь,
и всё черно.
А потом — деревьев ряд,
молодых,
как тех солдат.
Будет лес,
и будет всё.
А державу вновь
пропьем,
и получим девку-блядь
с пьяной рожей,
и солдат рота
вечером в “свидухе”,
и армейские все штучки
догнут в этой
мокрушке.
Где тут воевать и строить!
Здесь одно
увидишь скоро:
скоморохов, гномов
стаи —
цирк приехал
недержавный,
и по полю, по земле
территорией в огне
солнца летнего.
Упреем,
обгорим,
и обалдеем.
А враги сидят в оврагах,
моют лезвия, наганы,
чистят ржавые гранаты,
может как-то и бабахнет.

Но смысл в этих
перестрелках, перебежках,
надоелках?
Смысл в смысле бытия!
Родина ушла моя!
Будет новая, другая,
тоже девка,
но простая,
и начнем опять сначала.
А она в ответ как баба
вредная сказала:
— Я больная и устала.
Я ей тоже всё сначала:
— Дура ты!
И ты отстала.
Мир давно стихи читает,
мир рисует словом
счастье
и надежду
в красоте.
А ты, баба, на спине
сколько лет лежишь,
балдеешь.
Ты ж страна!
И так нам стелешь,
новая...
И сколько вас по счёту?
А ветер стёкла бьет
в окошке,
а буря снова
по тебе...
И снова новую ведут
страну,
которую опять
обманут, обкрадут,

напоят, и все, кому
не лень, переимеют
в тот страшный день.
И снова боли и болезни,
и так надолго.
Время, время...

19.07.2013.

***

Не воин снова
встает колом
и по столу
железным ломом,
чтоб видел каждый и дрожал.
А я встал и послал,
кнопку пульта ногой нажал,
и пропал нахал,
потемнел вновь экран.
И что мне до них,
с пультом я тих,
чуть что не так, —
русский мат, —
и выключать, выключать, выключать.
А погода срывает
душу,
я, остывший, ищу где суше.
Мне б согреться
у очага...
О, осень! О, зима!
Как вы снова
тяжело неподъёмны!
Как мне холодно
от ваших ветров морозных!
А морозы рисуют узоры
на стекле
и под потолком.
В комнате холод,
как и кругом.
А я мечтаю об огне,
а я мечтаю о тебе,
ушедшей в страны,
где тепло,
а я остался здесь...
Оно!

Снова за стол
в кресле кожаном.
Облом!
Посмеюсь, и хоть согреюсь —
я давно здесь нагишом.
Всю одежду спёрли
воры.
Скатерть вся в вине,
узоры от вин разных,
в неё мотаюсь
как индус в сари,
маюсь
в холоде жестоких войн.
Вот так живём...
Пульт, вдруг, подвёл —
батарейки
потекли от давности дней.
А тот — во весь экран!
И я как болван
всю ночь собираю обман.
А звёзды светят
уже не мне.
Луна-соседка
шепчет о тебе,
ушедшей в тёплые края...
И скатерть в пятнах
от вина...
Постель помятая
зашла,
упала под меня сама,
но я расписку взял пока:
время такое,
что потом обоим
в наручниках без воли
за извращение.
До боли всё знакомо здесь.

Мне б крылья,
и лететь, лететь!
Но то я так... Пока не выпью.
А выпил —
всем доволен.
А он в экране всё талдычит,
и я учу на память фразы —
вдруг всё-таки опять экзамен?
Сзади схватят,
и за стол:
пиши, рассказывай о нём!
А так — нет горя.
Я подковался
на морозе
с постелью, мятой
проституткой,
немытой, пьяной,
глупой-глупой.
И я уснул,
в рассвет, под утро.
И сон мне снится тот же:
я и счастья пруха...

19.07.2013.

***

Поэт и смерть
по жизни всегда рядом,
но радоваться
этому не надо,
тем более бахвалиться,
гордиться —
смерть пусть будет
в стороне.
И мчится
твой час вперёд
и так,
и без неё.
Заигрывать поэту с нею
не добро,
и Бога искушать
этим поступком
или цепью, связкой
грешно и преступно.
Поэт не должен
думать о попутчице.
Он должен знать
её и помнить
как искусницу
в коварстве
искушений,
обещаний.
Поэт пришёл на землю
званным
и избранным должен
уйти,
бессмертным.
Смерть не его стезя,
она лишь спутник
в грешном.

Поэт победить должен земное,
найти пространство,
где не всем бывать,
пространство,
где слова как клад,
и ищет он его
всю жизнь.

Поэт находит,
а графоман завидует,
скулит,
и смерть всегда
возносит вверх
законченную,
замусоленную
жизнь.

20.07.2013.

***

И вновь эта масть
по клубу
кругами,
круг за кругом.
А я рисую далекие цели —
акварели мои, акварели —
и краски бросаю,
не жалко
ярких цветов
как праздник,
праздник, который
каждый
дарит себе однажды.
У каждого свой.
У меня вся жизнь —
заказник,
где леса и реки с озёрами,
и цветы, и цветы
узорами.
Но времена стервятников,
и в заказнике
браконьеры с автоматами —
приехали
прямо из клуба.
Масти разные,
но одним шоколадом
измазаны.
Пули свистят —
война.
А я, окопавшись,
плачу.
Мне бы “стингеры”
вместо ног моих!

И уходит земля
под небо,
с облаками меняясь
местом,
а с неё слетают
в страхе
потерявшие души,
не плачут,
уходят в миры
камнями,
в миры их масти,
а я остаюсь
с лесами —
утешить в живых
оставшихся
диких зверей,
лучше людей
ставших здесь.

20.07.2013.

***

У меня забрали бизнес
донецкие бандиты.
Двадцать с лишним лет
было той фирме.
Ворвались ночью в масках.
Так смешно:
а на суд Божий они
оденут тоже это барахло?
А шефы их в костюмах
брендов видных
с наградами блестящими —
среди них и Герои Украины.
И Бог их примет...
Через полмиллиарда лет,
пропахших серой,
в смоле, соплях.
Да!
Человек — звучит-то гордо.
Но люди отдают душу
другому —
из ада
воз везётся по сугробам,
уголь из ада
с водородом
для пущей важности персон.
Забрать! Украсть!
Ты ж сукин сын!
Хоть генерал, а хоть поэт —
все в связке
на подземный Эверест,
на тысяч восемь метров вниз,
где смрад фекалий и могил,
где холод сырости грибов,
бактерий, вирусов!

Ментов не меряно за век:
от Феликса и по сейчас.
Момент!
Я не от злости.
Без проклятий.
Я — воин.
Что мне ваш мордастый,
жирный, с жопой в пол Парижа?
Я — воин.
Могу жить тихо.
Но вас заставлю пострадать.
Собрали вы имущества опять
цельные горы и хранилища —
я буду продавать вам моль,
ещё и ржавчину
в пакетах.
И дорого заплатите
за бизнес этот.
В каждый дворец
коробки с молью
и тонны ржавчины,
и всё за счёт ваш.
— Вольно! —
скажу ментам и другим
из структур, вроде бы, сильных,
а вам, коррумпированным,
бесплатно, моль и ржа,
чтоб не скучали.
И бизнес расцветёт,
я стану олигархом
в один год,
и выдвину себя
в президенты
Евразийского пространства.

Конкуренты, побиты молью,
отпадут
сами собой.
И я — единый кандидат —
растить пойду
новый народ.
Вот!
От винта!
Первая партия пошла!
Да не коммунистическая,
не та,
а моль и ржа!
Куда?
Бизнес засекречен!
А фермы моли
и заводы ржи
все уже мои.
В мэры, Петя Порох,
не ходи,
проветривай имущество,
и за золотом-железом
проследи...

20.07.2013.

***

Ты от кого-то отбил
своей злостью добро,
и направил к себе.
И пошло, и пошло —
такая река
как Днепр или Эльба.
Но время то зла
соберёт неизбежно
поболее тех тонн твоих
в скромном теле,
и направит их случай
к тебе в другой речке,
которых по миру
не сосчитать,
и несутся они как камнепад,
и всё на тебя.
Зло ведь коварно,
зло ведь жестоко,
и его нужно мало,
чтоб приумножить...
Дар этот мерзкий,
оно снежным комом
от тебя,
и, по-зверски,
вновь по тебе.
И попробуй бороться
со своим же дерьмом
мыслей, действий
порочных.
Посылай лишь добро,
добавляя по крохам
от себя,
чтоб несло
оно ближним потоком
только радость, любовь.

Ведь страданий немало

и без зла твоего

мир изранят.

И хамом

каждый день прирастает,

и злодеем,

и монстром.

Мир их всех называет

своим близким потомством.

Посылай лишь добро...

21.07.2013.

***

И, вдруг, воскресший Ленин,
и Петроград гудит,
солдаты и матросы,
и митинги.
Вот Феликс Дзержинский маячит,
на Мойке — Троцкий,
на машинке, —
кто-то подлизался
и “ролс-ройс” даронул
воскресшему вождю.
И красногвардейцы
с бантами,
и дельце готовится
вновь шумное
душою понял я.
А ночью тишина...
Но её встревожил
ружейный выстрел.
Может, петардою
играют дети во дворе?
Но выстрелов всё больше,
бахают винтовки,
и в прямом эфире
вновь штурмуют Зимний,
и вот уже он взят.
И Ленин, такой же чудной,
на танке, как Ельцин
в Москве ещё той,
громкую речь говорит
о начале движения.
— Ишь ты, старик,
проворный какой! —
я так подумал.
А тут мне ногой
под зад из ЧеКа,
и под руки белые
вновь жизнь повела.

А Ленин объявил
о начале
новой волны революции
сначала.
А я оправдаться в ЧеКа
не могу.
И Феликс Дзержинский
стигает в дугу,
таких же как я,
буржуа.
А телевизор взрывает
грохот оваций.
Митинги,
штурмы,
национализации,
аресты
и контрреволюций возврат.
Красный террор
введён вот опять.
А белого нет.
Есть только зелёный,
под доллара цвет.
Митинг наёмный
то на Болотной в Москве,
то Турксиб,
то по Ташкенту
колонной идёт один инвалид
за двадцать долларов
и гроздь винограда.
А в Киеве — смех,
здесь отряды в синих кульках
и с флагами синими
на Петроград вышли, в Россию.
Но на метро,
в конце города,

вдруг
рабочие из “Арсенала”
их прут прямо
в Донецк,
Луганск
и Одессу,
во Львов,
Черновцы,
и всех вместе —
на Соловки,
поездом “литер”
номер один.
Но их сто уже вышло.
И борды все
сброшены
с рекламой в кюветы,
и лозунг один:
“Всё сначала!”
Поэты, которые
писали о партии,
потом поливали её
нешоколадами
и славили
наш доморощенный
как буржуазной модели
хап и хап-хап,
стали писать снова
о Ленине,
и Сталин живой,
и ходит деревнями,
и собирает всех
на толоку
строить колхозы,
а всё болото,

в виде
кафе,
заправок
и баров
он превращает
в тракторный стан,
завод комбикормов
и просто в баранов
тех, что сидят там
и пьют, и гуляют.
И стада баранов
уже выпирают
из границ страны новой,
где всё по-другому:
и рубль советский,
и бывший целковый,
и доллар, и евро —
всё на страну,
тракторзаводы
и кутерьму
строек великих
и целину.
Страна встрепенулась
без гражданской войны —
кровь и пожары
закрыли портретами
наркомкомиссаров.
Многих подняли
вновь из могил,
а многие новые
в аппарат зашли.
Из старых
построй-перестроечных кадров
один лишь Кравчук
вновь возглавил
в ЦК, блин,
отдел
по хозяйству,

мылу
и пене,
и чистке асфальта.
Вот оно, время!
А кто же супротив
и против восстал?
Да никто.
Все разбежались,
а кто-то достал
старый партийный
красный билет,
повесил на шею
и кричит всем: “Привет!”
...Может кино видел я
между мылом,
может мечтал
о политике с миром,
может быть
влюбился вновь я,
и девушке новой
придумал всё это?
Вот незадача —
не знаю...
Сел в поезд,
и тихо, лисою,
ушёл в те края,
где холод и зимы,
Сибирский вновь тракт
(на случай, на всякий,
ети его мать...).

20.07.2013.

***

Погоны золотом
расшила мне Империя,
но её свалила чернь,
как топором дерево,
и пала наземь
с гулом на весь мир.
Осколки её потом
езде валялись.
Константинополь и Париж,
Вена, Бухарест, Берлин,
и свищ
кровавый на моих погонах,
и кровь, и кровь
павших эскадронов...
А в голубых далёких небесах
плыли купола церквей
горевших
вряд,
и золото кровило из крестов...
Россия-мать
осталась без сынов.
Гордыня разделяла
народ на тех и этих —
аристократов, чернь.
И Бог заметил,
что в храмы
ходит только чернь,
аристократская гордыня
подняла их вниз как вверх,
и Бог оставил в горечи
страну,
оставил всех надолго.
Почему?
Всё почему и почему?

Вопросы шлём не себе,
а лишь Ему.
Гордыня наша
века живёт
и матереет,
и в день сегодняшний
мы об Империи
мечтаем, сожалея,
и новую создать хотим
опять.
Всё с тем же грузом —
сынов своих всё
разделять...

22.07.2013.

***

А я снова к тебе.
А я по мокрой траве,
в тумане, росе,
по берегу
иду как бреду,
зная, что ты
не здесь, на виду,
а там, далеко,
где нету берёз,
где вечно тепло
и пальмы без слёз.
А я всё иду...
И так каждый день.
Скоро лето исчезнет
в дали небес,
и осень остывшая
с холодным дождём,
и горе берёзам
тем, что не с тобой.
Их жёлтые листья
по зелёной траве.
Речка искрится
серебром на волне.
А я снова иду...
И первый, вдруг, снег,
и мороз
по пути —
мой спутник
с небес.
А берёзы покрыты снегом,
ветки гнутся
под грузом белым,
и стволы я
снова целую.

Я один здесь
тебя жду,
считай жизнь в половину.
И только река,
травы, берёзы
и облака,
и в них мои письма
и твои, тогда,
при расставании, слёзы.

22.07.2013.

***

Я с грустью
расстаться хочу
этим летом.
И летаю с утра
с облаками
над миром
и спасаю себя,
оставляя кумиров,
от которых бегу
ранним утром
я в небо,
в облака, что плывут
голубым морем света.
А жизнь бросала
всё по причалам
и полустанкам,
где было тяжело —
одни обманы
и жестокость драмы,
с которой вышел
в дорогу я.
Она писалась
всё теми, с тени,
а не со света
кумиров этих,
которым верил
и поклонялся,
которым в свете
так низки цены,
а в тени стоя,
они как с бронзы,
и я склонялся.
Оставив веру,
оставив смысл,
я истин правду,

всё искал
по их бумагам.
Менялись
полустанки и причалы,
шумели люди,
чайки кричали —
меня здесь явно
никак не ждали.
И я шел дальше
в дорогу
раньше
чем солнце встало,
в тенях рассветных.
И было мало
мне видно счастья,
и шёл я грустным
со своим несчастьем...

22.07.2013.

***

По хрустящему насту
оставляю следы.
Белый снег под мартовским
солнцем
ослепляет до боли,
аж до слезы.
Бескрайнее поле
тишиною
до звона в ушах.
Там, под лесом,
вечной передовую
наш правый фланг.
Окопы, траншеи
кровью политы солдат,
которые рядом
в братской могиле лежат.
Время сносит бои
те вперёд,
а в памяти, сзади,
рота, которая вечно
живёт.
И канонада,
и взрывы снарядов,
и выстрелы
из карабинов
и автоматов
остались навечно в
этих полях.
Они в моем сердце звучат
и зовут
проведать заросшие в травах
окопы, траншеи
и могилы
всех солдат:

и наших, и ихних,
оставшихся на правом фланге
как иней
на одиноком дереве в поле.
И я иду,
вытирая слёзы
то ли от солнца,
то ли от боли,
то ли от радости,
что они здесь, со мною...
По белому насту,
по правому флангу
полка,
как приманка,
взявши бой
с силой большой,
отвлекали.
Фронт прорвали
в месте другом,
и тоже правом.
И сегодня я часто,
при виде неправды,
злости людей,
коварства, обмана
вижу в своих руках автомат,
и, передёрнув затвор,
готов вновь стрелять.
И так каждый раз.
Затем успокоюсь,
и нервы назад.
Но всегда —
в руках автомат.
Вечный солдат...

22.07.2013.

***

Я выдавливаю себя из тебя.
Я выталкиваю себя из тебя.
Я отрываю себя от тебя
по живому
как сиамский близнец
от близнеца.
Я по крови
рву свою часть,
по мышцам общим для нас,
и, отрываясь частично,
смотрю:
клетки твои
держат мои,
и я уже сам
быть не могу.
Но не могу быть и с тобой,
и схожу я с ума,
не могу оторвать
я сразу себя.
Не могу постепенно
и по частям.
Не могу.
Так смешались
души, тела!
Но и вместе тоже
не быть нам всегда.
Нет!
Не люблю я сейчас никого.
Нет
у меня другой просто так!
Я хочу быть один хоть на час,
хоть на день,
хоть на миг.
И я рву тебя и себя
по живому,
по крови опять.

Ты согласна как вроде,
но мне помогать
не желаешь,
держишься цепко
клеткой за клетку.
Я не могу!
Всё в одном,
общем, теле
для нас лишь вдвоём.
И я, молча сжав зубы,
терплю.
Но я же любил
так безумно...
И, может, ещё
я люблю?
Рвусь из тебя,
разрывая себя
по живому,
по крови,
но клетки твои
остаются со мною,
и мне всю тебя
не оставить
уже никогда
под луною,
под солнцем,
под небом,
под светом,
под деревом этим,
и тем вот, и тем...
Поздно совсем...

22.07.2013.

***

Я кричу в даль
громко как
только можно,
но с губ моих
срывается лишь тихий шепот
болью неуёмной.

Я кричу снова, но
всё тот же шепот
негромкий.

Я хочу, чтобы вновь
меня слышали дома
родители мои оба,
но в огромном безмолвии
пространства
я чувствую лишь тишину
и мне никто не ответил
на зов.

Разрушен наш дом,
обгоревший очаг
пустили на слом.

А кому он был
нужен чужой
дом?

Тишина.

Музыка леса
мне в памяти только
слышна,
но не симфонией
дикой природы,
а отдельными звуками.

Я кричу,
трачу силы большие,
а безмолвие
молчит.

Мы чужие?

Мы расстались на миг?

Или это лишь горя крик,
предчувствие вечной ночи
и глубокого сна?
Бог не молчит.
Я слышу Его движение
духа
покоем на сердце.
Разлука...
Я думал о ней
не раз.
И всегда знал и чувствовал,
что ещё не моё время,
и не пора.
Сегодня я чувствую мало.
Совсем ничего...
Всё прошло.
И не вернется пока,
я знаю...
Но жизнь другая
меня здесь нашла.
И я, как на вокзале,
смотрю на часы,
и время как будто бы
тянется...
И снова крик...
Шепотом с губ...
В огромном безмолвии
тихой радостью на душе.
Мой путь...

23.07.2013.

***

Ты устал
мой измученный мозг.
Перегревы,
максимальные обороты,
мысли, мысли...
Много заботы,
ещё больше работы.
Я тебя никогда не жалел.
Я от тебя
всегда много хотел.
И ты служил мне
верой и правдой,
ты работал
так ударно.
Я бы, может бы,
по другому бы
смог,
если б у меня был
другой мозг.
Допоздна лежать в постели,
проводить весело время,
ночью не читать и писать,
а гулять, гулять.
Но ты не тот мозг.
Тебя не нужно исследовать
как другие, гениальные,
в мире.
Ты сам за себя сказал
в моих книгах, стихах,
и так.
В моей жизни ты преуспел:
я в болезнях, депрессиях,
но всегда у дел —
ты так мог,
а я так хотел.

Я благодарен Богу
за всё.
Моя жизнь —
громадное колесо,
и я в нём,
с ним,
и на нём
по бурям-страстям,
и всегда —
быстрее, быстрее,
вперёд,
на обгон!..

24.07.2013.

***

Мрачности, мерзости
запустения...
Похожее было уже
с Воскресения
Христа,
когда Рим пал,
опустел до дна,
и веков тёмных мрак...
Но вырвались потом.
Здесь кураж.
Здесь депрессия
и онкология.
Болезнь смертности —
идеология
денег краденных,
богатств скорых.
Свободы нет.
И лишь горе
деградации,
запустения
всех наук,
культур
и разгул
социальных бурь
песком в глаза
вместо милости
и добра.
Здесь лишь век
пошёл
в четверть прожитый,
а тоски миров
замороженной —
на века!
И бандит восстал
выше Бога здесь.

И тот мрак веков
не сравнить сейчас.
Здесь паденье вниз,
далеко назад,
и зараза прёт
на весь мир от нас.
Ты постой, Нью-Йорк,
и не спи, Амстердам,
из одной шестой
вирус мерзости
прёт к вам грех и срам.
Ведь не может жить
эта гадость здесь,
ей нужны кредит
и красивый дом,
и носки, трусы
от кутюр.
Здесь лишь дохлый сыр
и еда
как мура на вкус —
экология
косит всё вокруг!
Химзаводы
в дырах,
и мирный атом
вдруг рубанет опять
ввиду денег грёба
и науки вспать —
так тогда уж
не спасут!
А в Европе спят,
пьют, жуют.
Змей одет в костюм
брендов ваших же,
и туфля,
и бум часов женевских
в нём,

но он Змей и есть,
хоть на вид благой.
А Европа спит.
Будет вновь босой,
будет ряженой
на подмостках сцен
за корку хлеба
и в углу постель.
Развратят вас всех,
время тянет вверх,
а потом — удар! —
и назад, в угар,
от которого
нет спасения,
ибо мрак, что здесь,
самый жуткий
с Воскресения...

25.07.2013.

***

Зал большой,
и в нём столы,
а за ними
“элита” вся страны.
Вся!
Не перечислить
на странице
и на двух —
книга может получиться
из этих фамилий и погонял!
В одеждах нарядных
и украшениях,
аксессуарх
как в лишениях
подданных верных.
Да и не верных.
Время.
Время
карту метит:
туз, король.
И без валетов.
Без десятков и восьмёрок.
Все остальные
лишь шестерят,
подают и добавляют.
А в застолье — высоковлезшие,
угощают друг
друга
своею кухнею
из желудков личных.
Скучно!

Вот и стали угощать
экскрементами
всю масть —
каждый каждого
с тарелки:
— Съешьте, Алла,
съешьте, детки,
съешь и Софа-певуниха,
съешь Кранчук от Мучмы!
Тихо
стало
вдруг
по залу.
Аккордеонисты замолчали,
личные музыки-шавки.
Тихо-тихо
сметала со столов “элита” —
съели всё
и все,
а, особенно, семьи
рвали блюда
как могли.
И с России был пирог
от “элиты” круче этой.
Его ел “сам”...
Поэтом был когда-то чин —
ел всё тоже...
И корзин пустых осталось!
А шестёрки кувыркались,
и кормили все друг дружку
с чашек, мисок
в промежутках
меж подачами на стол.

А один как свой
положил на миску
генералу от ментов
небольшой, ну как сосиска,
ломтик,
и подал бокал с мочой.
Проглотил служивый резво,
думал —
главный
дал,
отрезал.
А потом потух вдруг свет.
И пошли все
в туалет.
Кто блевал и сам, дурак,
кто — два пальца в рот,
кто спасался в любовных поцелуях,
в экстазе позабыв о блюдах...
Включили свет.
главный посмотрел:
столы остались,
а “элиты” нету в зале.
И она со страху
в травме,
в коме
с туалетов
мчится к залу.
А с клозетов запах вони,
страх и ужась!
А потом подали кушать:
стерлядь, палтус и форели,
водки, вина...

Что же делать? —
в рот не лезет ничего.
— Давай, выпьем!
Эх, мурло...
И пошло, пошло, пошло.
Жрали, пили, танцевали,
а потом и Новый год
две тыщи пятьдесят второй встречали.
На наше счастье,
мы уже поумирали...

25.07.2013.

***

На флаге истории
страны гордость в гордыне —
великие гетманы
твои, Украина.
Полуботок,
известный
кладом огромным, —
ищут потомки золото.
Бочки
по Лондону,
Цюриху
и по Берлину.
Ищут, и роют земли
твои, Украина,
в надежде богатство
поднять.
И аж свистит ветер
голов и энергия вошь
глупостью тех и
этих миров.
Или Мазепа,
тоже великий:
с королём
братанулся он шведским,
а люди ободраны, обобраны,
славят.
Гетман великий
в низкомелкой державе.
Богдан Хмельницкий —
славим верхславно.

Знал языки,
создал державу,
которую пропил
в угаре угарном...
И умер в бесславии.
А потомки —
на флаг.
Гетман святой, а,
может, он враг
для страны, что так пала,
или упала,
или свалили
своими неправдами?
Так и сегодня
шатаются в царстве
на тронах сидящие
самодержавные:
тот русофоб, а тот
русолюб,
тот Европейский
любит лишь суд,
а все по золоту —
куда ювелирам! —
и деньги шибать —
нету равных
им в мире!
И чем-то понравились
люду, стране,
которые в трон
их всадили.
Вдвойне
не понять
и сирых, и бедных,

как не понять царьков, тех,
прежних,
и сих.

Откуда наука?
Оттуда, с глубин
не очень седых,
но рабов и рабынь,
да и нынешних горьких
времен.

Но мир их носит
и целует портреты,
их любят-не любят —
ромашкой гадают.
Время придёт —
поумирают.

И снова потомки
собравши котомки
со снедью нехитрой
и электробритвой,
зеркалом,
щёткой,
расчёской,
иглой,
нитками,
кремом,
носками
и джемом
поедут
по Лондонам,
Стокгольмам,
Берлинам,
Нью-Йоркам,
Парижам,

Дамаскам,
Пекинам,
а кто-то,
навечно,
Иерусалимам
искать те же бочки
золота,
евро,
долларов,
франков,
юаней
и шекелей.
А в ответ лишь
фигура из пальцев
трёх —
её изготовят
из пластмассы литой —
кукиш называется.
Его и дадут
всем, кто ищет клады.
От спрута
упрут
и к спруту уйдут.
А страна так низколёгшая.
Её в таком виде
всегда здесь найдут.

26.07.2013.

***

Политика...
Политики...
За триста лет
их было здесь...
И все — великие.
И все — так важные.
Но Украина смазана
на карте мира
и сдвинута
куда-то лихо,
как остров дикий
и несчастливый.
То гетманы чубились здесь,
и крали тоже, покамест
не уходили в миры другие,
то лихо пили и кутили,
то продавались
более сильным.
А люди гнули спины рьяно:
пан идёт! —
трезв или пьян,
в чунях иль сапогах —
пан
он и есть пан.
И песни пели.
Народ писал.
В них столько грусти,
беды без прав,
в них слёзы, слёзы
и спины вниз.
Пан и паныч.
Потом был царь,
цари России.

И было трудно,
но как-то жили.
И, вдруг, подъём опять
борьбы,
и вот — свобода!
Дабы...
Кабы...
Универсалы написали.
Армию разогнали.
Рванула
с востока орда —
деток послали,
студентов.
Бой неравный.
Круты.
Слава...
Слава детям,
что полегли.
А политики?
В позор зашли.
Но им и носят сегодня
славу —
цветы на бронзу,
от державы.
А держава —
опять канава
из сточных вод
от партий
лево-право.
И вновь политики,
волны другой,
с позором вечным.

Советов вой,
и выли так,
и падали, как танк
с обрыва,
на стройки века
на крови,
и враг, и песня,
но свои.
Политсоветик
был как зверь,
но время ветер
несло в теперь,
где всё от змея
и от лукавств,
где зверство стало
как устав
их понятий
политикбанды,
политик,
опор,
опозиц,
Рух и стойло
для своих.
А народ — быдло
и снова раб.
Свобода вышла
в крутой вираж
и не подняться
ей пока.
За политштурвалом
политвозня,
и каждый тянет —

вор, бандит, —
штурвал же деньги!
И летит страна
всё дальше вниз,
и чуть-чуть в бок.
Но рук вокруг
штурвала
как змеев гроздь.
И кто там тянет
его к себе,
и кто там вовсе не в себе,
понять нигде
и никогда.
Лишь вой паденья
без крыла.
Таков политик
пришёл опять.
Немытый,
грязный,
но паныч, пан,
и вор отменный
с кистенем
и битой —
чуть что не так —
по голове!
Политик ас!
Политик зверь!
Политик вор!
Политик в дверь!
Политик в выход!
И нет назад!
Политик стерва!
Но вновь, опять,
идут все те же
и им под стать.

Политик-дело —
грязь да в князь.
И нет надежды
на час сейчас.
И только дети
войдут в приказ,
который свыше,
и на раз,
восстанет имя,
и смоем грязь,
падёт “князь”,
и слезет гад,
исчезнет взад
сорвав перед —
надежда наша.
И вновь
так хочется
новый народ.

26.07.2013.

***

Какая грусть
мне расставаться
вновь с тобой, Мария!
И я шепчу
и повторяю твоё имя —
Мария...
Мне грусть опять
и расставанье.
Будь проклят грех!
Из-за него страданья.
Из-за него болезни,
доктора.
Мария!
Помни это ты всегда,
и Симона учи
по Богу дни свои сверять,
идти дорогой прямой,
а не вертеться
и искать
путей получше
и жизни сладость.
Мария!
Прах всё.
Радость только от неба
к небу.
Радость ближние твои.
И я не раз как волк
завою на Луну
от грусти расставаний.
Я возьму от жизни
новый чистый лист,
начну сначала.
А ты не торопись.
Ты так чиста.
И вся моя.
Я оставляю вместо себя тебя.

И ты продолжишь
незаконченные строки.
Мария!
Ты наследник мой
духовный.
И строга будь к себе
и ближним.
По правде их веди
по жизни.
По правде с Богом.
Ты загорись звездой
в небосклоне,
звездой в мерзости мирской,
и помни:
Бог и ты!
А я всегда с тобою...

27.07.2013.

***

Удар молнии,
вырвавшейся с чёрных туч,
по стволу дерева большого.
Треск веток,
и огонь,
а над нами, вдруг,
раскаты грома.
И пламя к небу.
Мы страхом
наполнились мгновенно,
и запахом озона
с ветром,
и каплями дождя.
И снова молния по небу
как стрела,
и снова грома сильные удары.
А страх стал уменьшаться.
Мало таких минут
бывает в жизни...
А молнии летали
как стрижи тут,
до грозы начала.
Удивительный я вижу мир.
Моя душа кричала.
Как счастлив стал вдруг я.
Не нужны
должности,
медали,
не нужны большие деньги
и неизведанные дали.
Какое счастье!
И Крещение Руси
мы празднуем
в эти дни —
тысяча всего двадцать пять
лет.

Такая дата
казалась далеко
от этих мест.
Но всё как и вчера:
и литургии патриарха,
и священство,
власть.
И праздник наш,
хоть с горечью в душе.
Но горечь та
не от крещения.
Вообще
от жизни, что усталостью,
безликостью ломает,
от жизни, в которой
президент России от
нашего к какому-то
куму-прохвосту убегает.
Оставив всех и вся
бежит к нему как
зачарованный.
А я
так не хотел писать
об этом...
Такие дни
и вехи!
Но вехи подточил жук-короед.
Всегда у нас причина
не готовить бы обед,
а обойтись по ходу дела
какой-то пиццерией
в обманах заматерелой.
И ты, Мария,
прочтя когда-то
помни лишь
о милосердии
к брату

и к людям всем,
и всем им верь.
Даже если подлец.
Как верил на Голгофе
всем Христос —
и разбойнику, что справа,
и жалел того, кто слева.
Будь, Мария человеком,
особенно на высоте
общественных великих дел.
Служи лишь людям, Богу.
...А теперь
и солнце после бури,
и ветер стих,
и лето гонит вновь жару
в конце июля,
и князь Владимир
молится за Русь,
где Украина хочет быть
или не быть.
Запутали политики
как котик
нить
клубка из шерсти
на картинках
в хороших детских книжках,
а в тех, что взрослые читают,
там тоже путают,
но бесы —
трали-вали
и люд идёт с ума
куда-то,
бесам оставив всё
на свете.
И их читают, и вникают,
потом, забыв,
сами в истории
такие попадают.

А время к вечеру,
но солнце высоко.
Мне б дней десяток
проскочить вперёд
по жизни,
но я молиться буду
в эти дни —
мне душу добела
отмыть
Бог дал возможность
и сказал:
— Терпи!
И я счастливый,
радостный живу,
проникшись добротой
к большому злу.
Я не судья...
Я не сужу...
Я грешный сам...
Пока стою...

28.07.2013.

***

Большая голова Симона,
и мысли мне
не дают покоя:
кем же будет он когда-то?
Управдомом?
Нет!
Помните, о нем писал Булгаков?
И время будет
колесить по миру,
мир меняться будет,
к жестокому идти кумиру,
чтобы потом
его опять разбить.
Симон!
А ты будешь врачом,
а, может, и учёным —
голова и лоб большие,
хоть еле ходят ноги.
Да года нет ещё.
Малыш.
Дитё.
Моё.
Мария, не ревнуй.
Ты старше,
и будешь старшей
навсегда.
Особенно, после меня.
Эпоха, когда я стал Я.
И Машина эпоха.
Эх, Мария, ты моя,
эпоха каждому — своя.
И не возвеличиваю я себя,
а к плинтусу
в углу
вжимаю.
Я очень скромненький, тих,
чего и всем желаю.

ПОСЛЕДНИЙ ВАГОН

Мне говорят,
что если б я
вдруг стал богат,
немереную власть бы заимел,
то как и нынешние все
пустился в тяжкие грехи,
разгул и накопление бабла.
Да нет.
Я строил бы страну.
Бандитов — по шеренгам, —
и в тюрьму,
а земли все — пахать и сеять.
Сады сажать.
Людей любить
и помогать
построить правду-мать,
заместо “бабы на холмах”,
но не железную,
а вечно живую правду.
Взял бы и строил,
но не себе,
терема,
не семье своей.
Это беда, что наши
владельцы зла
пошли по пути в никуда.
Всё потеряют.
Богатство,
и тело,
и душу.
Всё прахом пойдёт,
ясно.
Но они слепы.
Вождики, подвождики,
спецы по обмануть и стырить,
спецы войною
свой народ мытарить,
и втихаря, и втихаря.

Время дебилов, зла.
А меч и на ристалище?!
Нет.
Не пойдут.
От страха, вдруг,
штаны спадут.
И каждый кричит:
— Никому не верь!
Вот это жизнь
на теперь...

28.07.2013.

***

Не бросайте бисер
свиньям под ноги,
все равно втопчут в грязь.
Это не мои слова.
Это Бога слова.
Мы говорим,
пишем,
увещеваем,
но они книги не читают,
а вешают на гвоздик
в туалет
и что-то листочками вытирают.
А мы пишем,
говорим, увещеваем.
Бог не бывает
поругаем.
Волна морская
на берег падает,
и, обратно, снова
вода в море убывает.
Бьется, бьется
в берег годами,
столетиями и более,
но берег спокоен.
Море знает свой предел,
и за него не выходит.
А человеку предела
нет.
В его страстях, особенно.
И бьётся в мире
он в дверь,
которая открывает
путь наверх.
Мечта и жизнь в этом.

Донецк — город угля
и металла,
промышленности,
но дури
здесь хватает:
фирма “Ковчег”
собирает деньги
и волосы с ногтями —
носителями ДНК,
мол, спутник унесёт
в космос.
Если исчезнет жизнь
на Земле,
её инопланетяне
восстановят.
Желающих
увековечить
свои задницы
оказалось много.
Ракеты может
не хватить.
Построят вторую,
третью,
четвёртую,
пятую,
шестую...
Дури много,
зашкаливает.
У неё нет берега,
и она расплзается
по миру с дверями
открыто-закрытыми.
Льётся песня
из окна соседнего,
там гуляют день рождения.

Собаке Яку —
десять лет.
Гостей собралось!
Заняли даже туалет.
Туалет большой,
как гостинная.
Хозяин богач,
и его воля всеильная.
Он любит шик
и роскошь с арбузами.
Льётся песня
попсы,
которая здесь
обслуживает.
Мелодия для двух сердец —
собаки и хозяина,
тоже пса,
мента высокопоставленного.
Границы человеческих чувств
страстных
без берегов и преград
разносят ужас ужасный.
Стучит молоток
в стену соседскую.
Ищут клад
жильцы новые,
поведённые,
а по курганам —
с миноискателями.
Бывает золото скифов,
бывает снаряд бабахнет,
и ноги летят вправо,
а руки влево,
туловище в небо,
а остальное на землю.

Страхи и ужасы
во дворе нашем.
Самолёт в небе
летит задом
то есть хвостом вперёд,
а другой в бок.
А если их линии
соединятся?
Что-то с авиацией...
Я ею не увлекался.
Я изготавливаю
самогонные аппараты.
Готовлю водку
и продаю в парадном.
Мечтаю выйти за
его пределы,
расширить рынок.
А самолёты
уже улетели...

28.07.2013.

***

Мои книги —
в каждый дом бы.
И мир вздрогнул бы,
читая.
Кто-то блевал бы
за сараем,
кто-то закрылся навсегда,
не в доме, нет,
а в смысле языка.
Кто-то бы
плакал и рыдал,
а кто-то бы
вилы свои
и партии всей сдал
в тот же сарай.
А кто-то встал бы
и пошёл,
за ним другой
и третий,
и их всё больше, больше...
И мир менять
начал бы своё лицо.
Антихрист гнан был бы,
ещё
и окружение его.
И строить новый мир
назло большому злу,
которое повергли бы.
Ему было бы приятно,
и Он позволил бы
обратно
прийти на покаяние ещё, ещё...
Мои бы книги...
От Бога все слова, страницы,
не для себя,

а всем вам, близким,
большому миру,
ослепшему,
но кричащему.
Я вижу...

29.07.2013.

***

Уходят близкие
нам люди
без покаяния,
причастия,
без церкви.
Уходят, приумножая черствость
своих и наших душ.
Наши здесь пока,
живут.
Черствея
в пиршествах,
работах,
всё дальше уходя от Бога.
Приумножая черствость.
А церковь награждает.
Должность!
Личность, что заняла
её в истеблишменте.
Священники
обслуживают власть
за деньги...
Приумножая черствость
наших душ.
И кто же нас спасет?
За нами ведь уже идут.
И куда нас всех возьмут?
Я слышу скорбный стук
тех,
кто исполняет эту роль.
А мы гуляем, пьём.
Священники, за деньги,
говорят, что отпоём,
помолимся за вас.

А примет Бог
этот обрядов шик,
и эти молитвы
просто так?
И душа как пшик...
Воздушный шарик полетит,
пока не встретит
острый шип.
И мы уйдём без
покаянья,
причастия,
без церкви,
приумножая черствость
ваших душ,
тех, кто следом
по земле идут.
Наследники.
Страна и мир,
и сатана в блезир —
и в окуляр бинокля
искать его не нужно.
Он — черствость эта.
А потом мы ищем
президента для исправления
истории,
текущего момента.
Черствость душ...
Аплодисменты...

29.07.2013.

***

Я кричу, шепчу
молитвы
повторяю слова:
— О мой Боже.
Я кричу, кричу
и рука
крёстным знаменiem
осеняет меня
а мир жизни моей
сжимается в точку
чёрную
на карте поселком
лишь.
Обручем сжаты мысли мои
и заклёпки вдавлены
в мозг.
За троих,
четверых
я борюсь здесь
один
моя жизнь
чёрной точкой,
в глазах от неё
лишь боль
попавшей песчинки.
— Стой, — я прошу, —
остановись!
Но неумеренно
быстрая жизнь
сносит всех
одного за другим.
Мало живых
в пространстве
пустыни:
барханы, дюны,
и мины
взрываются под ногами,

а они не умирают,
оставаясь живыми
в безжизненной жизни,
бесцельности мысли,
безразличий их пришедших...
К нам,
уходящим к другим берегам
неизвестности
колкой
как розы шипы,
и лепестки
с листьями
падают вниз
прикрывая лицо,
и взрывается
вмиг
чёрная точка
антиматерии.
Я остаюсь здесь ещё.
И что сделаю
для оставшихся
в дикой пустыне?
А в голове
разрываются мины,
несущие людям свободу
сквозь могилы.
И дивные сны
на твоей груди,
и ночь в безумстве
дорвавшегося до любви...
А ты?
Барханом в холодную ночь.
Утром бежать от тебя
мне прочь,
чтобы себе, вроде, помочь,
и жалеть в этом мире
только о том,

что ты исчезла
в пустыне с песком,
мечтая о тепле и о лете.
А я рвусь
как мина
в мире всё этом,
и создаю крупницами силу
для победы
над глупостью “ксивы”,
над силой её
осторожно жестокой,
а сегодня —
без тормозов
и без оси.
И шестерни падают
гулко вниз:
там прорва
миров,
в которые тянет, глотает
алчностью лихо.
И побеждает.
И рвётся
струна
сердца
единственного,
моего,
и чёрная точка
уходит.
Тихо...
Но я ведь вернусь
окончить,
что начал.
А ветер с песком
всё шуршат и судачат,
и им лишь
подвластно время,
ступени,

а нам —
тихий ропот
на кухне
у гроба чужого
и кружками пива:
— С пеной мне,
с пеной...
Безразличия мнений,
безразличия жизни
чужой,
оторванной,
поминальный обед,
через полчаса
забытой всеми
тризны...
Чужое не бережит
ни сердце,
ни жизнь.

29.07.2013.

***

Стены, стены, стены...
Рядами,
как книги на полке,
и нам с вами
здесь жить.
Если бы мы были
серою молью,
жили бы, конечно, раздольно,
хватило бы площади
и на портьеры,
ковры,
диваны
и другую мебель.
А так, носом уткнувшись
в стенку,
мы видим только соседку,
сидящую в позе такой же.
Стены со всех сторон,
как катакомбы, —
так мало простора жизни.
И никто не пробует
стены сдвинуть,
свалить,
разбить.
Юнцы сверлят дырки,
и то, чтобы
в ванну чужую
иногда подсмотреть.
Этим живут,
и радость от этого,
безусловно, большая есть.

А где-то другие люди,
другие страны, планеты,
вьюги снежные по окну,
где-то дождь смывает тоску,
где-то цветы на подоконнике
и на полу...
У нас — серый бетон,
и во сне, и наяву.
А в определённые дни недели
компрессор гонит воздух
сквозь щели,
пыль поднимая,
а дышать-то никак не легче.
Но горе не идёт одно —
подняли тарифы на
это всё
зло,
и налог добавили:
в зависимости от
лошадиных сил моторов.
Чем больше воздуха,
тем больше горя.
Платить нечем.
Мы же бедны.
Мы не работаем,
а только сидим, лежим.
А всё пишется в долг.
— Долги не отдать за жизнь...
Кто смог? —
прохрипел, умирая, старик.
Но все от страха
лизали пол.
А голос зычный
искал:

— Кто сказал?!
Старик умирал.
Списали на его слабоумие,
хоть и был он
нормальным.
Подписантами были все.
Старик лежал не похороненный
десятый день вообще,
а мы подписывали по
сотому разу:
старик больной,
и нёс эту заразу.
Иногда стена падает
от ветхости и брака.
Просвет становится больше,
но тут же драка —
столько желающих жить
в просвете.
Кровь, мат,
и вот места заняты эти.
А тут кран и бригада
роботов —
льют каркас бетоном
опытно,
тютелька в тютельку,
ставят новую стенку,
и те, кто успел
пожить в просвете,
уплотняются снова,
как все.
И кто знает, —
память стирают, —

сколько нас осталось в стране,
как там мир вообще?
Но эти мысли редкие-редкие —
за них наказывают
люди крепкие,
лишая воды на неделю,
хоть и так выдают по пол-литра.
Но иногда милосердные
фонды
приносят пострадавшим
чайную ложку повидла...

31.07.2013.

***

В глухом одиночестве
комнаты из камня
небольшое окно в потолке.
Приживальня —
так называется город, район.
Суд конституционный
несколько лет
изучает объём
депутатских запросов
о стране с новым
именем:
Проживальня.
Неймется им всем.
А нам — все равно.
Только в полдень
у меня
солнце в окно,
которое
высоко в потолке
и в решетке.
И солнца квадрат
ложится на водку
стоящую рядом с кроватью
солдатской.
А через час уходит,
и становится мрачно
вновь в помещении,
мрачно в душе,
и поведение
моё подконтрольное.
Водку я пью
с запахом озера —
это лекарство специальное
ввозится,

оттуда, с востока
по высокой цене.
Оно выдаётся всем
как обед
вместе с бутылкой
водки российской.
Но водка безхмельная,
лишь вкус обжигает,
но там алкоголя нет.
И считает счётчик
специальный
слова говорящих:
в день можно
двадцать,
в праздник — шестнадцать.
В праздник
к портрету “Семьи”
странолидера
нужно лицом стоять.
Длинный день...
И бывает желание
задом повернуться,
но тут же
укол от санитаря,
что круче
любого живого —
он робот,
и размером из чашку.
Но бьёт током,
кусает,
режет тело
и тьякает ночью собачкой
если сны эротические
или о хлебе,

об озере,
лесе,
тут же: “Гав! Гав!”
И ты просыпаешься.
Я не устал.
Я не знаю свой возраст,
пол и профессию.
Я отдался на эту концессию
совсем добровольно.
Сдав дом и квартиру,
имущество,
детей,
жену так сварливую,
и ушел в приживальню
в тот же я день
радости полон
и счастья.
Теперь радость сменилась
просто лишь глушью
глухого единственного
у меня сейчас чувства —
это то одиночество,
что уже не тревожит.
В нем есть покой,
и жизнь не разводит
на разные цели
и суету.
Новый наш мир
ушел в глухоту.
Идеолог великий
из партии тыков
придумал мир новый
открыто-закрытый.

Часть там открыта,
и она за нас думает,
пашет и сеет,
учится, трудится.
А мы отдаёмся
лишь мыслям о них,
высоких и вечных
членов “Семьи”.

31.07.2013.

***

За внешне красивым
фасадом страны
бьются в смерть
“крутня” и “пацаны”
до крови, дерьма.
А мимо идёт, пробегает
людва
на труд и работу
за хилую пайку.
А где-то секретно
днём и ночью
небо копят фабрики.
На них шьют фуфайки,
чтоб номер навесить
всем по порядку:
и шансону с попсой
тоже вместе,
но номер крутой,
как и пели они,
и всех нас в колонны —
и повели, и повели...
Такой есть приказ
у “Семьи”.
Евросоюз и НАТО
не знают,
они бьются в Ираке, Афгане,
возя гробы
на шикарные кладбища, —
в гробах бывает наркота, —
но нюх их ищейский
утерян давно.
Наши с “Семьи”
им парят дерьмо
в русских блинах под икру
жаб диких,
крашенных
химией на сильном ветру,

чтоб запахи ветер унёс
и оставил
цвет лишь икорный.
И водка с сараев —
обычный технический спирт
с прикидоном из “ешек” —
и ешьте, господа,
у нас дома.
У них всё другое,
у них чин по чину,
но наша “Семья”
расплодится там сильно,
и все с Берлином
станут Чикагой
тридцатых годов
и профанадой
ихних законов,
и наших “понятий”
установится царство.
НАТА с Европой
нюх потеряли...
Потом и себя потеряют.
За внешне красивым
фасадом страны,
всё так гнусно,
но “крутня и пацаны”
разбавят домами
и авто с Европы,
роскошными шмотками
и попами тёлок,
и, бывает, что нравится
даже и нам,
знающим правду
и всё что там.

И гам
несётся по территории
и геттах,
гам о борьбе
со злом всем этим.
Это оппозиция шумит.
Бывает, выпьешь,
бабу снимешь
и, вдруг, поверишь.
Утром глянешь:
она с похмелья
как чума,
и запах от неё...
Хана!
И ты бежишь со всей людвой —
быстрее труд
любой ценой, —
забыть, забыть их всех.
Себя.
И бабу, ночью, ту...
Ура!
Кричит какой-то,
блин, калека
с машины “лексус”,
и потеха —
на бампер
поднять враз кого-то.
Смотришь, труп,
менты,
и фото, фото.
А дальше —
новое “святое”
их развлечение “крутое” —
взять девку
и растлить,

затем ограбить
и избить.
Не выдержит,
умрет,
значит — убить.
И ректоры налоговых
в нас академий
берут за взятки на учебу.
Гений,
окончив вуз,
пойдёт трусить
всех за гуз,
чтобы собрать обратно,
а то и более всего.
Но то — фигня,
и то — дерьмо.
А главное уже украли.
Остались урны в парках,
лавки грязные
и тротуары.
За них и бьётся
в нас “крутня”.
А “умные”, сорвав бабло,
бегут в Европу.
Но то пока тёмная
и неизвестная в будущем херня...

31.07.2013.

***

Оргазмы, поллюции
не кажинный день,
а забыться-то хочется.
И мы за плетень,
в кукурузу,
аппарат самогонный тянем
вместе и дружно.
И дрова, и парок в
венджи, а с них
в воду как лед.
И по капле нектар
с ватки капает.
Лишь с минуто был пар,
а теперь — на пузырь.
Первый литр —
то первак,
бьёт по темени так,
что тот секс
их в Европе —
курам на смех,
и пруха в сто оргазмов
коня,
как мотор с “оппеля”.
Жарит так наповал
бабу, что вот только стоял,
а уже, блин, лежит,
вышиванка торчит
ниток красных и чёрных,
и в очах всё рябит,
а кумась — по второй,
кувыркнулся,
и в бой
с кулаками ко мне,
я стильвагой
его, сука ведь, по спине.

Что-то хряснуло там,
и упал он к ногам.
Вот он сила — первак! —
и я стал первый казак
на селе в этот час.
А в другой кукурузе
кум сливает по кругу,
и уже понеслась
песня наша,
и в пляс,
несмотря на столь ранний,
седьмой всего, час.
А на завтра
оставим
мы немножко,
подбавив
конопли с огорода,
и пойдём по погоде
разбирать, блин, коровник —
от совдепии долю,
что досталась нам в волю.
А потом в огороде
снова брагу в огонь,
и по венджам спокойно
паром вниз потечёт...
А учились в школе вяло.
Физичка всё не давала.
Продохнуть.
И законы те учили,
но не очень получили,
а вот дрожжи и пшеница,
дрожжи с сахаром в водиче,
дрожжи и буряк от поля
Порошенка — наша доля.
Дрожжи и любое всё —
брага, венджи,
и пошло, пошло, пошло!

А оргазмят пусть в Европах.
на постелях и на водах —
видели мы всё
в кино.
Чепуха то.
Вот-вот уже — кап-кап...
Ё-моё!
— Пошло, Фрося, пошло...
Ох и вставит!
— Тебе-то хорошо?
— Хорошо...
Давай тогда ещё
по стопарику налей,
да под сальцо...

31.07.2013.

***

Пал, даже рухнул
Детройт.
Столица американских авто —
банкрот.
Дома с вырванными окнами
смотрят жутью в мир,
пустые, холодные,
разрушаются.
Блин!
Великие Штаты,
а города без войны
падают, падают.
Вирус общественных
отношений
рождается
в разных формах и видах,
в тайных лабораториях
их секторов финансовых
и разносится по миру.
Коррупция, в случае данном,
сносила
столицу авто.
И без бомб ядерных,
корейских,
упал город Детройт.
Люди бегут из города
как во время чумы.
Немые заводы,
в трещинах стены,
рваньё крыш,
вырваны двери
и окна, окна
исчезли куда-то.
Так и у нас в постсоветском
гнустве —
та же разруха,

и то запустение,
вихрем промчавшееся
в одно мгновение
вирусом гениев-прощелыг,
которым антихрист
дал дорожный лист,
и им так легко
комбинировать гадость
общественных устройств,
чтобы там всё могло
гнить и падать.
Им все равно:
Донецк,
Челябинск,
Детройт.
А мир молчит,
и завидует осевшим
на далёкой стрит —
таким человечеству чужим...

01.08.2013.

***

Я бизнес свой открыл,
хотел честно, по правде,
работать день и ночь
на себя и новую державу.
Но увы.
Попал я в шоблу,
где власть чиновничья с ментами.
Любили водку,
пивко, коньяк,
икорку, баб.
Машинки чтоб менять.
И им, по правде, —
наплевать.
У них в колоде по
десять, блин, тузов.
но не как карты,
а фотки ихних
гнусных ртов
с президентом
и премьером.
— Будь готов! —
сказали мне. —
Проверки будут день и ночь.
Спине твоей не выдержать
тузов.
Плати, чудак,
нам налом,
а потом, когда ты
станешь, вдруг, богатым,
мы тебя посадим в “хату”
и заберём всё до конца.
Я не поверил подлецам.
Романтик я.
Живу и верю
всегда в хорошее.

Но дело их
сильней всей правды.
Платил я нал.
А что держава?
Держава быстро пала.
Как девка слабая,
не устояла.
И съели они её
всю с аппетитом,
и сами стали державою.
И сыты.
И одеты.
И блатны.
А люди горбятся, суетятся
чисто муравьи,
собирая то, что никому не надо.
И “хаты” полные народу
с деловою хваткой,
но так называемой державе —
государству — стране — участку —
всё пофиг.
Только деньги,
и дни блатные,
как критические, в женщин.
Им эти дни дались зачем-то,
а нам кровью
истекать вместо них
десятилетиями,
а не днями,
не моментом.

01.08.2013.

***

Мне бы повторить
по всей земле
тот путь, что я
прошёл уже.

Но не вернуть,
но не вернуть
мои года...

И пусть
часы идут,
как шли всегда,
вперёд, вперёд,
хоть там...

А я люблюсь летом,
я забываю горечи,
и светом

солнца
согреваю тело.

А осень — впереди.

И там
ещё одно

моё лишь
бабье лето

в паутине тонкой, белой,
в листьях жёлтых, золотых.

И пенье птиц
перед отлётом,
и небо голубое,
какое можно видеть
только в эти дни —
большое и моё.

а я останусь здесь,
и буду видеть
только тех,
кто мне
стал любим и близок,

и с ними,
по часом своим
идти вперёд
без компаса и карт.
Бог выведет
всегда своих солдат.

01.08.2013.

***

Я стучусь,
я стучусь
в ваши двери открытые,
я стучусь,
но меня вы не слышите.
Может быть, я пришел
из мира другого,
без тела
и душой
некрепкой и не очень здоровой.
Я стучусь, а вы заняты
своими делами.
Что за мир здесь такой
жестокий
и рваный?
Я стучусь.
Вы же просто обязаны
по любви своей
к ближнему самому!
Но в ответ тишина.
И глаза ваши
грустные,
нервные.
Я стучусь.
Я устал,
и болит мне рука
от кожи стертой
о двери...
Пока
а ответ не видно
кивка головой:
— Заходи ты, друг, мол, мой.
И все заняты, заняты, заняты.
А я так одинок
под дверями
открытыми,
слаб стал.

Не страшит одиночество, смерть
и болезни.

Я готов ко всему как и прежде.

Но страшит безразличие
страшное,
безразличие жестокости каждого.

05.08.2013.

***

Мысли уходят
в пространство и там их заменяют
другие.

И хамство,
и злость,
и раздражение.
Желание убить человека,
который
меня чем-то обидел.

И строятся планы,
и замысел не наивен —
готовлюсь серьёзно,
но вдруг понимаю:
это не я.

Мысли чужие
вместо меня,
мысли недобрые,
я так не привык.
И убегаю обратно
в себя, и, как штык,
наготове всегда.
Счастлив становлюсь
ненадолго здесь я.
И снова тропинкой
меж кочками грязи,
тиной болот,
и гнилостный запах
жить не даёт,
и мысли сменяются
на такие же грязные,
злые,
коварные,
и вновь затягивают.

Я в них, как дома,
готовлю ножи,
топор подточил,
лопату и лом.
И горе вновь
готовлю недругам вскоре.
Прозреньё!
И я возвращаюсь назад
на просторы, где свежий ветер,
и небо, и Бог.
Но время проходит
и кто-то идет
плескаясь грязью
по болоту ко мне.
И, не содрогаясь,
с ним ухожу туда,
в злопространство.
Но понимаю,
меня тут ведут
существа, о которых
вспоминаю я вдруг.
Хитрой коварностью
бесов искушений
забылся, расслабился,
и с ними
в недобрый путь отторжений
и преступлений.
Как они водят мысли
людей,
как исподтишка
шепчут: убей!
Хорошо, что Господь
не оставил меня,
или тебя,
или его.

Мы дети Бога,
и нам нелегко
в этой борьбе
искушений на зло.
Учёба на воинство
в тяжких трудах
борьбы
с омерзением
не просто так...

05.08.2013.

***

Миропорядок
и мироустройство.
В нем государства,
их важность
и сложность,
а часто за фасадом
ложность...
И нравится страна
выборами.
А их поток движется
как сель с горы.
И покупают, и продают.
Людям обещают,
платят,
и воду льют, но
на свою мельницу,
где своё зерно,
свой хлеб,
а чужое пока
всем всё равно.
Бегают волонтеры,
суетятся фонды,
крутятся общества
помощи всем и всего,
даже бездомным.
Кое-что это даёт
безусловно.
Но самообман.
Деньги себе,
и деньги в рост.
А что та милостыня?
Костыль милосердия,
а себе — самолёт
и яхта отдельная.
Крохи со стола
богатых бедным.

А бездомные как были
так и остались в свете.
Люди продаются
на выборах резво.
Быстрый приход финансов,
которых хватает
на краюху хлеба.
А дальше — ложь
государства
продажного.
Его владыки купили
места важные.
А нехристи духов,
тех, что из бездны,
ползают по миру
гадами как и прежде.
Им поддаются,
и даже в довольстве:
становиться сильным,
смелым,
над остальными.
Себе в удовольствие.
И, кажется, головою
поднялся выше неба,
и тело в радости жизни.
Государство
и плебс его...
Миропорядок
в условно принятом
каком-то не нами
понятном,
но ими достигнутом.
В тюрьме и ГУЛАГе
тоже был порядок.
В концлагерях Германии
ещё больше.

Но мир неспособен
оценить себя
и посмотреть в большое
зеркало.
Он катится без руля,
с плохими тормозами,
часто без действия.
Государство и личность,
часто без совести,
без свободы
и без личности.
Личностями сегодня условно
называются
“великие”,
но они так низко пали,
что это вызывает смех.
Личность
приравняли к понятию
успех...
Ха-ха-ха!
Смеётся человек из-за
угла.
Бедный от безысходности
из себя...

05.08.2013.

***

Ледяные волны
бьются о корму
севшего на мель корабля.
Что?
Где?
Когда?
Такая судьба у моряка.
Корабль уже не спасти.
А Павел проповедует Христа.
Ему удалось
через две тысячи лет
до нас донести
свои слова.
Слова Павла живы.
Живы слова Христа.
Я читаю Книгу,
увы, не каждый день,
но прорываюсь к ней
помня слова,
Слово жизни
вечной и сильной.
Путь.
Путеводитель.
Карта.
Компас.
Сумка.
Посох.
По дороге всегда страдания.
Человеческие страсти и пороки
стали более извращенные
и утонченные
в своём нечеловеческом
сжигании.
Дней.
Месяцев.
Лет.
Жизни.

Огонь горит в нас
часто нечистый.
Копоть.
Гарь.
Вонь.
Чад.
Отравлены тела, души.
Как ад
пространство испуганно
смотрит на нас.
Где же укрыться
от тонн пороков?
Как научиться
страсти одеть в намордник?
Две тысячи лет
учёбы.
Сотни поколений.
Ещё бы!
Но мы не становимся лучше.
А слова Христа
проповедует Павел
в самой человеческой гуще.
Они звучат набатом
и громом.
Но страсти, пороки
рвут нас
на изломе.
И мы отдаёмся
их руслу течения.
Иногда что-то, где-то
защекочет чем-то,
но мы гоним
все эти ощущения.
Корабль на мели...

06.08.2013.

***

От салютов, гимнов, маршей
духом воспрял здесь каждый,
и, казалось,
по плечу
приказ любой.
Поколочу врага,
и помогу другому —
мне, что тюрьма, что терем
разницы не видно
чтобы очень.
А вечером —
столы, столы, столы.
На них —
еды, еды, еды,
и напитков — просто вволю.
Первый тост
всегда за долю,
что послала
нам с звезды
отца нации.
А ты — сиди.
Выпил, и язык бескостный
мелет, гонит, чрево точит,
а завтра, по похмелью,
дурака
за зад,
да в Междунорье.
Пока не пей.
Ешь, веселись и лей
другому —
пусть поболтает,
а потом зароем
по слову свежему
туда,
где отец нации всегда.
Там мавзолеей на три хода.

Для всех трёх лиц
согласоважных.
Они лежат
как стос бумажный,
и ничего их не берёт.
Уже по пять и десять
в каждом зале.
Оборот
какой-то фамилии читает:
Кучум, Кранчук, Юшко,
Митвин и Лющ...
Нам все равно.
Все на одно лицо,
и в дорогих авто.
Так и лежат в авто.
Такая мода, так пошло.
Уже сто сорок лет
страна живёт
как лисапет:
колеса, цепи и рули —
всё движется,
и все равны.
Особенно, в последний путь.
Мавзолеи можно строить всем
и дуть
в него
в своей земле.
И высятся они во всей красе.
С большими башнями, часами,
как Биг-Бен в Лондоне,
кругами.
И саркофаги,
и пирамиды.
Такая почесть всем,
кто хочет видеть
своих родных.

А бедный просто так лежит
в теплице бывшей,
или в душе,
в кабинке,
или сушке
на чердаке.
Так повелось,
так модно стало.
Все гуляют ночи напролёт,
и марши
продолжаются
страной.
Несётся музыка.
Порой я думаю,
что хорошо, что хорошо
так стало:
свобода всем!
Но всех осталось мало,
и азиаты
прут с вокзалов,
и клепают
мавзолеи,
саркофаги,
пирамиды,
а мы рады, рады...

06.08.2013.

***

В Организации Объединённых Наций
со всего мира

на съезд
собрались

ТРУБЫ

металлургических комбинатов,
химических заводов,
теплоэлектростанций,
выхлопные автомобильные.

Но к ним никто не вышел.

ООН в страхе разбежалась,
а Америка поразъезжалась
кто куда.

Ревели автомобили
без труб выхлопных,
рычали автобусы.

Паника.

Крик
о помощи всем ото всех,
но никто никого
не слышал совсем.

Заводы и комбинаты
дымили.

Дым стелился по тротуарам,
и многие отравились.

А авто рычали
как угорелые.

А авто рычали
как угорелые
и мчали, мчали
куда-то на север,
на юг,
на восток
и на запад.

Смешалось всё вдруг.

Кто-то плакал
сидя в самолёте
перед экраном телевизора.
А трубы избрали совет
и пошли в Киот, —
или Киото? —
им посоветовал кто-то
и что-то.
Через Тихий океан,
проходя немного стран,
трубы вышли к островам,
а Япония к ним.
Гам:
— Дам!
— Не да!
Фотосессии и портреты...
Трубы устали
от пустоты этой.
Трубы просили
подписаться
всем миром
о сокращении огня
и дымовых выбросов.
Трубы устали
от перегрева.
Задыхаются в копоты,
прогорают,
и по ним дыры и трещины.
Но Япония
в шоке улыбалась.
Трубы пошли в Азию дальше
по континентальному Китаю,
а те рассерчали
и часть труб танками
и ракетами расстреляли.
Трубы ушли по Индийскому океану
в Антарктиду,
в вечный холод,

израненные,
но счастливы.
А по Земле стелился дым,
грохот,
рѐв
машин.
Заводы получали
новые заказы,
но вновь изготовленные
трубы
под покровом ночи
убегали.

06.08.2013.

***

Сегодня ночью
всё свершилось.
Меня тайно
хватали
серпом и молотом
в затылок.
Потом я целовал
звезду
в эмали,
красную.
И имя моё произносили вслух
пятнадцать раз,
чтоб не затух
наш свет в ночи
о цели жизни.
Партия великая отчизны,
в подполье верные сыны:
поэты, инженеры, пацаны
учат коммунизм
по книгам,
а те, кто официально
идеи тырит,
то для отвлечения
людей,
а настоящие коммунисты
ищут цель,
куда и врежут наконец,
как в Петрограде.
— Эта вещь от старых ленинцев
тебе, —
и дали книгу мне
с цитатами вождя Китая.
Я было зашатался
их читая —
ведь коммунисты их
родились позже,
а здесь открыли тайну.

Рожа какая-то
в косынке синей-синей.
Ленин учился в школе
ещё той, китайской
коммуне ихней.
И то же тайное
и явное не пляшут
ни по фамилиям,
и не по датам.
Потом я клялся
честью, совестью, эпохой,
повесил орден
на ремень за попой
и вышел
в ночь туманную
и в осень.
С билетом красным,
вождями на обложке — фото.
Не Ленин там,
а наш сегодня главный,
и Ахметка, и зять Кучума.
Сильно разболелась голова.
Я бахнул пирамидон
и цитрамона два,
но мысли рвали
всё нутро.
А рядом бомж лежал
в черном пальто.
И я лёг,
прижавшись к телу.
Он обнял меня
и прошептал еле-еле:
— Товарищ!
Я на задании сегодня.
Готовлю карту баррикад
и строю
частичку плана
для ревкома,

а ты поспи, сынок,
немного.
Потом пойдём пить чай
и жечь газеты
коммунистов-выворотней,
тех, что сегодня,
считай, официальный
на себя берут удар,
не зная ничего о нас.
Мы играем ими
который раз,
и так успешно, что Петя
верит в свой
профиль и анфас.

06.08.2013.

***

Мощным ударом руки
с молотком
по шляпке гвоздя
блестящего,
пришивающего
доску как стрелой
к балке навечно.

Нет!

Не навечно:

счет пошел

на секунды,

минуты,

часы,

дни,

месяцы,

годы.

Гвоздь покрывается
медленно ржавчиной,
а доска стареет, темнеет,
и годы, годы
пройдут так быстро...

Гвоздь, которому
вверена крепость дома,
и бывший когда-то
стальным, чистым,
превратится
в ржавчину-пыль,
и доска станет трухой.

Вечность, к сожалению,
не для них,

и слышен их крик:

— Скрип! Скрип! Скрип!

Под ногами
доска шатается,
прогибается.
Раны в теле её
чревоточные.
Сколько врагов
незаметных!
Но точат.
Грибки и плесень
съедают крепость.
И вот костёр горит
как вечность,
и в нём доска и гвоздь
с такими же,
от жара пламени
смешаются
с золой.
Её просеют перед
тем как высыпать
в саду,
а гвоздь с друзьями
искорежённый, кривой,
и ржавчиной источенный
пойдёт куда-нибудь в мартен,
в лучшем случае,
а нет,
тогда на свалку...
Стальной блестящий гвоздь
стрелой врывается опять
в доску и пришивает
её к балке.
Я рад сейчас,
но и грущу
о старом доме.

Да, будет новый.
И гвоздь навеки
удержит крепость.
Но нет!
Пошли секунды,
вот уже минута...
И слышны удары
молотка...
А кому-то скука, скука...

08.08.2013.

***

Город пал
не от мин, гранат,
не от гула канонад
пушек крупного калибра
и войск на танках и машинах,
город пал от пошлых нравов,
примитива всех желаний
его жильцов,
что наводнили улицы
жутчайшим негативом.
Сварганили хоромы-терема
из камня и бетона —
камин, труба...
Но мечтанья
исполнены наполовину:
вторая половина —
машина,
а к ней
вещей, аксессуаров
должно быть много.
От ударов этих
город сползал
в низины.
Крепкий,
сильный и красивый
пал от страсти примитивной,
даже ниже
всех инстинктов.
Страсть иметь —
нет страсти выше.
Страсть иметь
все блага,
и вещи, вещи —
от часов до керегаза
и во многократ
побольше,
чем в других.

Инстинкты тоньше.
Там еда и размножение,
чуть тепла.
В изнеможении
сон после работы.
Страсти сила
в оборотах,
где сгорает
дух чистейший.
А питает страсть
быстрейший
путь к так
званому успеху.
Город пал.
Хоть стоит, растет,
но его нету.
Он оставил лишь
декор
и бутафорию
спектаклей.
Город был,
стонал и плакал.
А кто слышал?
Некогда было
за гонкой
хапать.

09.08.2013.

***

Каждый считает себя
умнее другого.
отсюда извечное горе
тянется
по миру
как чёрные горы.
Гор тех не видно,
но результат —
горы могил
в войнах
и так,
когда пистолет или нож
из-за угла.
Часто от зависти,
что закрыла глаза
и разум в потемках
и лишь только зло.
У него всего много,
а я как падло
на этом празднике
под названием жизнь.
— Я его сделаю!
Ну как не согрешишь?
Но грех мой — от горя.
Так думают многие.
И слепые глаза,
и чёрные горы
чёрного зла.
Отцы и дети.
Проблема старая.
Устои сгорели,
свобода разбавила
ту грязную нечисть
из самого дна.

И отцы стали в ненависти
от детей,
и до тла
сгорает любовь
и Божий закон.
И ослеплённые злом —
на отца,
и с ножом.
А в храмах
звонят
вновь колокола,
служба идёт.
И так будет всегда.
И отпевают ушедших от нас
в чёрные горы
мрака
лишь просто за так.
За зависть,
за деньги,
за жену, что чужая,
за имущество
побитое молью.
Страдая,
каждый считает
умнее себя.
А ум тот
с гор чёрных,
от зла...

10.08.2013.

***

На правду поднять
может руку
лишь вор.
Но воров стало много,
можно считать
каждый второй.
И правду обидеть
о как легко!
А правда не может
одна ничего,
и защитников её
стало мало давно.
Правда для многих
как окно в вышине,
с которого видно
нечестных, их зло.
Правда открыла
их внутренний вид.
А внешний такой же
как у всех людей,
бывает и внешне
зверь
из зверей.
И правду обидеть
стало легко:
рявкнуть, ударить
и скрыть своим злом.
Правда стенает
в страданиях, слезах.
Защитники
бьются за её
лишь один
честный взгляд.

...Эпоха неправды,
эпоха без правды,
эпоха войны
против правды.
И мало таких
отдающих всё,
и свою даже жизнь
лишь за правды
взгляд
на эпоху неправд.

10.08.2013.

***

Под лунным туманом
на песке с серебром
у кромки моря
мы с тобою вдвоем.
И волна набегают
тихим шорохом
к нам,
и тела омывает,
и стекает слеза
как вода в серебре.
Привкус соли
и радость сердца
волною
от меня
и к тебе,
от тебя
и ко мне.
А лунный туман
серебром по ночи.
А лунный туман
красит море,
и спит
стая чаек
на пирсе.
А волна шелестит...
Мой
тихий крик
от восторга в душе,
и к тебе, и к тебе
сердце тянется вновь.
Любовь...

10.08.2013.

***

Хорошо осталась память.
Мои мысли чаще в прошлом.
Там мне комфортно
от сегодня.
Но не в режиме строя,
не в государстве,
что было большое,
а в детстве,
юности.
Порою всё достаёт,
но я не ною,
а улетаю птицей
по дорогам памяти
огромной
в расстояниях больших
и сложных.
Я ищу там уголок
с теплом.
Я вспоминаю всех
с кем было хорошо.
И перед всеми виноват
был я.
Ценил, когда терял.
Моя, моя,
шептал влюблённо,
но наступало время
новой,
казалось
лучше той,
любви.
А мысли птицей
перелётной,
уставшей, но свободной,
уносятся туда, где
мне горит огонь,
где было новым всё,

но конь
пристрелен был в бегу,
загнанный конь,
белый, в яблоках,
остался там, в саду,
где дымка, белый цвет
весны,
и зелень первая травы,
и мне так мало лет ещё...
А я казался взрослым,
и спешил, спешил.
Сегодня всё так сложно,
много ещё сил,
а приложить их...

10.08.2013.

***

Типа ищет милиция
и не ищут пожарные,
не ищет семья
и торговцы базарные,
не ищет судья,
и не ищут врачи
бежавшего
из-под браслета
ментовской вохры.
Вчера ещё днём
на носилках возили
с рожей страшнее гориллы
ректора самой суровой
бурсы
Петю Мельника
с Ирпенской налоговой.
А подожди!
Не ищет налоговая
и её, блин, менты,
пропавшего босса
за взятки.
Ух ты!
А если спустили носилки
в Ирпень реку
и она погнала тело
в трубу?
А если сожгли
в крематории вдруг,
чтобы концы
опустить с пеплом?
Фу!

Морозом по коже
в судьи,
и озноб.
Икает и трусится,
может, и пьет
то корвалол с демидролом,
то водку с пивом.
Во, бля, дела!
Куда же подели тело
вождя?
Налоговые органы —
дым без огня.
И это их служба
и работа в тени.
Не мог сам же ректор
в носилках идти,
а даже в тележке
сидячий больной.
Штаны расстегнул,
а там шрам под ногой.
И что было резать
в паху
в день суда?
Врачей, сука,
к стенке!
А ну-ка, сюда!
Я не шучу,
но дрожу
день второй.
Ведь был человек,
пусть скотина
с горой денег натыренных,

но вам же, бля,
стыдно!
Быдло-пацаны,
пропал босс-барыга
ректор,
а вы пьете пиво
и жрете!
А тело пропало,
сгорело, плывет,
а, может,
в канализации
ректор гниет?
И мысли страшные
опутали страну.
Пусть, бля, скотина,
но жаль семью —
сколько богатства
не успел он списать
на близких своих.
Е-моё, мать!
Ищет милиция,
типа, со вчера...
Молчат прокуроры...
И положил на всё
это судья...
А страна не спит.
Тяжко дышит
и сопит,
и ждёт конца
спектакля.
А ректор
вынырнет
как в полыньи что-то...

Но не здесь,
и не сейчас.
— Твою ё мать!
Хватит, типа,
искать!

10.08.2013.

***

Суразы, несуразы,
несуразица
по базе,
а по надстройке
цирк с козлом
с облезлой шерстью
и одним всего рогом.
И ноги старые,
кривые, без копыт,
хвост облез и еле сам висит,
а тут, бля, ещё цирк...
А где же общества
охраны, ну, людей, —
животных жаль,
а люди то важней.
Мента ГАИ
судили с утречка
в Винницкой губернии
сам предсоветкапсуда.
Мент взятку взял
и улетел с поста.
А тут такая красота!
Судья признал
и объявил:
не грех!
Деньги упали в руку
сами.
И не виноват мент.
А камеры писали
момент взятки зря.
Камеры судья
пофиговал.
Нельзя!
А если в руки менту
прыгнет ком дерьма?
А если вместо чая
в чашке, блин, моча?

А если судье
вместо приговора
в руки дадут
в дерьме замазанные
д-о-л-л-а-р-ы?
Возьмёт и не дрогнет,
отмоется фокусник.
А цирк продолжается
с телом Петра
ректора сгинувшего
уже навсегда.
Скорее убили,
и в воду концы.
Горе какое...
Страна, объявляй траур,
и хоть три дня не смей!

10.08.2013.

***

Траур идёт, шагает
по стране
по сбежавшему
из под ментовской стражи
ректору Ирпенской
налоговой академии
Петру Мельнику
и по тебе, народ.
И по тебе!
За то, что ты взрастил
всю эту гадость,
помог им влезть
себе на спину
и грабить, грабить, грабить.
И врать с утра до вечера
всю жизнь.
А ты-то к синим,
то к помаранчевым
опять бежишь.
Вдруг, из-под земли
и третья сила:
всякие тигипки,
и ты, счастливый,
сбываешь голоса,
а он уходит
к синим навсегда.
И ты в цветах этих,
певичках, футболистах,
ты в пьянстве, лени,
не там ищешь.
Ты ищешь хама
и хамло,
ты ищешь силу
и падло,
и попадаешь в точку
мимо.

Мимо своей судьбы
счастливой,
мимо Украины,
мимо детей
и внуков.
Ты попадаешь в
точку сук и
их сынов сучьих
и алчных.
Ты веришь злу,
которое они несут,
его ты принимаешь за любовь.
Награбив и имея всё,
они и храмы строят ещё,
и хоть называют их
именами всех святых,
но подразумевают
имя своё на них.
И храм с украденных
кровей!
Когда так было на Руси?
Поверь!
Тебя имеют за скота,
скорее, даже ниже,
а ты — за.
Да! Да!
И бюллетень несёшь снова
туда.
А нужно — в мусор,
навсегда.
И урны пусть стоят
пустые.
Что?
Говорите, надоело,
нету сил уже?
То право,
а то лево.

А цирк терпеть,
и кости своих предков
позорить
такою гнусной
жизнью смердов?
А траур набирает обороты.
Уже в России
люди грустные чего-то,
и Азия, и Беларусь.
Европа флаги приспустила
вдруг.
Ей стыдно за себя,
двойную.
Фасад и внутренняя часть.
Фигую я лишь этот траур.
Что мне тот академик,
звания укравший,
и академия сатраповских амбиций!
Позор!
И гадость!
Для всех нас
и ихней грязной,
и уже дырявой, “крыши”.

11.08.2013.

***

Приказ балды
от балды.
Но не спеши
балда побалдеть
над несчастным балдой
и балдами
тобой
превращённых в таких же
как ты.
Все балды.
От балды
до балды
так мало пути.
От балды до башки
больше пути.
Но Азия там,
и халат, тюрбан,
тюбетейка,
чайхан
измученных солнцем.
Но только
там бай
красный, от Ленина.
Ещё б самурай...
Но он там не сможет.
В нём — честь.
Открывай,
и пошло, покатилося
в Европу,
бишь, к нам.
Балда до балды
к несчастным панам.
А тут — ты.
Халат и тюрбан
по базару, и там,
где деньги лежат
про запас.

А запас — на тысячу лет.
Просто так,
чтоб согреть
остаток души
как окурок в пути
в пыли придорожной.
Иди!
Ты иди!
Азия.
Евразия.
Смешались культуры,
нет, бескультурье.
Культуры остались
в избранных,
тут и там.
А так, пополам,
хан и хам,
наездник “крутой”,
бьющий в упор
мотлох людской —
так думает он.
И льёт кровь рекой.
Рычит мотор,
снова в поход.
Евразия...
Опа! Опа! И Европа
дверь открыла.
Покатили.
Покатила...
Наша удаль,
наша сила.
Там возьмём,
чего не взяли
все Османы и все ханы,
и хана балдам
с балды.

От винта! И от балды!
Ты иди, иди, иди.
Старая,
но так красива,
и вкус, и цвет...
О, сладкая, предива!
Сказка наша падишаха,
и мечта Европы с НАТОй.
Потихоньку побалдеем,
балду включим —
забалдачим...

11.08.2013.

***

Худой,
с болезненным лицом.
Кожа да кости.
И на нём
костюмчик с юности далёкой.
Сгорбленный,
хоть молодой ещё.
Учитель физики и математики
из бывшей школы.
В обуви потёртой, рваной,
бредёт, преодолая немощь,
на бензозаправку мусор убирать.
А дома дети
мал мала,
измучена жизнью жена,
хоть ещё и молода.
Но нищета кругом,
и в доме, и во дворе,
лишь скромный огород
да мизерный доход.
Заправка хозяину
тыщ пятнадцать “зелени”
в месяц даёт,
но рабочим хватит и сто.
На рынке трудовом
рабочей силы
некуда девать.
Облом страны,
полом в стране.
Колония своих же
братьев-хозяев,
корешей
когда-то по тюрьме.
Учитель безработный
убирает мусор.

Бензозаправка, автострада
и поток машин бегущих.
Учителю уже не убежать
от нищеты, депрессии,
болезней.
И молодым ещё ему
и умирать,
оставив тройку деток...

11.08.2013.

***

Сегодня ночью вновь
мне позвонил
расстроенный Обама.
Это уже неприлично —
прямо
среди ночи каждый раз.
Есть своя у него команда,
а я должен бесплатно
помогать им править.
Но очень уж Барак
просил.
И сдался я,
хоть нету уже сил
спасать ведущих
президентов мира —
тут свои задрали
проблемами.
И советы мои им —
всё мимо, мимо.
Обама, чуть не плача,
рассказал,
мол, в отпуск спешно
улетал,
и в спешке пса забыл,
ну, и заказал спецрейс —
военный самолёт.
Пса подбросили на остров, к Обаме,
(там он отдыхал),
а с ним мячи для гольфа,
клюшки.
Сегодня по Штатам
пресса жарит.

И что будет потом,
когда ещё детали
все узнают?
Я пообещал решить
вопрос.
Объясню я прессе,
что не ради пса
взлетел тот самолёт,
а были учения,
спецособенные,
закрытые, секретные,
где я тренировал
разведбойцов
для захвата
шельфа Ледовитого океана,
который Россия,
вернее, её Горбачев
и Ельцин прогуляли,
и отойдёт он США
следом за Аляской.
Потом Сибирь откупим
шоколадкой.
Обама рад был,
благодарил.
А я с женщиной красивой
ночь проводил,
и, бросив трубку,
взял шампанское опять.
А тут звонок,
и номер высветился:
Володя Путин, глядь,
в третьём часу ночи.

Я трубку отпихнул
ногой,
но баба, та ещё! —
нажала кнопку
и представилась
как секретарь.
Я матюкнулся, но трубку взял.
— Слушай, друг!
Спасай Россию!
Ополчились против неё
все черносилы,
вся рать антихриста
пошла с подполья.
Нас жмут,
мы как в войне теряем
своё поле жизни, Толя!
Рождаемость упала
до нельзя —
мильёнов три аборт
в год!
И это как война.
Секс,
алкоголь, наркотик-кайф.
Чиновники воры,
коррупционеры, бля!
Элита зажралась.
Её б менять.
Да на кого?
Где взять?
Страну теряем.
Помоги!
Всё опиши и расскажи.

Я увеличу тиражи,
может, дойдёт
кому-то хоть.
Россия деградирует,
как корабль
лежащий
на грязном дне.
Попса дешёвая,
газеты-врали,
журналы глянцевые
разжигают аморали,
порнуха,
жизнь красивая на шару.
Дети в школе
секса просят,
а математика, литература —
по барабану.
Очень ухайдокалась
страна за тридцать лет.
Писатели, художники
гонят пургу в услугу
черту.
Наука пала.
Литература пала.
Культура пала.
Всё запустилось не туда.
Мы тонем
в канализации
и при этом
победоносно кричим:
— Ура!
— Я помогу, Володя.
встанет Русь.

Я жизнь отдам
за воскрешение народов,
за правду,
что лежит в гнилой
утробе,
за совесть спрятанную
на чердаке.
Я отмолю своей поэзией
у Бога
не себе,
не семье,
а странам, что действительно
лежат
как потопленные
корабли на грязном дне.
И отключил я телефон.
Влил в себя бутылку водки,
оделся и ушел
на улицу
встречать рассвет.
Меня догнала
моя женщина,
красивая как свет,
и трубку вновь сует —
там наш главком,
и приглашает
к себе в дом,
на чай,
поговорить о том о сём.
— Вертолёт уже
к тебе, поэт, летит.
Я прыгнул в дверь,
чуть приоткрытую,
и винт взревел...

Главком
мне жаловался на Писькуна,
мол, трижды главный прокурор
оказался из дерьма —
просит убежища в Европе.
Позор, мол, для страны,
ведь мы и так все в попе...
И я ему сказал:
— Пусть остается тот шакал,
и пусть бегут другие
в Европу и США,
на Пикадилли,
и гадость нашу
пусть несут туда —
кроме денег,
вирус бандитизма, навсегда.
И пусть “элитка”
тает в мир,
а там она возрастет
таким грибком
коррупции,
убийств,
краж и проституции,
держись!
И сыр французский
сделают, как наш, с дерьма,
и “мерседесы” станут
“тракторами”.
Да.
Но главное не это.
Падёт мораль,
и человека растлят,
как растлевали здесь,

опустят в черный
черта век.
Поэтому гони их сам.
Ты ж православный.
Покажи дедам,
которые ушли в иной
уж мир,
что ты очистил землю.
Главком притих.
Достал бутылок пять
хорошей водки,
и пили мы её бокалами
под хруст огурцов, селёдку.
Но хмель не шёл.
Он становился
всё угрюмей.
Потом махнул рукой,
и прорычал
как зверь израненный:
— Ты прав!
А будь, что будет!
Я принимаю твой совет.
Рассею по миру
нашу “элитку”,
и включу им навечно
красный свет!

13.08.2013.

***

Сегодня какой-то
великий праздник
у киевлян.
Оркестры духовые
играют победные марши
по улицам и площадям.
На майдане вновь трибуна,
на неё влезло правительство,
и, губы
надув сверхважно,
говорит о победах
в строительстве мостов, дорог,
жилья
и поэтажно показывают
всем дома.
Бомжей украсили
“кульками”-
из полиэтилена синими
жилетами —
и дали по сумке снеди,
а к ней — пиво.
Бомжи стоят, кричат
счастливо,
но лица черно-синие
их выдают
все равно.
Россия представителей
прислала
уже давно —
дней пять они сидят
тоже на трибуне,
едят все сало в шоколаде.
Хитрец раздаёт его лет сто
здесь не случайно:
он в мэры метит —
всех “котлетить”,
как до него и после тоже...

А напротив сцена
и попса там трали-вали
за деньги, ох немалые,
изгаляется вся до трусов,
и воет, воет,
как стая ночью по деревне
псов.
А оркестры бьют
в литавры —
марши, марши
уже задрали.
Столько шума, гама, помпы!
И, вдруг, главный
наш смотрящий,
его замы
и глядящий
по биноклю
в Киев-град,
вытерев с губ жир и шоколад,
хором речь читали
складно
о достижениях всех
важных.
О населении, что
под контролем,
и все живут, и всем довольны.
И суд конституционный
принял важный шаг —
город Киев переименовать
в Нью-Донец-К,
где от старого названия
столицы
осталась буква “К”
в конце,
и буква та — большая,
в честь города великого
и его славы.

И снова выла громко
попса на сцене,
музыка неслась городом
как какофония
суммарных действий,
а люди пили, ели,
целовались.
Населения ещё много
здесь осталось,
считай, тысяч тридцать
на Нью-Донец-К,
а остальные —
в Киеве том, прежнем,
на старых,
поблекших фотографиях...

14.08.2013.

***

Мне позвонил сегодня
наш главкововерх:
— Привет тебе, поэт!
Собрались мы тут,
весь квартет:
три бывших верх —
сегодня низ,
и всё у них дрожит, —
и я.
Тверда моя рука.
Они — дрожат.
Ведь коммунисты все,
и помнят слова из песни те:
“час расплаты настал”.
Вот и не спят
по ночам,
бывает днем, чуток.
Говорят на
разных языках:
Супченко английским
шпарит
за просто так,
потом на мову переходит,
но быстро
вновь на английский переходит.
В его мозгах,
как и во всех,
что-то не так.
А я держусь,
рулю.
Хочу с тобой поговорить
я вот о чём.

Ни эти бывшие,
ни Конституционный суд,
ни свита моя
вслух
не говорят
о нашем строе.
А я допытываюсь всё:
что мы построили
за двадцать с лишним лет?
Скажи, поэт.
— Я не хочу обидеть Вас,
но построен
(это новое, пока,
по миру)
Симбиоз Атас
из бывших
коммунистов-идеологов
как правило,
и, близко к ним
примкнувших комсомольцев,
не лучшей части
силовой
(в виду имею прокурорских,
ментов и КГБ,
а также бандитов
из СССР и молодых,
сегодняшних,
из везде)
плюс суд
и сонм
бездушных и жестоких
свор,
еще советники из
западовостока.

И эта система
одноока,
однорука,
однонога,
многорота,
многокарманна,
многодомна,
многосчетна
и богата для верхов.
А руки искусственные,
роботы рысачат, —
свои они порвали,
поломали,
когда гребли, хапали.
Это не есть социализм.
Это не есть капитализм.
Это не есть феодализм.
Это махровый дебилизм,
где рабство,
блядство,
страх и жлобство,
где алчность, кровь
и крохоборство.
Где вся культура
в туалетной лишь бумаге,
заместо газет советских,
и дезодоранты в туалете.
Где наука только
фундаменты дворцов
и крыши их.
Где литература
воспевание лишь подлецов
и косноязычность.

Где милосердие
в отдельных лишь монахов.
А всё остальное —
ВОР и ХАПОХАПОТЬ —
это новый вид людской
возросший
за те вот
двадцать с лишним лет.
И хапохапоть
в большинстве.
Отсюда строй —
Симбиоз Атас,
поверьте мне.
Главком молчал,
дышал, хрипел.
Потом орал
на бывших,
но всегда у дел
по хапохапанью.
А мне сказал лишь:
— Ты гений.
И с меня тебе
вышайшая звезда...

14.08.2013.

***

Громом и молнией
в ледниках заснеженных
через скалы могучие
камней вечных.

Громом и молнией
сквозь бураны
снегов сплошных
в небесах рваных
без Луны и Солнца
то ли днём,
то ли ночью.

Громом и молнией
в местах необитаемых,
на первый взгляд,
молния освещает
лики людские
в спокойствии закаменевшем,
и только глаза
выдают их
собранным
за тысячелетия
светом.

В них тепла неизмеренного
столько, что молния
входит в смущение,
а гром радостно
раскатами громкими
приветствует.

Животные прячутся
в пещерах каменных,
пережидая непогоду,
и птицы как памятники
застывшие в гнездах.

По жизни облачной
громом и молнией
я пробиваюсь
в мир грешный.
Там и останусь.
От любви к земному,
с душой
ненасытившейся,
я возвращаюсь
из мира
другого.
Вы слышите?
Громом и молнией
меня отпустили,
и я с радостью
к своим людям
земным
и так мною любимым...

16.08.2013.

***

В скользящих потоках
ветра
птица одиноко
плывет в вечер
неба багрового
на далеком западе,
а я бегу следом,
пытаясь догнать её.
Ветер тёплым
дыханием
мне помогает,
и спина как парус
его принимает.
Глаза прикрытые
от пыли дорожной.
Горячий песок
обжигает ноги.
День к вечеру.
А вечер к ночи.
Короткой, летней,
но в новолуние тёмной.
Меня не страшит
темень.
Меня не страшит дорога
и ветер.
Я похож на эту птицу,
парящую под облаками,
и её только вижу.
Редкие взмахи
крыльев огромных,
а так, в спокойном
парении
небесным морем.

И я бегу,
содрогаясь,
вдруг лес
мне помешает,
или река,
или трамвай
бегущего города,
где небо закрыто.
Но птица будто бы
чувствует
и замедляет взмах крыльев,
и как будто шепчет
мне в порывах ветра:
— Я с тобой буду
до рассвета...

16.08.2013.

***

Тихим шепотом
на совещании закрытом
общаются личности
за большим корытом.
В него подсыпают
и кладут с подносов
люди в черном
и люди без носа.
Корыто полное
и не убывает
золото,
драгоценные камни,
платина, серебро
и твёрдая валюта
вперемешку
с мясом,
рыбой,
мёдом,
шоколадом,
овощами
и фруктами.
Все берут руками,
и ощущение такое,
что карманы бездонные,
а желудки ангары
бомбардировщиков
с ядерными бомбами.
Говорят о мироустройстве,
о спасении народов
от глобального климата
и отходов углеводородов.

Говорят о правительствах
стран мира
и пишут в блокнотах
кого хвалить,
а кого предупредить
или сменить.
Я тихо в уголочке дальнем
не выдержал
и золотце слямзил.
Потом осмелел,
и потянулся за камнями.
Кто-то дал по руке,
но один камень оставил —
гранитную глыбу
тонн на двести.
Я сидел, кушал рыбу,
и взял доллары
в пачках тугих —
новые, чистые.
Положил в карманы,
а они выпирают
и их видно.
Я взял ещё,
и засунул за рубашку.
В это время зашел
бандит в тельняшке,
весь в татуировках,
и зубы золотые.
В руке сигара
и часы непростые.
Он оказался наш
до боли,

хоть живёт в США
уже лет десять
иди даже более.
И сел рядом.
Взгляд хмурый.
— Кто такой?
И я начал прятаться
в стуле,
как муравей
в трещинку дерева,
но он взял за волосы
и вытащил полностью.
А в это время
шепот нарастал.
Кто эти люди?
Где я?
И как сюда попал?
Штатовский, или наш бывший,
пацан конкретный,
посмотрел на моё лицо
и улыбнулся приветливо.
— Бери, бери!
Ты же из народа!
Простой парень.
И мы тебя взяли,
понимаешь, уroda,
чтобы нам
не высказывали,
что всё лишь себе.
Бери, бери!
Но гранитную глыбу
тащить тебе
на памятник героям
страны вашей,

которые вырастут
и погибнут,
а ты, глядишь,
к этому времени
и гранит притащишь.
— А денег ещё можно?
— Бери. Не жалко.
Скоро конец
совещания
тайного правительства
мироупадка...

17.08.2013.

***

На Балканах вновь спокойно
и Османов нет.

Пристойно
стало даже и отлично
как в Европе,
симпатично так и тихо.

Бутики, кафе
открыто,
круассаны по утрам.

А нас трясет,
и треск по швам.

Нитки лезут, рвутся
с тканью,
кожей

и мозгами
ранью утренней,
осенней.

Первый дым туманов сеет
первый дождь грибной
в аллее,

где нет памятников ещё,
хоть гений здесь
каждый второй.

Гений
пишет,

лечит,
правит.

Гений музыку играет,
и поет на сцене поп.

Гений, гений.

Антрекот съедает с шумом,
пьет шампанское с изюмом,
и с экрана не вылазит.

Гений любит деньги, славу.

Гений наш,
не ихний гений.

Наш активный:
сам на сцену,
к микрофону, говорить,
и учить как нужно жить.
Гениев полна страна.
Туалетов нет пока,
и нужда по подворотням,
в парках, скверах,
коридорах.
Грязь на улицах всегда.
И деревьям всем труба —
режут, пилят
как с ума
посходила генийва.
Не остановить напор
генийства
и генотбор
всех своих
в универы,
в Академии —
там дележ должностей
для гениальных
отпрыскген,
а простые — на картошке,
моют лестницы немножко,
солят огурцы к зиме,
пишут книги
о фигне,
что закрыла небо всем,
что забрала всё совсем,
что убивает нас, простых.
А гений что-то
вновь кричит
на фуршете,
в телепризме
о культуре,
фонаризме,

новом направлении
поэтов
и писателей об этом.
Премии, медали, ордена,
только гении гребут.
Всё взял гений
в оборот.
И счастливый,
сыт и важен,
при деньгах,
машинах каждый.
Во, блин, гениев
речистых
жизнь счастливая ласкает.
А в Европе не такая
жизнь для гениев
тамошних.
Их там мало,
и не очень.
В нас по три в ряду стоят,
а рядов тех, как опять
в осень,
и грибов всех
не собрать.
Да ерунда.
А простым и так не плохо.
Они жизнь живут особо
от гениальных мудрецов.
И спокойней.
И остов не нужно
чистить,
рыло
сунуть в телевизор.
Так спокойней.
Но так хочется
в гении!

Туда, к ним,
на оленях,
лисапете,
самокате
и бегом, бегом,
и махом
поймать всё,
что и они!
Гений наш, ты нас,
простых, к себе
хоть на часок допусти...
ТЬфу! Тьфу! Тьфу! —
через левое плечо.
Куда меня вновь
к ночи занесло!

17.08.2013.

***

Вроде бы быстро
я собираюсь,
но выхожу всегда поздно
и с опозданием.
С трудом успеваю
в последний вагон
поезда скорого.
А вот и попутчики
по вагону летящему.
Стуки на стыках рельс,
и города уходящие,
мосты и реки
под нами,
сверху небо,
и часто с тёмными облаками.
Поезд бежит,
и редкие остановки.
Жизнь спешит,
вот и очередной полустанок.
И я не ловкий,
я не спортсмен,
не храбрый политик
у власти
с сотней чертей за спиной,
и мне нелегко
вновь целину пахать,
и мне нелегко
пни корчевать,
а дети просят хлеба
и каждый день.

А снег и дождь
от неба
не тогда, когда он нужен.
И порой
я опускаю руки,
и порой бреду
сжав челюсти и зубы,
и порой мне жить
не хочется никак.
Но знаю я —
это пройдёт,
я просто — слабак.
И вновь последний
мне вагон.
А проводник выталкивает
меня ногой,
а поезд набирает скорость,
и я вишу на поручнях,
и ноги уносит
ветром со ступеней,
а проводник бьёт по рукам,
и денег нету
на билет.
Но я вгрызаюсь
в железо —
в вагоне много
пустых мест.
И вновь стучат колёса
на стыках,
и города остаются сзади,
и река
снова под вагоном

вся в свете
серебряном луны,
и тусклый свет вагона...
— Выходи! —
мне снова рык,
уже вохры.
И я иду под стволами,
а как мне не идти?
И снова тот же
всё барак.
В нём дед мой был,
отец,
и я не раз.
И учим Конституцию
уже в четвёртый раз.
А названия страны
не помню...
Или я нарываюсь,
недостойный?
Но мне опять судьба
бросает желтый лист,
и я свободен в осень
под оголтелый свист
бегущих поездов.
Мне сигналият,
а я всё мечтаю
зацепиться за вагон.
А, может, ехать
мне уже не нужно?
Спросить бы название
страны
и который сейчас год.

Но я стою один,
а рельсы стонут
от бегущих поездов...
Всегда
последний мой вагон.
Вот только
что опять ушёл...

17.07.2013.

***

Каждый сапожник
и каждый портной,
мент и блатной,
чиновник борзой —
все у нас политики
по восходящей.
Гурьбой и колоннами
на выборы
всеобещающими
и всепрощающими,
продающимися
и покупающимися.
Политики все
видят себя
президентами,
гетманами
и премьерами.
Все спасители
страны и народа.
Так идите
в Министерство чрезвычайных
ситуаций
работать в горах
и на водах,
в шахтах
и на химических заводах.
Спасайте и радуйтесь.
Растите в погонах
и орденах хоть до тонны
на каждую грудь.
Но лезут наверх
спасать.
И так прут!
А там — спрут.

И пута, и путаница,
путана и путенение,
и путь в беспутье,
и душевное оглушение,
и сердцестояние
в жестокости кармы.
Там экстрасенсы,
ясновидящие
и пасторы.
Там танцы-вакханалии,
и новые праздники.
Там юбилеи, похороны
и оккупанты.
А снизу новые,
в основном блатные,
в том и другом смысле слова —
лихие.
Прут, напирают,
и оттирают, снимают,
рвут, разрывают
и забирают.
Правда, Витьки?
Правда, Лёньки?
Полярная разница
для дураков и девчонки,
что плачет
и мажет помадой доллары —
могло быть больше,
но она спешила
жить в этом городе.
Спасители и спасатели.
Их много.
А что за народ такой,
что всё время нужна
от проходимцев подмога?

А народ спит
сном сомнамбулы.
Спит сном
картин Дали
и видит бесплатные
арбузы,
жильё,
еду,
машину,
бабу,
мужчину,
одежду
и танцы.
Детей не нужно.
С ними заботы.
И они сегодня засранцы —
не уважают родителей.
Об этом просил
мэр Чертовецкий,
бежавший в сторону
восходящего солнца
голову себе сорвавши.
Спасители.
SOS!
SOS!
SOS!
Все радиостанции
гонят в полный рост.
Мир слышит
и не принимает.
Периферия, окраина
сама себя
ищет
и сама себя
убивает...

А где мудрецы?
А где мыслители?
Их не слышно.
Одни путеводители...
SOS!
Только и слышно
в полный рост:
SOS!

17.08.2013.

***

Резкий, с пылью, ветер
и далёкий сиплый свист.
И музыка во мне стоит
застывшей нотой
на часы.

Кажется, вот-вот,
и ты польёшься,
взрывая душу мою
звуками уходящего лета.

Но ты стоишь,
остановившись где-то,
и только ветер

гонит пыль
и листья жёлтые,
и дым костра
с реки,

где рыбаки
готовят ужин.

— Мужики,
к огню-то можно?

— Садись.

И, взглядом осторожно
меня измерив,
протянули ломоть хлеба.

— Ты, это...

Подожди чуток.

Сейчас уха
будет, браток.

Но я сказал:

— Спасибо.

Грыз хлеб
вкуснящий,
и счастливо

слушал

опять слова

и звуки музыки

пошедших снова
через меня в реку,
а дальше —
к небу.
Благодарю.
Иду и шепотом пою
мелодию свою.
На меня удивлённо
поглядывал прохожий,
смотрели птицы,
подпевая.
А я шёл в вечер
конца лета,
что в осень медленно
сползает
умиляя...

22.08.2013.

***

Отрываясь
оторванной рванью
из раннего часа
мира нирваны,
кажущимся пьяным,
а так — тоже рваным
на части-страны,
и части, что бедны,
и части богаты.
А по ним внутри
рваные нити,
как пауки
тянут свою паутину,
надеясь поймать,
и ловят,
и жизнь там —
рутина.
Раздел по живому,
по телу,
мякине хлебной,
а корка — другому.
Рваные цели,
и раны без смысла,
но с грязной
ведь целью.
Только что дети
смеялись, игрались,
но уже трупы,
и никто не рыдает.
Родители тоже
рядом лежат
от рваной войны
оппозиция — власть.
И власть упадёт
перед натиском силы
огромных деньжищ,
а не тротила,

и даже не газов
и ядерных смерчей.
Деньги и деньги
войною,
как дирижер
над оркестром.
А небо тянет синь
к горизонту.
Но облаков белых
и солнца
не увидят
мертвые дети,
и не родят
их родители.
Смерти и смерти
требуется мир,
вернее те, кто над
миром кумир
и тайный начальник —
с головами банкиров
многоголовый змей.
Воды несут грязные
к морю
отходы заводов,
людские отходы,
и море бескрайнее
синее
становится грязным,
и рваные линии
здесь уже растворяются
напрочь.
Грязь побеждает
чистое.
Гладко и ярко
в речах и картинках
фото отчетных
на форумах мира.

А я отрываюсь,
и рвусь по живому
в разорванном мире
неправдой и ложью.
Границы рванья
стеною и проволокой,
и душами жуткими
с бравадой и громкостью
грязных делишек
и дел невпроворот.
И мертвые дети.
И смех в кабинете
во весь
вычищенно-вымытый,
но все-таки страшный
нелюдской рот.

22.08.2013.

***

Горящее солнце
в раскалённом пространстве.
Пустыня, пески,
пирамиды,
и мумии искать
на тысячу лет ещё хватит.
Море людское
стирает друг друга следы,
и лозунги счастья,
и крови, как и воды,
в революции быстрой
арабской весны.
Запах свободы
как запах цветов,
надежда и радость.
Но пало всё вновь.
И снова толпа,
но уже на толпу,
и крови слилось
на песок и траву...
И люди с людьми
в огне из стволов.
Вмешательство снова
из стран-докторов:
вливание денег
и стволов, и стволов.
Цивилизации древней
тысячи лет,
но почему так глупы
дети их теперь?
Разделились внутри,
и брат брату — стволы,
и брат брату — крови.
В революциях “Пли!”
звучит чаще “Ура!”.

Революция сегодня
стала не та —
она ухом во вне,
и стволом —
на тебя.
И бомбится народ
сам собою внутри,
и кровище плывёт
по стране,
где финты
“умных” дядек
со злом.
Миром править
хотят,
но собою — облом.
Из далёких глубин
человеческих бурь,
где в сознании мрак,
а в подсознании бум
бесконечных терзаний
мерзкого “я”.
Им бы каторгой плавить
жестокость свою,
а они — мироправы
под чужую весну...

22.08.2013.

***

Антидруг.
Не случайно и не вдруг.
Из своей мерзкой засады,
без стрельбы и канонады
бьёт туда, где
очень тонко,
где и так проблемы,
сложно.
И он бьёт, смеясь,
и в радость.
Но тот смех с золой
не сладок,
с горьким привкусом
беды.
Зло несёт он.
Погоди!
Я не так простой,
как внешне.
Во мне сила,
и успешно устою
с молитвой ранней,
устою с молитвой
данной
мне извыше.
А ты бей,
не жалея огня
лихого,
не жалея себя,
себя родного.
Бей смеясь,
неси усладу
главному над нечистью.
Отрадой
твоя служба
в мире этом.

Антидруг, но друг
ты этим,
что с тобою заодно,
друг друзей,
но вы — дерьмо
с вашим кругом
постстабильным,
где каждый видит
себя сильным
над больным
и сиротой,
над вдовой
и стариком.
Но та сила чисто
внешне.
Там всё рвётся,
и успешно узлы вяжут,
дыры шьют,
нитки мажут
в смоле.
Друг другу друг
там антидруг.
А под солнцем свет
с теплом
согревает всех,
и злом там трудно
побеждать.
И стою скала скалою
в круге избранных друзей.
Подлецов это
злит и раздражает,
они снова нападают.
Но им сдаться?
Не удастся
раздробить гранит и камень
под углом
наших зданий.
Всё освячено трудом.

Их борьба
ведь тоже труд
из зла и злости.
Бог не им нас
вверил.
Мы Его.
Антидруг.
Его крыло
в чёрной саже
из алмазов,
из золота клыки
и грабли,
и сдаётся ему алчный,
тоже злой,
и ненавистник.
Круг их — мрак,
и круг нечистый...

24.08.2013.

***

Мы мечемся в выборе пути.
То Восток, то Запад,
то есть Россия или Европа,
как та собака,
что потеряла
не только намордник,
но хозяина и свою хату.
Мы ищем где нам лучше
будет,
кто нас накормит,
спать уложит и разбудит.
Для Европы мы явно
дикари.
В Европе горды
своими достижениями.
Ясно.
Так потрудились
не напрасно.
Им не нужны нахлебники
никак.
Нужен холоуи и раб.
А так всё занято
давно своими.
А мы Европу
давим,
ставим гири
на весы наши
обманные всегда.
Кто лучше —
Европа,
Россия?
Господа, врут весы
наши всегда!
По ним не попасть
на шару никуда.

А нам нужна как раз
то шара,
где всё дурняк,
а труд лишь кое-как.
А вот украсть,
ещё дурнуть,
убить, забрать
из-за угла —
это мы можем,
господа.
Россия добрая
была всегда.
Сегодня Русь
другая.
Там нет халявы —
только для своих,
власти и чиновников.
А жизнь простого
человека
уже разболтана
ещё с ушедшего
вдаль века.
Но мы мастырим
весы свои опять,
и гири наши
выпилены так,
что вместо килограмма
в них грамм семьсот.
Мы так привыкли
на базаре
ставить счёт.
И это главный наш доход.
Но тянет нас
Запад и Восток.
Тянет Европа, вроде, больше,
из-за шары
виденной там нами.

Россия тянет,
и нам бы, вдруг, туда.
Но там кипит котел,
и вот-вот
рванет.
И что тогда?
И мы весы мастырим
и так и эдак,
и гири свои же тырим.
Оставь, чудака,
уже и взвесить нечем,
не класть же
нам мозги.
А гири ложат легче,
уже на половину веса.
Политики молчат,
боятся
сказать нам правду.
Братцы!
Что же там
показывают наши весы?!
Но поди-ка, найди
честный здесь взвес.
Правильные весы все украдены,
и только обвес
всех и всего
по стране
ой, давно.
И мы так привыкли,
что дурит нас
быдло
торговое в “бизнесе” и “политесе”
на стрёмных весах.

И вот вопрос:
в какой союз
нам вместе?
Весы все с недовесом
в стране,
и что они покажут
в этой возне?..

23.08.2013.

***

Мы независимость будто
получили.
Мы свободны!
Но нас поработила так
орда
из своего же народа,
украдено все, что можно
было.
И мы рабы,
и территория наша
стала ихней.
Так чьё же государство?
Символична,
как призрак, независимость
сегодня.
Международный валютный фонд
командует
и гонит свои планы для “элиты”.
Народ здесь шерсть и мясо
для их свиты.
И ищем мы союз
опять же новый.
Нам одним — никак.
Как в той столовой,
где нужно всем готовить
спозаранку.
А мы так разленились,
что утрянку
встречаем лёжа.
Обеды тоже.
А вечером все тот же,
блин, диван
или стадион
и клуб ночной.

Амбал
какой-то бьёт девчонку,
а защитить её
не может здесь никто,
и толку,
что есть силовики-амбалы.
Они сами бьют
кого попало.
Независимость есть
как праздник.
День только
один.
Бумажник легче
станет от выходного —
вот в этом и весь
кайф.
Но для кого-то
независимость
это что-то...

23.07.2013.

***

Шёл народ на праздник.
Мирная демонстрация людей.
Ехали возы,
к ним привязаны были коровы,
шли люди
больные и здоровые.
На тележках инвалиды,
в носилках несли лежачих,
видно было много их
таких.
Тащили груз на тележках
типа
кравчучка,
кучмовоз
и юшка,
между ними шли машины:
“мерседесы”,
“ситроены”
и другие.
Лак и хром блестел,
хоть хмурым
оказался день.
Понурым шел эскорт карет
из скорой помощи,
и говор был на разных языках.
Шли студенты
и солдаты,
шли ученые когда-то,
шли менты,
бандиты.
Жарко было всем
в колонне.

Каждый нёс ручную кладь,
а простому человеку
здесь добавили
аптеку,
магазин,
больницу
и ритуальные услуги.
— Слышишь, — говорил
один другому. —
С нами олигархи,
депутаты!
И знакомых лиц известных
уйма! Глянь!
А попса пела
все песни
за последние лет тридцать
все вподряд.
Рокеры хотели прыгать,
но не позволял
им статус
под дешевку порысачить.
Шли и пьяные,
аж сине-красные
их рыла,
наркоманы
всех сортов.
Шла и школа,
и остов
несли с музея
кабана.
И карусели ехали
за тракторами.

Шли дальнобойщики
рядами
с границы от России,
чтоб впустую не стоять.
Шли танки,
самоходки,
пушки
и даже часть подводной лодки
на “майбахе” везли.
Шли врачи,
и шли медсёстры,
санитарки.
И шел остров
наш Медвежий
с Черноморья.
И спортсмены шли
в исподнем —
кто как спал,
так встал и в строй,
некоторые голыми.
Босой шел председатель
комитета олимпийского.
Потеха!
Всем был цирк
объединённый
с театрами
и земноводным,
невиданным доселе
существом.
Музыканты шли
с винтом
от корабля времён Цусимы,
и винт тот
звуки издавал —
его лупили.

А на трибуне
власть стояла,
доклады разные читала.
Но их никто не слушал.
— Где ты? —
орал из толпы
старый алкоголик.
— Где ты, власть?!
И власть влилась
в колону
как раз за лошадьми
из ипподрома,
а замыкал их
вертолёт
главковерха
без винтов и без колёс —
везли его грузовиком
как гроб.
Но в нём жили кролики,
обычные, пушистые,
росли
с весны.
Инвалидов было много.
Шли мимо храмов,
но к Богу
не обратился здесь никто.
Шли бесконечно
долго.
— Вот это праздник! —
подумал я.
— А, может, это всё
не то? —
закралась мысль...

24.08.2013.

***

В Европейский союз
мы идём невнятно
и боком.
Но нас туда тянут,
это видно
даже подслеповатым оком.
И идут туда,
и едут
вагонами.
Тяжеловесными поездами
заполнен железнодорожный путь.
На Запад!
С Востока!
Автомобили большегрузные,
и колонны
пешеходов.
Не все здесь.
Кто-то остался.
Может быть, испугался
идти с таким
ужасным кодлом
подонков,
укравших всю страну.
Бандиты,
олигархи-воры
с армиями банд.
Горы
ворованных вещей.
Идут коррупционеры
всех мастей
с миллионами
грязных, блин, башлей.
А как же там Европа
с их правосудием,
правохранителями,
оком разведок
всех известных
и тайных,

и налоговых структур?
Открыто
идёт такая банда,
и её ждут,
ещё и тянут.
А, может, восторжествует
справедливость
и эту босоту
всю посадят?
Но сел Милошевич пока...
А, может, территория
нужна?
И мысли рвут
мой мозг.
Почему нас тянут
как за нос?
Это же миллионы
бандворья!
Неужели они станут
знатью там,
как здесь?
Я думаю, что
ни фига!
Россия белая в снегах,
в берёзах белых,
кедрах и дубах,
и тундра, тундра —
на тыщи миль.
И место там для всех
готовит небо,
там — простор...
А, может, всё
не так и плохо —
вступить в их партию,
оружие купить
и сесть смотрящим.
Кто-то скажет:
— Не возьмут.
Наверное, и так.

Не для меня
змеиный спрут.
Европа с грузом
этим
падёт империей
как Рим,
и где-то
прочитают мои строки
в “тёмных веках”
бандстаи власти
и уцелевшие одиночки...

24.08.2013.

***

Каждый день
под димедролом,
анальгином,
промедолом,
нозепамом
и пропаном,
что с баллона прет
и доводит до нельзя.
А у меня семья,
и большая,
трудовая,
но все пьют
и выпивают
каждый день
под вечерок
за президента,
уголёк,
за страну.
И королёк
каждый в доме
на диване
после смены.
И мой Ваня,
старший,
что внебрачный,
сын
вчера в партию вступил
коммунистов обновлённых.
Выдали билет прикольный,
красный, с Лениным.
И собрания в привычку
Ване входят
кажинный день.

А я лежу как старый пень
под димедролом,
анальгином,
промедолом
и картины вижу
чудо-бытия.
Мир то спит,
то красками сияет.
красок много
цвета сини,
цвета красного.
Россия видится
мне в кайфе часто:
на месте Кремля
лежит богатство
в виде золота, алмазов,
и мы всё это
тырим, мажем
лапу нужную в аптеке,
лапу в ментуре,
чтоб за это не тягали без конца.
А семья вся у стола.
Водка русская и пиво,
вино креплённое.
Красиво закусон
лежит на газетках —
селёдка, сало
и котлетки
для детишек после школы.
Первый тост
за всех здоровье.
Второй — за школу и уроки,
за учителей
наших глубоких,
знаний сильных
и нужонных —
сегодня космос,
масэлектроник!

И тост третий — за него,
президента твоего.
Что? Не пьешь ты за него?
Эй сосед,
и ты, соседка!
Деньги прячете.
А бутылочку купить?
Праздник по стране
отметить.
Ах да, вы оппозиция,
актив...
Под димедролом,
промедолом,
под травку,
под коноплю,
и под это...
Ваня лишку хватил
и в окно кричит:
— Вся власть Советам!..

24.08.2013.

***

Что идея есть вчера?
Что идея есть сегодня?
Что идея будет завтра?
С идеей всё возможно.
Её меняют часто ложью,
назвав обман потом
ошибкой.
А то хребет ей сломит
какой-то деятель
и спишет всё на перегибы жизни.
Идея многогранная всегда.
Национальная, научная,
и да!
Конечно, да!
Политическая.
Но нашу всегда мы
скрутим
и вывернем изнанкой
вверх,
потом опустим вниз,
аж жарко.
От подлости придёт успех
отдельным,
кто идею трахал.
Так было вчера не раз.
Научная только
тогда светилась грань.
Есть чем гордиться
нам хотя бы в этом.
Сегодня всё затёртое
слюной,
что с языков слетала
деятели общественных.
То терли национальную
всё грань,

и замусолили алмаз
до пивной бутылки
измазанной жирной снедью.
То политическую грань
терли, мыли,
добавляли
к алмазу кирпичи
из старых зданий,
и новые,
которые лишь
кое-как обжигали.
Коммунистическую
в феодализм вогнали,
и миксером из языков
и мозгов дебильно-хитрых
замешали.
Идея со сломанным хребтом
и в грязи вся
от жирных языков
и рук, которые не мыты
были.
Грязными руками
идеи мяли и любили.
Научная ушла сама,
сорвавшись от
удушья и разрухи,
ушла в страны другие,
навсегда.
Её здесь нет уже.
Вот это пруха,
везенье бишь, зарвавшимся
дебило-подлецам.
Что будет завтра?
А будет ли оно?
Придёт, конечно, день,
и Солнце, и Луна,

и тень
от дня сегодняшнего ляжет
надолго в завтра,
и время всё покажет.
Изменится ли, вырастет
народ,
который и идею
отмоет, ототрёт?..

25.08.2013.

***

Вопли, крики
и ор
по стране.
Все телевизоры,
пресса
в огне темы
бежавшего Мельника Петра,
академика-налоговика.
Может, на чартере
в Мюнхен, Нью-Йорк,
а, может, Карибский бассейн.
Но утёк.
Так, говорят,
как когда-то
кричали
об “убежавшем” Гонгадзе.
Замолчали,
когда нашли труп.
Вот так и здесь.
Может быть Петю,
как борова, в ночь,
хорошим ножом в сердце и печень.
Борьба их партийная,
и крыть то здесь нечем.
“Молодые” из низу
прут вверх
на “старье”.
А те в гроб ложится
не хотят,
вроде бы рано ещё,
и Петю попутали
явно низы
“молодые” возросшие
шакалы и псы.

А “старые” решили
спасти верхпартийца —
или на чартер,
или убийство.
И все знают правду
в Политбюро,
или партийном верху.
Поделом.
Этот позор партии
власти,
что много лет
(их словами) колбасит
публику на территории цирка,
где на арене
большая дырка,
и сквозь неё
видно закулисье,
и все уборные, и всех артистов.
И хохоту, хохоту
над бедной землей!
Но хохот абсурдом
стал и ослом,
который отрезал
сам уши себе.
И хвост обгоревший,
и шерсть перекрашена,
а усы остались чёрными
и, вроде бы, нет
и осла.
А, может, и есть?
Но это не важно.
Публика занята
телевизороважно
и слушает
рёв
и стоны,

и ор
от журналистов,
которые стали
похожи
на этих блондинов-ослов.

25.08.2013.

***

На постсоветском пространстве
огромной любовью
в железных объятиях
спасаются родины.
Может поэтому
мы обездолены.
В железных объятиях
так многолюбящих
ребра трещат
и ломаются руки.
А головы смотрят
неживые назад.
Свернуты шеи
от любви
аж трещат,
как лес в буреломе
под ветром всесильным.
Огромной любовью
ломают Россию.
А Украина от многих
любовников
потерявшая совесть,
спит под насильником,
всё обещающим
украсить,
поднять.
А сам как оккупант
берет себе
самые сытые части
опьянённый любовью
как страшным проклятьем.

Без конца подливает
ей водку, вино,
какой-то дурман
с белены.
Мухомор
стал депутатом ныне
в лесах,
его покупают вассалы,
чтоб — бах! —
в тарелочку с цветиком
и лепестками,
смотришь, упали
те части им сами
в лапы покрученные
от вандализма,
от алчности,
но, говорят, ревматизма.
Сколько ревматиков
расплодила от пьяни
страна, что застряла
в войне на переправе.
И берег попутали
её командиры,
то мосты из понтонов,
а то крокодилы
вроде мешают
форсировать реку.
И страху гоняют
замполиты про это,
и так, что солдаты
не держат язык
и лезут с ним
прямо на учебный штык.

А штык-то
стучащий,
смотрящий
и важный.
Они ему всё обо всех
и сливают.
От информации тонут
в штабах:
этих бумаг — просто страх! —
кто их читает,
сходит с ума,
и их отправляют
по реке как дрова.
А под облаками смешались
стаи
те, что на юг,
и те, что на север,
и те, что остались,
путая пары:
ворон — журавль,
аист и стриж,
чайка — корабль.
Настоящий. Космический.
Явно с России.
Упавший на взлёте.
Смотри, не посадили
тех, кто нажимал
кнопки на старте!
Спутникам жарко
от бесконечной попытки
работать,
а ракета с птицами
кружит над мостом.

И это пугает
генералитет.
Они то не знают
откуда ракета,
и что ему бахнет
в голову, там,
в главном компьютере?
Вдруг пополам разорвёт
нашу страну,
как когда-то
в веках темных.
И жмут на газ вестовые
с пакетами в штаб.
Рвут мотоциклы
и дороги летят
в обочину
щебнем,
асфальтом,
бетоном,
остаются лишь ямы,
где фуры в обломе
рвут себе шины
и летят под откос.
А Генштаб повторяет
все тот же вопрос.
На картах, лежащих
уже на полах
и на крышах
по кровле,
весь Земной шар
размотан на части.
Ищут, где мы
и где наше счастье.

А речка бежит,
гонит волну.
Народ ловит рыбу,
живёт как в лесу
без средств связи
и управления сверху —
провода подавали
в металлолом, а столбы
стали мостом
в соседние села.
Там много девчат
и танцы
для наших ребят.
Свадьбы играют,
рожают сынов,
сажают сады,
огороды.
А рядом совсем
тягают понтоны
уже поржавевшие,
искорежены временем.
Там строят мосты
любовники грешные,
чтобы растащить страну
кто-то всё влево,
другие — направо,
третьи по центру.
Но все постаревшие
от страстной любви,
от частых оргазмов
и в дни
когда даже пост
и стыдно бывает.

Но ненька всё пьёт,
и ей подливают,
так она легче
согласна на всё.
И никто с этих
любовников не пострадает:
каждый урвал,
рвёт,
дорывает.
Да вот только
счастье не наступает...

26.08.2013.

***

Там в цветном прошлом
природы Божественной
остался твой образ
стрелою мгновения.
Неизменный по форме
и содержанию.
Образ красавицы.
В апреле
Наталья.
Потом было лето
нежностью грето
и солнцем,
и болью,
с надеждой оставить её
вместе с тобой
где-то мгновенно.
Не удалось утонуть
в глубине глаз на полнеба.
Я был пресыщен
любовью твоей.
Судьба баловала
перед тем, как ломала,
и не отпускала
в свободный поток.
Десятилетия ожидания.
Тюрьма от судьбы,
чтоб насытила впрок.
Но всё здесь проходит.
И привычка как данность
к чему бы то ни было
меня избрала.
Я успокоился.
Осенью грустью тихой
ушли
грёзы с мечтами.

И только сны
зимою, ночами,
нас вновь свели.
Образ твой
прежний остался
мне в память
великим подарком
вечных мечтаний
и романтики жизни
в грёзах
и музыке света
и опыта.
Образ твой снова
и снова ласкает
центры, что в памяти
за покой отвечают.
И образы многих там
остались навечно.
Но твой сильнее всех,
как любовь моя,
вечно
останется только со мной,
а ты, Наталья,
станешь седой,
может...
Может, и может быть
всё, если жизнь
пронесёт тебя здесь.
А, может быть, точка
стоит давно
на дороге твоей?
Не все равно мне
никак.
Я пытался тебя
разыскать,
но отводили день тот и час.

А в глубине сердца
легкая искра надежды
на встречу потом.
Может быть, Марс?
А, может, Юпитер?
Мне все равно.
Ты меня всё-таки
слышишь.
Не можешь не слышать.
Столько ведь слов,
и каждое первое,
и все остальные —
моя не прошедшая
к тебе
всё та же любовь.

26.08.2013.

***

— Доктор!

Я буду жить?

— Непременно.

Но ваша жизнь
будет как варенье:

в банке,

в миске,

в чашке с чаем —

то кипятит, то остывает,

а вам все равно,

вы растворились

в нём давно.

— Доктор!

Я хочу на вас жениться,

или замуж, как говорится.

— Я не против.

Но девица,

с которой я сплю по средам,

может вам неплохо врезать.

Знаете, её характер...

А у вас ведь шесть операций.

— Почему же, доктор, шесть?

— Нос исправлен. Это раз.

Щеки затянул едва. Это два.

Подбородок сдал направо,

я его зажал исправно. Это три.

Но ваше право

всё оспорить.

— Браво, браво!

Доктор, вы кудесник!

— Грудь размером увеличил —

это четыре, —

и прилично

стала выглядеть она.

Попу вверх поднял

шикарно. Это пять.

Вы как ягодка опять.
Бедра, икры и интим
засчитали как один,
чтобы скрыть налоги.
Вот тебе и шесть,
а так — все восемь без подлога.
Ведь интима там
на годы:
всё восстановил,
добавил,
чуть украсил.
Сам как парень
онемел в операционной —
сел и всё смотрел:
персонал увёл под руки
на ногах дрожащих...
— Доктор!
Я за замуж!
Я не против.
— Но не против же ведь ночи...
ЗАГС закрыт.
— Доктор!
Я в гражданский брак.
Сейчас!
Здесь. Мгновенно!
Каждый час
будет наш.
— Но вы в швах вся
и в бинтах...
— Доктор!
Я целую вас —
губы то открыты, целы!
А там месяц,
может, меньше на неделю,
и мы в ЗАГСе,
по всем законам.
— Нет!
Мне в операционную...

— Запомни, док!
Ты соблазнил
невинное создание!
Я бороться буду
за тебя.
— Хорошо, хорошо.
Медсестра!
Срочно! Снотворное.
Дозы три.
И каждый день!

26.08.2013.

***

Остров мечты —
больше чем остров.
Попасть нам с тобою
туда, ой как непросто.
Ты затерялась
по меридианам,
по неизвестным мне
странам.
А я телефонную трубку
держу в руках,
днём и ночью держу — вдруг звонок?
Один лишь звонок,
который изменит
движение времени,
и мир оценит
величье любви.
Остров мечты...
Личный мой остров.
Я не магнат,
и финансов не очень,
но остров рисует
воображение:
голубая лагуна,
и птичье пение,
волны морские
катятся с шорохом
тихим, как сон
наш с тобой
в нашем городе,
который оставила
ты из-за мечты
не своей,
а моей.
Убегала лишь ты
в раздолье морей,

а я помогал
мечтать и лелеять
грезы свои, которые
вверил тебе.
Остров мечты...
Личный мой остров.
Там я и ты.
И я бы не бросил
тебя никогда.
Но ты помнишь
и будешь помнить
меня везде и всегда.
Я подарил тебе
свои грёзы,
я подарил мечты.
Пароходы
и корабли
в море бескрайнем.
Где сейчас ты?
Остров — новые мои
мечты
как подарок
нам от судьбы...

26.08.2013.

***

Я в гостинной
спал под вечер.
Слышу говор человеческий,
и кто-то руку тянет —
будит меня,
аки зверь.
Я открыл глаза.
Передо мною телевизор
заморгал.
На экране Вова Путин
и наш известный
Лилипутин,
похудевший Чук без Гека,
журналисты.
Начало прессконференции,
и эти сели рядом.
Император,
самодержец,
президент,
премьер
и дерзость
нашего заброды.
Весь одет по моде.
А Вова всё моргает
и рукой из телевизора
меня долбает.
— Да не сплю я!
Хватит дергать.
Что за чёрт с тобою?
— Повод есть поговорить:
он мне кум и друг.
А ты его не любишь,
ненавидишь
за удачу,
за успех
и за достоинство.

— Вова, брось ты!
Какой успех?!
Это гнойность,
дрова под котлы,
где смола кипит!
Вы хотите импернуть,
а без нас, без Украины,
не получится красивой
новой мощной
сверхдержавы.
— Да, поэт, это так!
Мы об этом рассуждали,
и мой кум мне помогает.
Вот об этом
и вещает.
— Я скажу свои слова:
Вова, он — пришейкобылехвост,
прощелыга и прохвост!
Это ваше появление
оторвёт от сверхсоюза
миллионов десять люду
чисто нашего сейчас
из-за него.
Его не только не любят,
ненавидят повселюдно!
С кем ты дружишь?
Что с тобой?
Кто он вообще такой?
Мелкий вор.
Жестокий, алчный
и бездушный,
аморальный.
А ты втяпался по уши
в эту дружбу!
Ночью видел сон я:
мы в Европе.

А Россия смотрит
нам то в спину,
то чуть ниже.
— Да ну!
— Так то, друг, русский
царь великий.
Ты поэта бы
приблизил,
литератора в друзья,
философа и мудреца.
Но твои это дела.
...Украина уже пошла.
А Вова строит новый дом
с чудовищем вдвоём...

27.08.2013.

***

Где-то есть безусловно
дверь,
условная,
без ручек,
замков
и петель,
может быть, даже
щель,
раздвигаемая не руками,
а духом
сильным
изнутри.

А где его взять
нам, строптивым?
Тот — себе на уме.
Другой изменяет жене.
Третий сошёл с ума
деньгами,
и нагрёб их горы,
а рядом нуждается
бедный ребёнок.
Отец его погиб
в “копанке” шахтером,
приумножая
доходы хозяевам.

Эх, хозяева...

А я ищу эту щель
в миры другие,
и дверь, может быть,
ту условную
я открыл бы.
Но чем?

— Смешной ты, —
говорю себе часто.
Тебя же несёт
мир куда-то,

и ты, вовлекаясь
в игру для взрослых,
каким примером
для неискушенных?
А есть ли
неискушенные здесь?
Думаю, уже почти нет.
Только цветы
и дети,
и ты...
Человек, который
прошёл этот век
солдатом войны
бесконечной.
А мир ухмыляется
снова беспечно,
надеясь на тех, кому
вверил судьбу —
мелкому жулику
как царю,
избрав на трон
из недостойных
самого резвого.
Лучше бы конь уже!
Конь — на трон.
Уже было.
Так повторить,
ведь это хотя бы красиво!
Надеяться на коня.
Он не обманет тебя.
А под вечер тучи,
с неба дождь
на сухую уже траву,
на привявшую листву.
И освежился мир природы.
Запахло осенью.

И, вдруг, вечер
стал прекрасным,
и любимая пришла,
невзирая на ненастье,
и в объятьях жарких
с лета
я спал тихо до рассвета.
Встретил солнца
лик светящий,
день вновь новый,
настоящий.
Может, это путь
к той двери
иле еле видной щели?
Может быть...

28.08.2013.

***

Часто сзади или сбоку,
справа, слева —
невдомёк нам —
мы, уходя,
оставляем
людей, которые
нас ждали,
нашей любви
и нашего внимания.
Хоть бы одно хорошее слово,
но непонимание
своей цели
нас путает.
По неделе,
по дням и часам
не ориентируясь,
мы забегаем куда-то,
потом от страха
ретируясь.
А время тянет нитью
путанной:
то клубок, то узлы,
и рвутся здесь
наши ощущения
и понимание
самого себя,
не говоря уже
о наших желаниях.
Бесконечно одни и те же —
есть, одеваться, секс,
и делать, делать, делать
деньги
для приобретения
имущества.
Целью стали не цели.

Цели запутались
в клубках и узлах
как змеи,
и, сбросив кожу,
обновились.
Наши цели остановились.
А мы бежим
к ложным.
Они как пустыня
нас гложут
и подхлёстывают
к победам
со стороны смешным.
Но мы верим
в свою борьбу
для благородных целей.
Жизнь человека
стала как дело,
малое для начала,
и большое, важное.
Завизжала пила,
гроб строгая,
заились слезами глаза,
он уходит от нас, умирая,
кормилец семьи,
великий человек,
политик главдома.
Цель достигнута.
Могила на центральной аллее
кладбища тихозелитного,
почти в центре города.
Здорово!
Ещё тонны мрамора и гранита.
Отпевает церковь,
и суета забыта.

А сзади люди, и сбоку тоже,
они ждали внимания,
любви,
или хотя бы слова.
Но цель оправдывает
затраты.
Затрачена жизнь.
А куда ты?
Но он уже молчит
в могиле,
а другой бежит,
как и все в этом мире.
Цель...
Цели...
Разные...
Ошибочные,
или правильные...

28.08.2013.

***

Плетут из нас трос
на новый мост
через моря и океаны.
Мы стоим в очереди
как бараны,
и только дыхание
выдаёт наше,
как мы считаем,
страдание.
Нас много
со всех материков —
живой строительный
материал
для мостов.
Это будет чудо-мост.
Его держать будет
один лишь трос.
Его зацепят за Луну
вторым концом
во всю длину.
Очередь движется быстро.
В ней рабочие и министры,
писатели и кухарки,
водители и проживалки.
Со всего света
свозят, сводят.
Люди быстро уходят
в здание завода.
Цеха работают шумно,
и дым из трубы
с запахом
как из крематория.
Мы не видим
какой получается трос,
но его, говорят,
мотают на барабаны,

и везут на строящийся
мост.
Новые технологии!
Из человеческого сырья
уже и сотовые телефоны,
и другая фигня.
Людей не хоронят,
их перерабатывают
на вещи,
а вещи в магазины
увозят.
Великий мост.
На нем напишут
наши имена.
Табличка электронная,
бегущая строка.
Я в очереди уже месяц,
нервничаю,
но держусь,
и двигаюсь вперёд
всё смелее.
А сзади людей
меньше и меньше.
Говорят, свезли всех
со всей земли,
остались лишь
рабочие и умельцы.
Но я знаю,
что от великой миссии
откупаются.
Мой сосед заплатил
и спрятался.
А я готов жизнь
отдать за мост.
Это лучше чем
гроб и погост.
А труба под небо
уже почти не дымит.

Мы подходим
и видим — печь
одна только горит.
Крематорий!
Пробила мысль.
А где же завод
и трос?
Но кто-то схватил
меня под руки
и к огню поволок...

28.07.2013.

***

Лодырь.
Лентяй.
Баклуши бить.
Сачковать.
Водку пить.
Пиво жрать.
Куриль.
Перекуривать.
Делать вид, что работаешь,
и другим завидовать.
Спать.
Лежать.
О фигне мечтать.
Богатеть на печи.
Есть сухие калачи.
Рожать детей,
можно свиней,
большое стадо,
пасти их не надо,
в них войдут бесы
и упадут с обрыва
в море.
Тротилом
в голове
новые мысли
о стране.
А дом родной
в пыли и грязи.
Жена немытая,
и сам такой же.
Проза жизни,
но и поэзия тоже.
Грустная и необходимая,
как лекарство
всеизлечимое.
Бальзам молодости
на водке настоящий.

Уринотерапия
и секс в подворотне —
людей немолодых
пощекотать нервы
и отдохнуть
от внуков и детей.
А стервы-соседи
ментам стучат.
Сами завидуют
и хотят.
Лень, наверное...
Скорее, да.
А, может, другое.
Да ерунда!
Просто не могут
решиться на шаг —
жить не как все.
Им бы спать и лежать.
Пыль на лице,
паутина
на интимах,
мох по телу
зеленый, серый,
по нему можно определить
где юг и север.
Человечище, встань,
чтобы что-то делать!
Человечина...
Мясо и кости.
Сердце. Мозг.
Душа,
как гость,
в теле.
А, может, это
и есть жизнь?
Может, и в самом деле?
Диван.
Кровать.

Лежак.
Водка.
Вино.
Пиво.
Табак.
Давно это с ними так?..

28.08.2013.

***

Часто меняется
жизнь,
страна
и события
не в лучшую сторону.
И мы обижаемся
на нашу историю.
Связав воедино прошедшее
время
и время сегодняшнее,
неприятности
воспринимаем
как следствие
событий истории,
тем самым
плохо вспоминаем
время, в котором жили
наши деды, родители.
По их недомыслию
мы что-то теряли
там, в прошлом далёком,
и не желаем
тихо и скорбно
покоя им вечного.
А обвиняем сегодняшний
день следствием
жизни их
часто тяжелой,
невзрачной,
и счастливы
были они
лишь мелкими радостями.
Мы не научились
в трудах созидать.
Мы научились
красть лишь и врать.

Позором для предков
и мы, и вся власть.
Но мы обвиняем
историю.
Вспять не повернуть
время,
эпоху,
и не вернуться
к ошибкам тем
прошлым,
чтобы пройти
и не совершить
какие-то события.
Жизнь
такова,
и такие дела её.
Каждому здесь
отвечать за себя.
Только лишь ты
и твоё поколение,
твои дела,
и всё что сделаешь.
Но делать не хочется,
надеясь на тех,
кто созидает.
А мы лишь
портрет
рисуем свой в лаврах,
ведя жизнь позорную,
и просим, приказываем
славить нас на литаврах,
и мысли одни —
ворваться в историю.

29.08.2013.

***

Язык та мова.
Одна розмова.
Немає тут
іншого слова.
Язык та мова.
Народ прибитий
в прах дороги
десятиліття
слухає мову
і все одну і ту ж.
Язык і мова.
І політик кожен грає
на струнах дурості.
Немає серйозних справ
в країні лиха,
а все про те, що
мова вийде
та поведе
до процвітання
корит свинячих.
І все життя наше
лиш припаси,
що ми надбаєм
собі та дітям.
Мова все зробить!
А *язык* порвати
на мотлох в хаті,
і тільки *мову* споминати
як ту молитву
язикату
часів язичників
і шанувати
традицій час
коли молились
так как и сейчас
богу царства
вещей и рабства их
себе и своим детям.

А що там серце?
А що в душі?
Одна розмова —
про язики.

29.08.2013.

***

Эх ты, Луг-Лужков,
всё куражился.
Косари пойдут,
поломаешься.
Сено высушат и в стога,
на корм лошадям,
а потом — навоз.
И зима
скует тебя.
Снег. Мороз.
Тело ляжет в них
твоё инеем,
и глаза закроются
дорогами зимними.
Но время сжалится
и весна зайдёт,
разгуляются
воды вешние,
а затем
цвет цветения —
и трава, и хмель.
Но по кругу всё,
как всегда:
сено нужно всем
и деньга.
Косари зайдут,
сбреют долыса:
земля пятнами,
корни голые.
И за зад возьмут
рано-поздненько.
Я писал тебе,
когда над Москвой
стоял ты,
что болванишься
ведь напрасно:

в рулон свернут
и траву, цветы.
Так и вышло, друг.
А сейчас
второй за тобой, вишь,
круг.
Кроме сена
деньги все возьмут.
Лондон даст тебе
милосердие:
кровать, приют
и обед, вечернюю
снедь бесплатную.
Доживёшь, Лужков,
не напрасно ты.

29.08.2013.

***

За киноплёнкой
призрачных снов
красное солнце
всем вновь встает.
День обещает быть
жарким
и температурой,
и беспорядком,
или новым порядком,
который не ждали.
Но как хотели
в счастливые дали
на идеях чужих,
чужих спинах,
поту и мозолях!
И нам показали.
По телевизору
с нами играли
юные парни,
и взрослые дяди,
немножечко тёти,
и девушки
радо и эмоционально
вещали.
А мы и поверили,
бросив все в урну
с мусором вместе
дипломы,
шкатулки с разными
справками и мелочами.
Продали даже
ордена и медали
Героев Союза
и даже тот, Ленина —
с молотка
за триста баксов.

Уверенно деньги
несли в трасты и банки —
жить на проценты
хотелось.
Лентяи, лентяйки
как оказалось
выросли на этой земле,
и казалось,
что мало всего мы имеем.
Нету попкорна, колы и пепси.
И дым сигаретный
вонючее наш.
И джинсы, и майки, трусы
у них лучше.
И багаж первых оттуда
журналистов, политиков
превышал вес
корабля для
ловли рыбы.
А нам —
картинки, статьи
в желтой прессе.
Миллионный тираж
мусолили вместе
страной и семьей,
задыхаясь от злости.
Где ж мы живём?
И плевать было
на рябины, берёзки, калины,
на молодость в мальвах
и поцелуи
женщин красивых
в мае-июне.
На всё плевать!
А мировая бордельня
скачала миллионы
прекраснейших дочерей
туда на растление.

А парни — в бандиты
и на кладбища слиты.
Промышленность —
в металлолом.
И поделом!
Армию — в зад ногами.
Политики новые
восстали над нами —
пьяницы, трусы
и аферисты,
картежники, наперсточники
и дешевки-артисты.
И вот теперь сны
кошмаров
мутируют,
их стилизируют
под авангард.
Деградируют мысли с рассвета,
и солнце не нам
будто светит.
И беспорядок
привычкой в крови.
Хаос движения
тел в нелюбви.
И снова надежда
на новый союз,
на их обещания
дать нам,
всех обусть
в крокодилы,
питоньи сандалии,
и в джинсы одеть
Кардена, Ричи,
и, главное, —
доллары, евро.

Тянут все к себе.
Как быть?
К кому примкнуть?
Время покажет.
Уже наш черт
на трубе сидит...

29.08.2013.

***

Приказ был:
разрушить до тла!
Мы и разрушили.
тло так и осталось
нам как отдушина.
Через это тло
мы смотрим на жизнь.
На подонков своих
и туда, где их бить
будут как будто бы.
И этим живём.
Надеждой отмщения.
И поделом.
Злом на зло,
и злостью на всех.
И тех, кто успел
и принял успех
на карманы и в банки,
и за забор,
и на тех, кто
как будто народ,
который позволил
это до тла.
Под самый корень —
так додавить
может лишь
бешенный
в ритме безумия,
чтобы утешиться
и насладиться,
забывшись на миг.

А потом снова,
если тло устоит,
и будет куда и чем
до упора.
Вот это, бля, жизнь,
судьба!
Как в затворе.
Делать работу
подсобника в деле —
патроны вгонять
в ствол.
И похерят, когда
обломается и где-то
сотрется.
В металлолом!
Не обойдется
вечно ему дергаться
в пушке!
Постоянные только
лишь руки,
но руки живые,
меняются тоже.
Но для затвора
они все одни.
И эти рожи, что впереди
с перекошенным ртом,
и болью, и кровью.
Автомат стреляет.
Бойня заказана как обед
в ресторане под пальмами,
а, может, нет,
может, на палубе
лайнера белого.

Женщина в бриллиантах
кокетливо
держит бокал,
вин изысканных
сегодня много выпито.
Бойня врывается с пылью,
пожаром,
запахом крови
на обед
в дорогие где-то там рестораны...

29.08.2013.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

I.

Иногда штатные высоко и глубоко легализованные патриоты Украины ставят мне в упрёк русский язык и жесткость моих поэзий.

Всё хорошо, товарищи академики и герои несуществующей страны. Реально Украина как бы есть. Власть, флаг, герб, деньги. Территория и население фактически тоже есть, а в духовном, высшем смысле, нет. Дыра. Но не дырой, а отсутствием. Всё в сюре, всё в мистике ужаса неземных фантазмагорий. Отсутствует здравый смысл во всём. И в управлении государством, и в управлении захваченной в тяжелых боях и кровавых потерях собственностью.

Пройдитесь по кладбищам.

Аллеи могил боевиков, криминальных авторитетов, красных директоров, банкиров, бизнесменов.

Поначалу, в девяностых годах двадцатого века, была какая-то короткая свобода, а потом всё собиралось в копыта определенных существ, появившихся из специальных табакерок, размером с мусорную урну. Они стояли в кабинете президента Кучуменка Леонида Маниловича. Личность в истории ещё та! Простой сельский парень татарской внешности наворотил на сто лет. Ленин и Сталин ему в подметки не годятся. Технологии, явно со спецордена спецстраны на спецулице под названием “Глубокая хирургия”. Но людям всё это почти по боку, почти по фигу.

Они стали рабами и холоуями, а кто зрел, убежал за рубеж, но в подсобные работы.

Как ни министр, так мультимиллионер и с собственностью госпиорога и оливье под газом и нефтью, или домик в лесу на маленькой площадке в тысячу гектаров и церковь во дворе. Прости, Господи.

Сатана Тебя боится, тоже факт.

Вчера (27.06.2013.) по каналу телевидения СТБ (слаботравмированный больной) шла передача о том, что артист России Палкин или Гвалкин изменил жене Гугачёвой или Прыгачевой. Мол, ей шестьдесят четыре года, а ему тридцать семь. И, мол, у неё и тело, и внешность, благодаря пластике, — супер! Выглядит как девочка в тринадцать. А сексуальных гормонов мало, но врач говорит, что может добавить таблетками и их половая жизнь протекает и

будет протекать нормально. А если засадить семени, то она может родить.

Она была много раз замужем, но очень умная, сверхумная, суперумная как реактивный бомбардировщик США (невидимка).

Я слушал, смотрел.

Язык русский. Украина.

Всё тип-топ.

Но кто-то очень болен, или страна де-юре, или те, кто её “розбудовували” — хай їм грець цим розбудовникам! — но точно, не я.

А как жить нормальным людям в такой атмосфере?

Я показал маленький кусочек большого дня заполненного дурью и одурью.

А как жить поэту?

Какую лирику писать?

О влагилище примадонны и ее искусственных, под таблетками, эрогенных зонах и половых органах дурака в тридцать семь лет, насилующего вклеенно-искусственный омоложенный кусок тела старухи с больной головой?

Аминь!

Да здравствует ваша вера в свободном донельзя мире.

Его вылечить может уже только Бог.

А я пишу то, что вижу, ничего не прибавляя.

Я показываю правду жизни через большой экран поэзии.

Дабы увидел и осознал хоть кто-то один.

Где он находится, и как он сюда попал, и как отсюда выйти.

28.06.2012

II.

В огромном Советском Союзе царствовала идеология для идиотов. Марксизм-ленинизм — философия под названием “научный коммунизм”, которую мало кто читал и не знал что это такое, умноженная на маразм Политбюро и Центрального Комитета во главе с идолом-вождем. Мне могут перечить многие, но это факт.

Взять только один вопрос.

Земли в Советском Союзе — от Карпат до Камчатки — не сосчитать и не перейти. Но квартирный вопрос не был решен никогда. А, казалось, чего проще: родился человек, а ему к восемнадцати годам пятнадцать соток, а не дурацкие дачи от четырех до шести соток, а кто во власти — не меряно.

Дачные участки выдавали начальству и рабочей аристократии, которая обслуживала режим: шофера, повара, менты, разные местные депутаты. Домики можно было строить лишь пять на шесть метров.

Дурь несусветная.

Будки позора ленинцев.

Евробуды для собак сегодня у господина Олигархенка больше.

Люди, получив эту землю, строили бы дома, решая и жилищную проблему. Они бы не бежали искать счастье за рубеж, а строили бы свою страну.

А сегодня в результате дерибана Совдепии земли стоят в бурьянах, жилищная проблема не решена, и не будет решена никогда при этих идиотских системах жизни ради государства и того, кто захватил в нём ключевые посты.

Земля вокруг городов стоит немислимо дорого.

Ею спекулируют властимущие и другие проходимцы по нашей унылой и тусклой жизни. А кто держит педали власти и тормозит и газует, тот имеет четьреста, двести, сто гектаров. Ну, хотя бы, пять...

Скажите-ка мне больные нелюди: вам не стыдно в своих лесах и болотах, в зарослях подальше от люда опускающегося и разбегающегося? Вот она разница двух совершенно противоположных систем.

Они одно целое!

Совдепия отдала педали власти без рулей, к сожалению, своим же вырожденным в специальные человеческие модули.

— Ау! Ау! Ау! Люди!

А в ответ колокольный звон над почти пустыми храмами..

29.07.2013.

Содержание

<i>М.Малюк. Созидая крупницами силу .....</i>	<i>3</i>
«Облака по небу синему...»	10
«О Америко, Европо...»	12
«Політтехнологи, політглобологи...»	14
«Пешком по России...»	16
«По постсоветскому пространству...»	20
«Режим построил новую систему...»	22
«Нема вже в Україні...»	25
«Прийшла на землю...»	27
«Там за синим углом...»	28
«Русские в Лондон...»	30
«Здесь продаются туры...»	32
«Девочка Мария...»	34
«Звонит звонок по воскресеньям...»	37
«У нас беда большая...»	41
«Первый день июля...»	44
«Стоит старый седой солдат...»	46
«Лестницы в камне цветном...»	49
«Как бы подняться...»	53
«Если бы этого не было...»	57
«Через стих проходит полосой...»	61
«В бесцветном пространстве...»	63
«За четверть века...»	66
«— Двадцать років...»	70
«Пол-лета отпето...»	74
«Уже лет двадцать...»	77
«Стогнала, вищала, вила...»	81
«За наплывшими мыслями ...»	85
«Киль соприкасается...»	88
«— Шеф!...»	91
«Я повторяюсь...»	96
«Я встал бы на заре...»	99
«Что у вас за страсть...»	101
«Петра и Павла...»	105
«“Химический” Али...»	107
«И вот она — та местность...»	109
«Я приду победить...»	112
«Квадрат окна...»	114
«То, что в жизни сзати...»	117
«Как перегретый мотор...»	121
«Летом прошлым...»	123
«Вглубину и назад...»	129
«Судьбоносная данность...»	131

«Грёбаный винт...»	135
«Содом и Гоморра...»	138
«Всё уже так далеко...»	140
«Мне вчера священник...»	144
«Моя река и мой берег...»	148
«Ты любовью моею...»	152
«Куда девается маржа?...»	154
«Когда-то, придя к власти...»	158
«Эта радость ...»	162
«Не воин снова...»	167
«Поэт и смерть...»	170
«И вновь эта масть...»	172
«У меня забрали бизнес...»	174
«Ты от кого-то отбил...»	177
«И, вдруг, воскресший Ленин...»	179
«Погоны золотом ...»	184
«А я снова к тебе...»	186
«Я с грустью ...»	188
«По хрустящему насту...»	190
«Я выдавливаю себя их тебя...»	192
«Я кричу в даль...»	194
«Ты устал...»	196
«Мрачности, мерзости...»	198
«Зал большой...»	201
«На флаге истории...»	205
«Политика...»	209
«Какая грусть...»	214
«Удар молнии...»	216
«Большая голова Симона...»	220
«Не бросайте бисер...»	223
«Мои книги...»	227
«Уходят близкие ...»	229
«Я кричу, шепчу...»	231
«Стены, стены, стены...»	235
«В глухом одиночестве...»	239
«За внешне красивым...»	243
«Оргазмы, поллюции...»	247
«Пал, даже рухнул...»	250
«Я бизнес свой открыл...»	252
«Мне бы повторить...»	254
«Я стучусь...»	256
«Мысли уходят ...»	258
«Миропорядок...»	261
«Ледяные волны...»	264
«От салютов, гимнов, маршей...»	266
«В Организации Объединённых Наций...»	269
«Сегодня ночью...»	272
«Мощным ударом руки...»	275
«Город пал...»	278

«Каждый считает себя...»	280
«На правду поднять ...»	282
«Под лунным туманом...»	284
«Хорошо осталась память...»	285
«Типа ищет милиция...»	287
«Суразы, несуразы...»	291
«Траур идёт, шагает ...»	293
«Приказ балды...»	296
«Худой...»	299
«Сегодня какой-то...»	308
«Мне позвонил сегодня...»	311
«Громом и молнией...»	315
«В скользящих потоках ...»	317
«Тихим шепотом...»	319
«На Балканах вновь спокойно...»	323
«Вроде бы быстро...»	327
«Каждый сапожник...»	331
«Резкий, с пылью, ветер...»	335
«Отрываясь ...»	337
«Горящее солнце...»	340
«Антидруг...»	342
«Мы мечемся в выборе пути...»	345
«Мы независимость будто...»	349
«Шёл народ на праздник...»	351
«В Европейский союз...»	355
«Каждый день...»	358
«Что идея есть вчера?...»	361
«Вопли, крики...»	364
«На постсоветском пространстве...»	367
«Там в цветном прошлом...»	373
«— Доктор!..»	376
«Остров мечты...»	379
«Я в гостинной...»	381
«Где-то есть безусловно...»	384
«Часто сзади или сбоку...»	387
«Плетут из нас трос...»	390
«Лодырь...»	393
«Часто меняется...»	396
«Язык та мова...»	398
«Эх ты, Луг-Лужков...»	400
«За киноплёнкой...»	402
«Приказ был...»	406

Літературно-художнє видання

Можаровський А.І.

М75 Останній вагон. *Поезії*. — К.: Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2013. — 416 с.

ISBN

У новій книзі А.Можаровський щиро, відверто, з глибоким болем і розумінням пише про моральну трагедію сучасної людини, яка сприймає світ як хаос.

УДК 821.161.1-1

ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5

Відповідальний за випуск
Михайло МАЛЮК

Комп'ютерна верстка
Ганни СОЛДАТЕНКО

Художнє оформлення
Світлани УРБАНСЬКОЇ

Здано до виробництва та підписано до друку 18.11.2013.
Формат 60х100 1/16. Зам.
Ум.друк.арк. 26,0.

Видавничо-поліграфічний Центр «Київський університет»
01601 м.Київ, бул.Т.Шевченка.14, кім.43
Свідоцтво ДК №1103 від 31.10.2002.